

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

Кафедра общего языкознания и славянских языков

СЛАВИСТИКА: НОВЫЕ ИМЕНА В НАУКЕ

*Сборник научных трудов участников II Республиканской
очно-заочной научно-практической конференции
студентов и молодых учёных*

Горловка
2018

УДК 811.16
ББК Ш81.41
С47

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 4 от 28.11.2018)*

Редакционная коллегия:

С. А. Кочетова – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой литературы и сравнительного литературоведения ОО ВПО «ГИИЯ»; **Н. В. Волкова** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой второго иностранного языка ОО ВПО «ГИИЯ»; **Н. А. Белоконь-Пожарицкая** – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и сравнительного литературоведения ОО ВПО «ГИИЯ»; **И. А. Герасименко** (главный редактор) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «ГИИЯ»; **Н. В. Лешкова** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «ГИИЯ»; **О. В. Блюмина** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «ГИИЯ»; **Л. М. Бражник** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «ГИИЯ»; **О. В. Сырова** – старший преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «ГИИЯ»; **Ю. Л. Дмитриева** – преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «ГИИЯ».

Славистика: новые имена в науке : сб. науч. тр. по материалам II Респ. очно-заочной науч.-практ. конф. студентов и молодых учёных. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2018. – 196 с.

В сборнике собраны научные статьи участников II Республиканской очно-заочной научно-практической конференции студентов и молодых учёных «Славистика: новые имена в науке», посвящённые исследованиям актуальных вопросов лингвистики и литературоведения, новейших технологий языкового обучения и стилистики.

Для студентов-филологов, магистрантов, аспирантов, преподавателей в школе и вузе.

**УДК 811.16
ББК Ш81.41**

© Оформление. Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2018

Арапова В.
*Науч. рук. – к. филол. н., доц. Лешкова Н. В.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНА СВОЄРІДНІСТЬ МОВИ
СУЧАСНИХ УКРАЇНСЬКИХ КАЗОК**

Актуальністю нашого доробку є те, що в ньому розглядаються способи передачі прямої мови, простежуються жанрові тенденції, фольклорні та жанрові особливості.

Ключові слова: мова, мовлення, казки, фольклор, стиль, жанр.

У сучасній українській літературній мові нормами стали чотири способи синтаксичної реалізації прямої мови: препозитивна, інтерпозитивна, постпозитивна, пряма мова з обрамленням. Однак у народному мовленні способів передачі прямої мови у казках значно більше, але вони не входять у нормативну систему. Своєрідністю мови сучасних українських творів є поєднання загальномовних, загальнофольклорних і специфічно-жанрових тенденцій, це спричиняє труднощі у визначенні стилістичної природи мови фольклору.

У сучасному мовознавстві більшої уваги набуває думка про фольклор як окремий різновид художнього стилю, або як окремий функціональний стиль літературної мови.

Фольклор – це усна форма художнього стилю, яка відображає специфіку мовлення. Показником цього плану є жанр казки.

Художній стиль знаходиться у системі книжних стилів сучасної української літературної мови, казку розглядають як прозову усну розповідь. Текст казки ми відносимо до структури розповідного стилю сучасного українського усного літературного мовлення.

Казкова розповідь завжди має два рівні: 1) звичайний, розмовний, 2) казковий, фольклорно-художній стилі.

Казки – усні оповідання, вони мають розважальну та повчальну мету, а також мають незвичайні для побуту події (фантастичні, чарівні або життєві) й відрізняються спеціальною композиційно-стилістичною побудовою.

Лінгвісти звертають свою увагу на «спеціальні композиційно-стилістичні побудови». Але розповіді, а також проблеми засвоєння, відтворення і конструювання казкового тексту кожним конкретним оповідачем все ще залишаються не розкритим механізмом.

Казка як жанр проявляється своєрідністю мовного оформлення (у використанні лексичних засобів, фразеології, в особливостях синтаксичної організації фрази тощо). Багато сучасних досліджень

присвячено не лише стилістичним, а також й мовним особливостям жанру казки.

З-поміж інших специфічних рис казкового синтаксису Борковський В.Й. виділяв наявність нетрадиційного оформлення чужої мови: «Змішування прямої і непрямой мови» [1]. Інтенсивною діалогізацією позначається казкова розповідь, але у контексті казки способи синтаксичної реалізації чужої мови різноманітні, вони можуть бути нормативними і ненормативними. Крім того, способи передачі чужих висловлювань у казці є винятковими (вони характерні лише для цього жанру).

У сучасному українському літературному мовленні існують дві форми: діалогічна і монологічна. У монологічному мовленні виділяється розповідний стиль, який представлений двома основними різновидами: репродуктивною та інформативною розповіддю. Розповідний стиль відрізняється від інших стилів монологічним мовленням синтаксичною злитістю текстових утворень та їхньою неперервністю. У деякій мірі віддзеркалюється усне побутове мовлення, це є специфічним усним типом комунікації. Будь-яка розповідь є не тільки фрагментом усного мовлення, а ще й історично визначеним жанром з регламентованою композицією. У художньому оформленні оповідача нетривіальні події, що відбулися і постають перед нами, є центром розповіді.

Особливість розповідного стилю – цілісність сюжетного оформлення тексту та лінійність викладу. Розповідний стиль не виключає експресивності й художньої майстерності оповідача на відміну від інших стилів усного монологічного мовлення. Лінгвістичною нормою жанру є широке використання фразеологічних зворотів та експресивність розповіді, яка досягається шляхом загальноновживаної лексики. Перервані структури, еліптичні та неповні речення тощо є характерними для розповіді.

Як жанр фольклорно-етнографічного характеру у структурі розповідного стилю вирізняється казка. Сюжетність, цілісна завершеність, однолінійність оповіді – це характерні ознаки казки та розповіді. Композиція казки побудована на випадковостях, а не розвивається логічно. Композиція казки – явище незвичайне, це явище може зафіксуватися у пам'яті слухача, який надалі зможе вдихнути в неї нове життя. Ця композиційна особливість тексту казки ставить її вище від розповіді побутової і навіть від художньої. У композиційному плані казкова розповідь відрізняється від літературної, звичайної та побутової розповіді. Казкова розповідь зберігає певні діалектні елементи, синтаксичні конструкції загально розмовного характеру (еліптичні, неповні речення тощо).

Казкова розповідь здебільшого починається традиційною формулою: «У тридесятому царстві», «Був собі один чоловік» тощо.

Залежно від творчої манери оповідача в деяких казках можуть бути відсутні традиційні початкові формули, у такому випадку казка розпочинається як звичайна побутова розповідь.

У традиційному і нетрадиційному оформленні розповідний стиль казки сприяє вільному поєднанню конструкцій з мовою персонажів. Однак характерним є те, що і слова автора, і так звана «чужа мова» у казковій розповіді належать одній особі – казкареві.

Мова казкових героїв – це не художньо-літературний діалог, що є наслідком попереднього обміркування і що несе певне стилістичне навантаження. Специфічну стилістику має пряма мова у казці, яка зумовлена народнопоетичними законами, що є неприйнятними для художньої літератури. Вислови та вчинки персонажів заздалегідь обумовлені тим чи іншим сюжетом, що передається з покоління в покоління. Казкар веде розповідь-монолог, у яку органічно вплітається мова персонажів. Оповідач, згідно з народними традиціями, передає їх через мову казкових героїв й сам вимальовується на фоні цих традицій (діалектні особливості мови, добір фразеологізмів тощо). Казкар індивідуалізує мову персонажів, спираючись при цьому на жанрові стереотипи, саме тому в казках ми маємо чітке розмежування дійових осіб на три основні групи: злотворців, знедолених і добротворців. Конструкції з прямою мовою в тексті казки є лише способом розгортання сюжету розповіді-монологу. У побудові конструкцій з прямою мовою розповідний стиль дозволяє оповідачеві вільно поводитись.

У відрізках тексту казки виявляються стильові особливості розповіді. Оповідачеві належить мова казкових персонажів і мова оповідача. Одна з цих особливостей полягає в тому, що у свою чергу, позначається на загальній організації казкового текстового масиву.

Дослідження цих питань потребує особливої уваги, оскільки розширити наші уявлення можна не лише про можливі способи передачі чужої мови, а й про структурні особливості мови у цілому.

ЛІТЕРАТУРА

1. Борковский В. Й. Синтаксис сказок : Русско-белорусские параллели / В. Й. Борковский. – М. : Наука, 1981.
2. Бріцина О. Ю. Українська народна соціально-побутова казка : Специфіка та функціонування / О. Ю. Бріцина. – К. : Наукова думка, 1989. – 151 с.
3. Дунаєвська Л. Ф. Українська народна казка / Л. Ф. Дунаєвська. – К. : Вища школа, 1987. – 127 с.

SUMMARY

Violetta Arapova. Lexico-semantic peculiarity of language modern Ukrainian fairy tales

The article highlights the ways of direct speech transmission, tracing genre trends folk and genre specifics.

Keywords: language, speech, fairy tales, folklore, style, genre.

Барбунова М.

*Науч. рук. – к. филол. н., проф. Штакина Л. А.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ И ЕГО ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ

Тезисы исследования отражают особенности концептуальной доминанты художественного дискурса. Внимание сосредоточено на художественном концепте и его лексико-семантической вербализации. Установлены маркеры микроконцептуальных категорий исследуемого литературного произведения.

Ключевые слова: дискурс, концепт, маркер, вербализация.

На современном этапе развития лингвистики открытым является вопрос о закономерностях функционирования концептов и их вербализации в дискурсе. По мнению Е. А. Селивановой протекание дискурса обеспечивается его информационным пространством, поэтому, исходя из его диалогической модели, оно является сложным и диффузным [4, 211].

Как утверждает Т. А. ван Дейк, неверно было бы рассматривать художественное произведение только как совокупность определённых дискурсов, уникальность и своеобразие которых обоснованы исключительно их лингвистическими признаками [7, 101].

Художественный дискурс трактуют как коммуникативный акт, который не обязательно и не в первую очередь преследует цели (такие, как вопрос, утверждение, угроза, обещание), характерные, например, для межличностной коммуникации, или любой другой набор целей, характерный для других типов дискурса [7, 143]. Художественный дискурс преследует свою определённую цель: писатель через своё произведение осуществляет попытку воздействия непосредственно на «духовное пространство» читателя как реципиента (под духовным пространством читателя понимается его система ценностей, знаний, его взгляды на жизнь, чаяния и желания, личностные ориентиры) с целью воздействовать на него, внести в него некоторые изменения [3].

Одним из типов информации дискурса является содержательно-концептуальная модель как авторское творческое переосмысление

отношений между явлениями, понимание их причинно-следственных связей [2, 25]. Устанавливается дискурсивная сущность концепта, с одной стороны, как замысел автора, с другой, как его содержательная интерпретация.

В современной лингвистике разрабатывается понятие художественного концепта, который характеризует авторский выбор концептуальных приоритетов и формирует индивидуально-авторскую картину мира в художественном произведении, что и определяет эстетическую доминанту писателя [1, 268].

Как отмечает И. П. Черкасова, художественный концепт, являясь вариантом индивидуального, обладает рядом особенностей, предопределённых художественным дискурсом, в рамках которого существует [6, 58-60]. В художественном произведении буквальное значение слова приобретает новые смыслы. Это является предпосылкой появления художественного концепта. Следует отметить, что авторский мир отличается от объективного мира и поэтому авторский концепт отличается от общеязыкового. Таким образом, изучение художественных, авторских концептов проходит через художественный дискурс и его интерпретацию.

В рамках этой публикации изложены наши наблюдения относительно художественных концептов, отражающих авторскую концептосферу. Художественные концепты, как отмечает С. А. Аскольдов, тяготеют к образу, но образ в данном случае лишь намёк к раскрытию по части целого. Изучение языковой репрезентации художественного концепта является важным и необходимым для осознания идейного смысла художественного произведения и для понимания менталитета данной литературной личности, её творческой манеры [1, 70].

Основой творческой составляющей художественного дискурса является система образности, которая имеет определённую концептуальную основу и вербально маркируется, в частности, на лексико-семантическом уровне. Концептуальную основу художественного произведения, являющегося объектом нашего исследования, составляют макроконцепты «Человек» и «Природа», представленные в контексте литературного произведения микроконцептами «психологическое состояние» и «живая природа». Именно пересечение этих концептуальных подкатегорий создает когнитивную (глубинную) составляющую повести Э. Хемингуэя «Старик и море». Наши наблюдения свидетельствуют о том, что концептуальная динамика авторского замысла вербально маркируется адекватными конститuentами лексико-семантической парадигмы в оригинальной англоязычной версии и в переводе на русский язык.

Главный герой повести – Сантьяго, однако образу моря уделяется не меньше внимания в этом художественном произведении. «Море» для Сантьяго – это часть водной оболочки земли, большое углубление, впадина, наполненная горько-соленой водой, водная поверхность земного шара и безграничное пространство человеческих чувств. «Вода» становится мощной стихией, которая наполняет жизнь героя драматизмом, борьбой со стихией, иногда становится препятствием. Маркером концепта «море» в этом случае является лексема, которая символизирует особенности психологического состояния главного героя.

Например:

Переливающиеся радугой пузыри необычайно красивы. Но это самые коварные жители моря, и старик любил смотреть, как их пожирают громадные морские черепахи. Завидев физалии, черепахи приближались к ним спереди, закрыв глаза, что делало их совершенно неуязвимыми, а затем поедали физалии целиком, вместе со щупальцами. Старик нравилось смотреть, как черепахи поедают физалии; он любил и сам ступать по ним на берегу после шторма, прислушиваясь, как лопаются пузыри, когда их давит мозолистая подошва [5].

В этом отрывке художественного дискурса лексемы *море*, *старик*, *шторм* маркируют состояние покоя, равновесия, защищенности и оптимизма. Море выступает в произведении как живой субъект, поэтому автор раскрывает динамику жизни главного героя в его тесном взаимодействии с субъектом живой природы, олицетворяющей внутренний мир Сантьяго.

Таким образом, лексико-семантический уровень актуализации авторского замысла маркирует концептуальный пласт художественного произведения и эксплицирует концепт как основу информационного баланса.

Всё выше сказанное даёт основания утверждать, что содержательно-концептуальная информация художественного дискурса коррелирует с авторской концептосферой. Таким образом, концепт – это смысл, информация о том, что человек знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира, а лексические единицы как вербальные маркеры авторского замысла отражаются в смысловом развертывании художественного произведения и символизируют специфику содержательно-концептуальной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – 279 с.

2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 144 с.
3. Самарская Т. Б. Художественный дискурс: специфика составляющих и особенности организации художественного текста [Электронный ресурс] / Т. Б. Самарская, Е. Г. Мартиросьян // Сфера услуг: инновации и качество. – 2012. – № 10. – Режим доступа : <http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2012.10.20.pdf>.
4. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации : монографическое учеб. пособие / Е. А. Селиванова. – К. : Фитосоцицентр, 2002. – 336 с.
5. Хемингуэй Э. Старик и море [Электронный ресурс] / Э. Хемингуэй. – Режим доступа : <http://book-online.com.ua/read.php?book=1905>.
6. Черкасова И. П. Лингвокультурный концепт «ангел» в пространстве художественного мышления : монография / И. П. Черкасова. – Армавир : АГПУ, 2005. – 256 с.
7. Dijk v. T.A. van. Studies in The Pragmatics of Discourse / T. A. van Dijk. – The Hague, Paris, New York : Mouton Publishers, 1981. – 331 p.

SUMMARY

Margarita Barbunova. Literary concept and its lexico-semantic explication.

Theses of the study highlight the features of the conceptual dominant of literary discourse. The focus of the study is primarily on the literary concept and its lexico-semantic verbalization. The outcome of the research exposes markers of micro-conceptual categories of the studied literary work.

Keywords: discourse, concept, marker, verbalization.

Бляшкина А.

*Науч. рук. – к. филол. н., доц. Кудрейко И. А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИСКУРСА В. В. ПУТИНА

Современная лингвистика в рамках господствующей в науке антропоцентрической парадигмы обращена к изучению «человеческого» в языке. Широкое распространение в связи с этим получило понятие дискурса, связанное с актуализацией текста в процессе коммуникации.

Ключевые слова: *дискурс, лексема, контент-анализ, тематическая группа, концепт.*

Актуальность темы обусловлена недостаточной разработанностью теории дискурса, которая в настоящее время находится на стадии своего становления: уточняются и дополняются уже имеющиеся дефиниции, активно расширяется категориальный аппарат.

Цель исследования – выявление ценностной составляющей дискурса В. В. Путина посредством описания употребляемых в его речи лексических единиц.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) проанализировать речь В. В. Путина на предмет наличия в ней лексических единиц, соотносимых с определёнными семантическими категориями;

2) распределить обнаруженные единицы анализа по тематическим группам;

3) на основе полученных результатов выявить общую ценностную направленность дискурса В. В. Путина.

С начала XXI в. политический дискурс стал объектом пристального внимания отечественных лингвистов, среди которых можно назвать имена А. П. Чудинова [5], А. Н. Баранова [1], Е. И. Шейгал [6], О. Ф. Русаковой [3], Ю. А. Сорокина [4], Г. Г. Почепцова [2] и др.

С целью выявления ценностной направленности дискурса российского президента В. В. Путина был проведён контент-анализ лексико-семантического наполнения текста двух его выступлений – так называемых «Больших пресс-конференций» 2012 и 2017 гг.

Наиболее весомую тематическую подгруппу выступления 2012 г. составляют концепты «законности» и «порядка» как условия стабильности жизни в стране (*закон, преступление, судебный, законодательство, тюрьма, суд, право*). Обилие этой группы понятий в дискурсе российского президента данного периода является его реакцией на недавние протестные выступления. Это и возмущение, и запугивание, и желание сотрудничать с оппозицией для решения острых противоречий: *«Если кто-то считает, что демократия и исполнение законов – это разные вещи, то этот человек глубоко заблуждается»*.

Среди других базовых концептов можно выделить такие понятия, как «качество жизни» (*жизнь, социальный, инфраструктура*), «демография» (*семья, ребёнок*), «экономическое развитие» (*строительство, отрасль, рынок, бизнес, программа*). В базовой группе также выделяется концепт «национальная политика» (*республика, национальный*): президент говорит о важности сохранения многонациональности государства и воспитании

взаимного уважения народов: *«Мордовия – один из лучших примеров многонациональной республики, где абсолютно гармонично выстроены отношения между различными этносами и религиями»*.

В числе прочих тематических групп, помимо базовой, можно выделить группу «внешняя политика», представленную нейтральными лексемами *отношения, мир, международный, организация, соглашение, ВТО* (Всемирная Торговая Организация) – все они отражают стремление России участвовать в общемировых процессах на условиях равноправия. При этом особое внимание ещё в 2012 году уделяется отношениям с США (*американский, Соединённые Штаты*) и Украиной (*Украина, украинский*). К Америке отношение в целом неодобрительное в связи с «делом Магнитского» и «Законом Димы Яковлева», Украина упоминается скорее доброжелательно, как возможный участник Таможенного союза и как газовый партнёр, который нуждается в поддержке: *«Встаёт вопрос вообще о целесообразности существования самой газотранспортной системы Украины»*.

Интеллигентность и нацеленность политика на взаимное уважение людей, организаций, государств проявляется в тематической группе «сотрудничество и уважение», которая представлена лексемами *коллега, поддержка, помощь, уважение, партнёр*; здесь же присутствуют этикетные маркеры *спасибо, пожалуйста, господин ..., друзья: «Простите, пожалуйста, ради Бога, там ещё был один подвопрос, вернутся ли эти деньги»*.

В дискурсе В. В. Путина выделяется целый пласт понятий, связанных с тематической группой «экономика». Умение оперировать этими терминами свидетельствует об экономической грамотности политика: *экономический, экономика, деньги, доход, рубль, средства, ресурсы: «Растёт капитализация банковской системы, если вернуться к экономике»*.

Уважение к стране отображает группа «патриотизм», которая воплощается в словах *«Россия, Российская Федерация, российский»*: *«Но я хочу, чтобы будущие руководители страны были ещё более успешными, ещё более удачливыми, потому что я люблю Россию»*.

С категорией патриотизма связан и концепт «единство», выраженный словами *мы, наши, вместе: «Хотя, разумеется, нужно всегда думать о том, что и как можно сделать лучше. Давайте вместе подумаем»*.

Анализ выступления В. В. Путина на Пресс-конференции 2017 г. показал, что спустя пять лет в группе базовых, важнейших для этого политика концептов по-прежнему выделяются векторы «закон и порядок», «демография». Новыми активными группами стали такие, как «внешняя политика», «развитие технологий», «импортозамещение» и «армия».

Уважение законов страны – типичный для В. В. Путина постулат, который отражает ответственное отношение к правопорядку: *«Такая договорённость есть, и параметры этого закона хорошо известны»*.

Вопросы демографии беспокоят политика в связи с успехами государственной программы «Материнский капитал», благодаря которой впервые с начала XXI в. уровень рождаемости в России превысил уровень смертности (*возраст, дети, демографический, жизнь*): *«Уходили из жизни – и мы сокращались, Россия сокращалась – почти миллион граждан в год. Мы переломили демографическую ситуацию...»*.

Подгруппа «Внешняя политика» представлена лексемами *мир, международные + отношения, Украина, Соединенные + Штаты, Китай, Северная + Корея, американский, Евразийский + союз*. Здесь чётко прослеживается вектор внешнеполитической деятельности Российской Федерации: укрепление отношений с Китаем и сплочение стран-участниц ЕЭС. В то же время сдержанно-негативные оценки получает деятельность Северной Кореи (в связи с наращиванием ядерного потенциала и угрозами мировому сообществу). Крайне негативно оценивается позиция Украины и США (в связи с украинским кризисом и американскими санкциями): *«Мы же не хотим второго издания сегодняшней Украины для России? Нет, не хотим и не допустим»*.

Особенности внешнеполитической ситуации обусловили формирование подгруппы «импортозамещение», представленной лексемой *внутренний*: *«Кстати говоря, отвечая на предыдущие вопросы, я сказал, что экономика сегодня всё больше и больше опирается на внутренний спрос»*.

Наконец, подгруппа «армия», представленная лексемами *военный, армия, безопасность*, отражает восприятие президентом армии как, прежде всего, гаранта безопасности, а не инструмента нападения: *«...вы знаете, у нас есть известная шутка: те, кто не хочет кормить свою армию, будут кормить чужую»*.

Таким образом, постоянными для российского президента В. В. Путина являются концепты «патриотизм», «единство», «население», «сотрудничество», «экономика», «управление». В то же время наблюдаются некоторые трансформации: если в 2012 году большее значение имели вопросы внутренней политики, то в 2017 году фокус внимания сместился во внешнюю политику. Это вполне закономерно, ведь без решения внешних конфликтов развитие внутренней политики России весьма затруднительно. Новыми для современного периода деятельности президента являются концепты «импортозамещение» и «армия». Они отражают

реакцию В. В. Путина на сложившиеся обстоятельства, его стремление защитить экономику и безопасность своей страны.

В перспективе дальнейших исследований – расширение объекта исследования путём включения других уровней организации анализируемого дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Г. А. Сатаров, Е. А. Шипова. – М. : Фонд ИНДЕМ, 2004. – 94 с.
2. Почепцов Г. Г. Информационно-политические технологии. / Г. Г. Почепцов – М. : Центр, 2003. – 384 с.
3. Русакова О. Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса / О. Ф. Русакова, Д. А. Максимов // Полис. – 2006. – № 4. – С. 26-43.
4. Сорокин Ю. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия / Ю. А. Сорокин // Политический дискурс в России: материалы рабочего совещания (Москва, 30 марта 1997 года). – М. : Ин-т языкознания РАН, 1997. – С. 57-62.
5. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) : монография / А. П. Чудтнов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.

SUMMARY

Anastasiia Bliashkina. The lexical-semantic characteristic of the V. V. Putin's discourse

In given research a content analysis of two V. V. Putin's speeches at press conferences was made. Typical thematic groups of lexemes of a politician's discourse are highlighted. The groups are divided into semantic categories (concepts). According to results the value orientation of the V.V. Putin's discourse is given.

Keywords: discourse, lexeme, content analysis, thematic group, concept.

СЛОВАРНЫЕ ЕДИНИЦЫ САКРАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ В СОСТАВЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЗНАНИЕ»

(на материале словообразовательного гнезда
с вершиной *вѣдати* в русском языке XI–XVII вв.)

*В статье рассматривается явление полисемии, которое становится причиной включения части слов в разные лексико-семантические группы в пределах одного словообразовательного гнезда. Наблюдения проводились на материале лексических единиц словообразовательного гнезда с вершинным словом *вѣдати* в русском языке XI – XVII вв.*

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, словообразовательное гнездо, сакральная лексика, вершина словообразовательного гнезда.

Словообразовательные гнёзда как самые крупные комплексные единицы словообразования всегда остаются в центре внимания исследователей, поскольку описание их структурно-семантических особенностей может быть многоаспектным, а направление анализа как истории структуры, так и эволюции значений отдельных производных единиц этих гнёзда (или их групп) представляется безграничным. В последние годы в связи с активным развитием когнитивной лингвистики и обострением интереса учёных не только к форме структуры слова, но и к его семантическому наполнению, словообразовательные гнёзда становятся источником изучения истории значений не только отдельных слов, но и целых лексико-семантических групп, к числу которых можно отнести словарные единицы, объединённые общим значением *знание*.

Словообразовательное гнездо с вершиной *вѣдати*, реконструированное нами для периода XI–XVII вв., включает в себя лексические единицы книжного происхождения. История многих из них еще не описана и поэтому для современных исследователей представляет определенный интерес. Например, слова *исповедовать*, *заповедать*, *проповедь* в современном русском языке считаются непроизводными, но исторически мотивирующие их слова в синхронии рассматриваются как производные от перечисленных. Они являются вершинами словообразовательных гнезд [4, 359, 399, 829]. Свою этимологическую связь с книжным словом *вѣдати* в

настоящее время эти слова сохраняют лишь внешне, но по смыслу различаются и входят в состав разных лексико-семантических групп. И подобных примеров можно привести достаточное количество.

В ходе исследования нами была поставлена цель проследить историю развития сакрального значения у лексем этого словообразовательного гнезда, которые этимологически восходят к глаголу *вѣдати*. Для достижения цели были определены следующие задачи: в ходе анализа выявить лексемы с сакральным значением, классифицировать их по частеречной принадлежности и провести структурно-семантический анализ. Сделанные нами частные (промежуточные) выводы позволяют утверждать, что дериваты этого гнезда действительно представляют большой интерес в связи с поставленным вопросом. Установлено, что, во-первых, семантика самого вершинного слова (или, по крайней мере, возможности его корня в праславянскую эпоху) предполагает наличие сакрального значения у производных гнезда и что, во-вторых, функционирование глагола *вѣдати* (*вѣдѣти*) во всех типах текстов (но особенно в памятниках церковной литературы) способствует не только развитию, но и закреплению такого значения.

Обратимся к вершинному слову *вѣдати*. В русском языке XI–XVII вв. оно, видимо, еще не имело сакрального значения, поскольку обозначенная в словарях семантика связана либо с понятием знания как такового ('знать, иметь о чем-либо, о ком-либо сведения'; 'разбираться, понимать; владеть (о языке)'; 'знать, быть в дружбе с кем-либо'; 'знать, ведать'; 'понимать, разуместь'), либо с ярко выраженным бытовым значением ('иметь в ведении; заведовать, управлять чем-либо'; 'иметь в подчинении кого-либо, распоряжаться кем-либо'; 'относить куда-либо, к чему-либо в административно-хозяйственном отношении'; 'уметь, мочь'). Однако сказанное не исключает, что ещё в праславянскую эпоху семантический объем этой лексемы мог быть другим. Так, например, если Ю. С. Степанов [3] утверждает, что глагол **vědati*, в отличие от глагола **znati* (также имевшим семантику знания, данного свыше), передавал исключительно бытовое значение, то Т. И. Вендина предполагает, что значение сакрального знания передавалось именно при помощи производных от *вѣдати* [1, 148-149]. Вполне возможно, что семантика сакральности у этого глагола могла появиться и под влиянием подобных значений у глагола *знати*, входившего в состав одной ЛСГ с глаголом *вѣдати* и имевшим с ним много общих (синонимичных) значений.

Кроме этого, нами было установлено, что из 507 единиц, входящих в словообразовательное гнездо с вершиной *вѣдати*, 99 (почти 20%) содержат в себе семантику сакральности. Как показывают подсчеты (см. таблицу 1), среди выделенных лексем

преобладают существительные, в меньшей степени представлены здесь прилагательные и причастия. Среди существительных можно выделить две (почти равные по количеству слов) подгруппы: существительные, обозначающие (или характеризующие) людей (всего 26 лексических единиц): *провѣдецъ* 'тот, кто знает будущее'; *проповѣдатель* 'проповедник'; *расповѣдникъ* 'проповедник' и под.; существительные, обозначающие абстрактные понятия, связанные с религией и её обрядами (всего 27 единиц): *вѣщание* 'проповедь', *исповѣдь*, *повѣдь* 'проповедь, учение' и под. Наиболее продуктивной для реализации сакрального значения в названных словах является третья ступень словообразовательного гнезда, где зафиксировано 24 существительных, 6 прилагательных и причастий, 10 глаголов с интересующим нас значением. Наиболее реализуемым в выделенных лексемах является значение предсказания, познание будущего посредством божественного откровения (35 лексем с этим значением и 6 полисемантов, т. е. среди других, включающих и это значение). Так же активно реализуется значение проповедания, распространения веры (12 лексем непосредственно с этим значением и 16 полисемантов). Особенностью данной группы лексем является полисемия большого количества слов: в основном сочетаются в пределах одной структуры значения предсказания-провидения и проповедания, а также проповедания и исповедания. В отдельную группу можно выделить лексемы, непосредственно связанные с Богом и характеризующие Его: *всеѣдомый*, *всеѣвѣдый*, *всеѣвѣдущий* 'всеведущий' (эпитет Бога), *сердовѣдецъ*, *сердцевѣдецъ* 'тот, кто знает человеческие помыслы и чувства; *сердцевѣд*', *сердцевѣдѣдый* 'знающий человеческие помыслы и чувства' и др.

Сделанные подсчеты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Распределение по ступеням словообразования дериватов
с семантикой сакральности в составе
словообразовательного гнезда с вершиной *вѣдати*

Ступени словообразования	Существительные	Прилагательные и причастия	Глаголы	Всего
I	-	1	4	5
II	13	4	8	25
III	24	6	10	40
IV	10	2	6	18
V	6	-	2	8
VI	-	-	3	3
Всего	53	13	33	99

Обобщая результаты, можно сделать следующий вывод: количество зафиксированных в лексикографических источниках лексем со значением сакральности составляет довольно большой процент слов, входящих в словообразовательное гнездо с вершиной *вѣдати* XI–XVII вв., среди которых преобладают существительные, на втором месте расположены глаголы, меньшее количество дают прилагательные и причастия. Наиболее продуктивными для развития сакрального значения оказываются лексемы третьей ступени словообразования. Однако полного ответа на вопрос о причинах развития дополнительного, сакрального значения в производных от глагола *вѣдати* современная наука пока дать не может и этим создаёт желание исследователей продолжать поиски, опираясь при этом на различные источники, в том числе и на материалы словообразовательных гнезд в их эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. – М. : Индрик, 2002. – 366 с.
2. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 28 тт. – М. : Наука, 1975 – 2008.
3. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2004. – 992 с.
4. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка / А. Н. Тихонов : в 2 т. : Ок. 145000 слов. – Т. 1. – М. : Рус. яз., 1985. – 856 с.
5. Шкураток Ю. А. Семантические различия глаголов **věděti* и **znati* в праславянском и древнерусском языках / Ю. А. Шкураток // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 4 (20). – С. 59-68.

SUMMARY

Darya Borozenec. Dictionary units of sacred content in the structure of lexical-semantic group «knowledge» (on the material of derivational nest of verb *вѣдати* (to wit) in Russian language of 11th-17th centuries

The article deals with phenomenon of polysemy as a cause of concluding words of the derivational nest to different lexical-semantic groups. Research is conducted with lexemes from derivation nest of verb *вѣдати* (to wit) in Russian language of 11th-17th centuries.

Keywords: lexical-semantic group, derivational nest, sacred vocabulary, the top of the derivational nest.

СЛОВАРЬ ДЕШИФРОВАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ АББРЕВИАТУР РУССКОГО ЯЗЫКА

В современном русском языке отмечается существенное количество частичносокращённых аббревиатур, которое постоянно увеличивается. Наиболее прогнозируемое эквивалентное словосочетание, в котором аббревиационному конструкту аббревиатуры соответствует относительное прилагательное, малоинформативно и не всегда может использоваться для этимологизации аббревиатуры. Поскольку образование эквивалентных аббревиатуре словосочетаний осуществляется по регулярным и стереотипным моделям, детальная типология и описание всех эмпирически отмечаемых дешифровальных стимулов обеспечат аббревиатуры русского языка дополнительным средством толкования.

Ключевые слова: аббревиатура, дешифровальный стимул, текстовая эквивалентность, лемма, токен.

В I томе (слова на А–В) «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых¹ слов русского языка» (далее – Словарь), создаваемого Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации, описаны 2,5 тысячи аббревиатур. В структуре словарной статьи принципиальное значение имеет блок текстовых эквивалентов аббревиатуры, под которыми понимаются «словосочетания, которые употребляются как абсолютные синонимы (дублиеты) сложносокращённого слова в эквивалентных текстах и включают в свой состав компоненты, воспринимающиеся носителями языка как эквиваленты конструктов аббревиатуры» [5, 17]. Таких эквивалентных словосочетаний для одной аббревиатуры отмечается, как правило, несколько, и из их числа формируется гнездо эквивалентности сложносокращённого слова – в отличие от традиционного лексикографического принципа описания сложносокращённого слова и соответствующего ему **одного** словосочетания как аббревиатурной пары.

В коррелирующих с аббревиатурой в текстах словосочетаниях абброконструкт данной аббревиатуры может быть эквивалентен морфологически разным словам и формам слов. Последние

возникают, как правило, по регулярным и стереотипным моделям и называются в методике Лаборатории дешифровальными стимулами аббревиатуры [6, 88; 2, 100]. В. А. Рязанова понимает дешифровальный стимул как «имплицитные знания, привлекаемые для развёртывания абброконструкта в конкретном тексте» [7, 109]. Эта идея подтверждается неоднородностью дешифровальных стимулов в морфологическом и семантическом отношении.

Все дешифровальные стимулы предлагается разделять на презентативные и интерпретативные. Презентативный эквивалент абброконструкта – это относительное прилагательное с квалификативной семантикой, которое обычно нейтрализует оттенки грамматических и лексических значений, используемых при трактовке аббревиатуры. Например, дешифровальный стимул *автомобильный* для аббревиатуры *автокружок* (текстовый эквивалент – *автомобильный кружок*). Также презентативные дешифровальные стимулы допускают симультанную трактовку аббревиатуры (см. [1, 45–50]), которая предполагает возможность параллельного двоякого (троякого т. д.) истолкования аббревиационного конструкта прилагательными с различными корнями. Например, абброконструкт *авто*, который может дешифровать как *автоматический*, *автомобильный*, *автоматизированный*. А. И. Бровцом выделены абсолютный и включённый симультанты. Первый объясняет неоднозначную трактовку аббревиатуры существованием в реальности различных объектов, соответствующих вариантам этой трактовки (ср. *электроудочка*: *электрическая удочка* и *электронная удочка* – два разных объекта). Включённый симультант отражает «взаимопроникновение признаков двух квалификативов и их смешение в пределах одного референта» [1, 44]. Включённые симультанты используются, когда носитель языка для развёртывания аббревиатуры в тексте привлекает один из предсказуемых, но семантически не оправданных дешифровальных стимулов. Ср. *электросигарета*: семантически оправданный дешифровальный стимул *электронная сигарета* и вторичный, стереотипный – *электрическая сигарета*.

Интерпретативные дешифровальные стимулы, напротив, актуализируют грамматические и лексические значения аббревиатуры и разделяются на релятивные и модификативные. Релятивные дешифровальные стимулы выражают грамматические значения числа и падежа и в зависимости от выражаемых значения делятся на актантные (*авиабезопасность* – *безопасность авиации*) и актантно-числовые (*автокружок* – *кружок для автомобилистов*). Модификативные дешифровальные стимулы структурно и

семантически сложнее аббревиатуры и её презентативно-релятивных эквивалентов, поскольку в их структуре наличествуют дополнительные ономазиологические признаки, а значение обнаруживает дополнительные семы. Например, дешифровальный стимул *велоодежды* для аббревиатуры *веломагазин* (эквивалентное словосочетание – *магазин велоодежды*).

Очевидно, что одним из наиболее регулярных и поэтому легко прогнозируемых дешифровальных стимулов является презентативный, предполагающий трактовку аббреконструкта посредством относительного прилагательного с обобщённой квалификативной семантикой: *велобагажник* – ***велосипедный*** *багажник*. При этом атрибутивное словосочетание часто оказывается неинформативным и не всегда может быть использовано для этимологизации аббревиатуры. Например, аббревиатура *велобагажник* может означать как багажник, который крепится на велосипед, так и багажник, помещаемый на автомобиль для перевозки велосипеда. В этом случае презентативный дешифровальный стимул *велосипедный* ничего не сообщает нам о том, куда должен крепиться багажник, в то время релятивные дешифровальные стимулы *на велосипед* и *под велосипед*, реально отмечаемые в эквивалентных текстах, реализуют спецификацию аббревиатуры в тексте.

Именно дешифровальный стимул признаётся одним из главных средств семантизации аббревиатуры. Однако поскольку, с одной стороны, регулярность и стереотипность дешифровальных стимулов обеспечивает стабильное появление новых аббревиатур, а с другой стороны, специфика использования дешифровальных стимулов как имплицитных знаний обуславливает неоднородность самих дешифровальных стимулов, требуется констатация и описание всех эмпирически отмечаемых дешифровальных стимулов для каждой аббревиатуры. Вероятно, такое описание может быть организовано преимущественно по списочному принципу и осуществляться поэтому отдельно от «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка», который специализируется, кроме прочего, на описании лексического значения каждой аббревиатуры.

Принцип организации словарной статьи может включать три уровня: уровень аббревиатурной группы (*авто*), уровень леммы (словарная форма: *автомобиль*) и уровень токена (эмпирическая форма: *автомобилей*; *автомобиль*; *автомобилia*; *в автомобиле*; *в автомобилях*; *в автомобиль*; *для автомобилей*; *для автомобиля*; *из автомобилей*; *из автомобиля*; *к автомобилю*; *к автомобилям*; *на автомобиле*; *на автомобилях*; *на автомобилях*; *на автомобиль*; *об автомобилях*; *про автомобили*).

Примеры словарных статей:

Бензо

***Бензин*, -а**, м., ед. Смесь лёгких углеводородов, бесцветная горючая жидкость, продукт переработки нефти: √ бензина (*бензосклад – склад бензина*); √ бензином (*бензозаправка – заправка бензином*); √ для бензина (*бензобак – бак для бензина*); √ на бензине (*бензогорелка – горелка на бензине*); √ с бензином (*бензоколонка – колонка с бензином*).

Авиа

***Авиация*, -и**, ж., ед. 1. Теория и практика передвижения по воздуху на летательных аппаратах тяжелее воздуха. 2. Воздушные средства передвижения, воздушный флот: √ авиацией (*авиаобстрел – обстрел авиацией*); √ авиации (*авиаатака – атака авиации*); √ авиация (*авиасвязь – авиация связи*); √ в авиации (*авиаслужба – служба в авиации*); √ для авиации (*авиабаза – база для авиации*); √ от авиации (*авиашум – шум от авиации*); √ по авиации (*авиаинспектор – инспектор по авиации*); √ за авиацией (*авианаблюдение – наблюдение за авиацией*).

Авиахим

Авиахимический: √ авиахимическая (*авиапрополка – авиахимическая прополка*); √ авиационно-химическая (*авиаобработка – авиационно-химическая обработка*); √ авиационные химические (*авиаработы – авиационные химические работы*).

Теоретическая новизна подобного словаря заключается в том, что признаётся текстовая множественность трактовки одной аббревиатуры посредством регулярных стереотипных моделей эквивалентности аббреконструкта. Практическая значимость данного словаря состоит в том, что детальная типология и списочное полнообъёмное описание отмечаемых в текстах дешифровальных стимулов позволит: а) создать ещё одно средство для толкования значения и функций аббревиатуры; б) расширить представление об аббревиатуре вообще и о конкретных сложносокращённых словах в частности с учётом их дешифровальных возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец А. И. О симультанных аббреконструктах (на материале аббревиационной группы электро) / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире : X Международная научно-практическая конференция (8–11 июня 2016 г.) : сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т. 1. – С. 41–52.
2. Бровец А. И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращённого слова /

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА

В статье описываются основные дефиниции термина концепт. Автор рассматривает различные подходы к определению данного термина и его структуры.

Ключевые слова: концепт, категоризация, концептуализация, компонент.

Антропоцентрическая научная парадигма, предполагая новые цели исследования и подходы к изучению языка, развивается в рамках когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, психолингвистики, социолингвистики, лингвоконцептологии, лингвофилософии и др. Эти дисциплины формируют свой научный аппарат, расширяют круг решаемых проблем. «Современная лингвистика осуществляет интегральный подход к анализу языка, рассматриваемого в триединстве «Мир – Человек – Язык», и фокусирует внимание прежде всего на проблемах взаимосвязи языка и мышления, сущности языка как инструмента кодирования и декодирования определенной информации о реальности, формируемой в языковой картине мира этноса» [5, 116].

Для обозначения ментальной единицы со сложной структурой, вмещающий большой объем довербального и вербального знания, был введен в научный аппарат термин «концепт». Сегодня его трактуют по различным дефиниционным моделям, что обуславливает различное понимание данного термина.

Целью исследования является описание современных определений концепта, его структуры.

Термин *концепт* исследователи трактуют неоднозначно. Так, И. А. Стернин под концептом понимает «продукт когнитивного сознания человека», а также «единицу концептосферы или упорядоченную совокупность единиц мышления народа» [10, 175]. С. Г. Воркачев интерпретирует концепт как «единицу коллективного знания или сознания, имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой» [2, 72]. М. В. Пименова отмечает, что «концепты – это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается определенная информация о мире. Эта информация относится к актуальному или виртуальному состоянию мира. Что человек знает,

А. И. Бровец // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. – № 6. – С. 98-107.

3. Бровец А. И. Дублетная альтернатива модификационного дешифровального стимула аббревиатуры / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум / отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 174-181.
4. Теркулов В. И. Текстовая эквивалентность сложносокращенного слова / В. И. Теркулов // Язык. Текст. Дискурс : научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г. Н. Манаенко. – Выпуск 13. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2015. – С. 69-77.
5. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. – Вып. 3 (29). Языкознание. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 13-25.
6. Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. – № 6. – С. 73-97.
7. Рязанова В. А. Мутантные аббревиатурно-композиционные группы в словообразовательной системе языка / В. А. Рязанова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. – № 6. – С. 108-116.

SUMMARY

Andrey Brovets. Dictionary of deciphering stimuli of abbreviations of the Russian language

This article argues that the most predictable equivalent phrase, in which the abbreviation construction of the abbreviation corresponds to the relative adjective, is not informative and cannot always be used for etymology of the abbreviation. Since the formation of equivalent abbreviations of phrases is carried out by regular and stereotypical models, the dictionary of empirically marked decryption incentives will provide abbreviations of the Russian language with an additional means of interpretation.

Keywords: abbreviation, decryption stimulus, text equivalence, Lemma, token.

считает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров и есть то, что называется концептом. Концепт – это национальный образ (идея, символ), осложнённый признаками индивидуального представления» [8, 8]. Е. С. Кубрякова приводит такое его толкование: концепт – это единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отображает знания и опыт человека [6, 93]. В. Д. Стариченок рассматривает концепт как мысленный образ материального или идеального объекта, непосредственно связанного в сознании с языковым знаком [11, 264]. В. А. Маслова определяет концепт как ментальную сущность. Исследователь описывает три подхода к трактованию анализируемого термина. Согласно первому подходу, концепт имеет культурологическое содержание и является ячейкой культуры в ментальном пространстве человека. Представители второго направления указывают на связь концепта с семантикой языкового знака. «Концепт представляется как предел обобщения плана содержания языковых единиц, покрывающих определенную семантическую область» [2, 72]. В рамках третьего подхода концепт интерпретируется как своеобразный посредник между языком и действительностью [7, 32].

В. З. Демьянков рассматривает концепт как некий «привычный смысл», который существует сам по себе. Люди его реконструируют с определённой долей уверенности. «Оказалось, что далеко не всегда можно «договориться» о понятиях: иногда продуктивнее реконструировать привычные смыслы, или концепты» [4, 618]. Исследователь отмечает, что концепты реализуются в понятиях, которые конструируются индивидуумами и составляют «общий язык» для обсуждения той или иной проблемы. В русском языке, по данным учёного, «термин концепт употребляют, когда хотят подчеркнуть самость некоторого понятия, его априорность, чтобы сказать: обсуждая данное понятие, давайте попробуем не просто договориться об употреблении терминов, а реконструируем ту сущность ментального мира, которая за этим понятием лежит» [4, 616]. При исследовании истории употребления термина *концепт* В.З. Демьянковым было выявлено сохранение его исходной мотивации – образа-идеи «зачаточной истины».

Наконец, Н. Н. Болдырев отмечает некорректность рассмотрения концептов вне процессов категоризации и концептуализации. Он исходит из того, что познавательная деятельность человека основывается на членении мира на субъекты, объекты, процессы, состояния и т. д., их осмыслении и репрезентации. Результатом являются концепты. Они «лежат в основе формирования категорий, которыми оперирует человеческое сознание» [1, 356]. Таким образом, Н. Н. Болдырев кладёт в основу понимания

концепта процессы категоризации и концептуализации мира, что позволяет ему рассматривать данные «единицы концептуального содержания, выделяемые человеком в процессе познания с целью последующей их передачи в языковой форме» в статике и динамике [1, 357]. В первом случае внимание исследователя акцентируется на единицах знания о мире, сформированных в процессе ряда концептуализаций человека; во втором – на единицах знания мира, которые рассматриваются учёным, как «смыслы, которыми человек оперирует в своей повседневной языковой практике» [1, 356]. Для их обозначения Н. Н. Болдырев вводит термины *тематические* и *ситуативные концепты*.

При разном понимании рассматриваемой единицы метаязыка учёные сходятся в том, что концепт – это некая ментальная структура, оперирующая не только смысловыми компонентами, связанными со словом, но и «информацией, которая отображает общую информационную базу человека, его энциклопедические знания о предмете или явлении, которые могут и не обнаруживаться в его речи, не осознаваться немедленно при предъявлении соответствующего слова, но являются достоянием личного или коллективного опыта» [10, 177].

Понимание структуры концепта также разнообразно. Так, В. А. Маслова указывает, что «с одной стороны, к ней относится все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит то, что делает её фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки, коннотации» [7, 40]. Исследовательница принимает за основу структуру концепта, предложенного Ю. С. Степановым: основной (актуальный) признак; дополнительный (пассивный, исторический) признак; внутренняя (обычно неосознаваемая) форма [7, 41].

С. Г. Воркачев выделяет в концепте понятийный элемент (признаки и дефиниция), образную составляющую (сюда исследователь относит когнитивные метафоры, которые поддерживают концепт в сознании) и значимостный компонент (этимологические, ассоциативные характеристики концепта, определяющие его роль в лексико-графической системе языка) [3, 38].

И. А. Стернин и З. Д. Попова предлагают полевую структуру концепта, которая предполагает наличие ядра и периферии. Ядром концепта выступает общее понятие, а на периферии располагается все то, что привнесено культурой, традициями, опытом. Ядро и периферия выделяются в содержании концепта в целом. Составляющие его когнитивные признаки упорядочиваются по убыванию яркости [10, 177]. И. А. Стернин и З. Д. Попова в состав концепта включают: образ (как перцептивный, так и метафорический); информационное

содержание (наиболее существенные признаки концептуализируемого объекта реальности, которые характеризуют его важнейшие дифференциальные черты, обязательные составляющие части, основную функцию и пол); интерпретационное поле, состоящее из нескольких зон: оценочной, энциклопедической, утилитарной, регулятивной, социально-культурной и паремиологической [9, 106].

Итак, однозначного трактования термина *концепт* нет. Однако общим для всех проанализированных дефиниций рассматриваемой единицы метаязыка является то, что концепт интерпретируется как некая ментальная структура, оперирующая не только смысловыми компонентами, связанными со словом, но и рациональным знанием об объектах реальной действительности, этнокультурными представлениями, довербальными схемами и образами. Его структура описывается исследователями по-разному, но в ней выделяют три основных компонента: понятийный, образный и оценочный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. О метаязыке современной лингвистики : концепт и концепты / Н. Н. Болдырев // Герценовские чтения. Иностранные языки : мат-лы межвузовской науч. конф., 19-20 мая 2011 г. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. – С. 356-359.
2. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт : становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
3. Воркачев С. Г. *Anglica selecta* : избранные работы по лингвоконцептологии : монография / С. Г. Воркачев. – Волгоград : Парадигма, 2012. – 205 с.
4. Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / В. З. Демьянков // Язык как материал смысла : Сб. статей в честь академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. – М. : Издат. центр «Азбуковник», 2007. – С. 606-622.
5. Кравцова Ю. В. Метафорическое моделирование мира : поэзия и проза / Ю. В. Кравцова. – К. : Изд-во НПУ им. М. П. Драгоманова, 2011. – 360 с.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
7. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Мн. : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
8. Пименова М. В. Предисловие / М. В. Пименова // Попова З. Д. [и др.] Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / отв. ред. М. В. Пименова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Кемерово : КемГУ, 2009. – С. 3-11.
9. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток. – Запад, 2007. – 314 с.
10. Попова З. Д. Семантико-когнитивный подход как направление когнитивистики / З. Д. Попова, И. А. Стернин // *Vita in lingua* : К юбилея профессора С. Г. Воркачева [сб. статей] / отв. ред. В. И. Карасик. – Краснодар : Атриум, 2007. – С. 174-183.
11. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 811 с.

SUMMARY

Anna Buryachenko. Modern views of the concept structure

The article describes the basic interpretations of the term concept, which is interpreted by researchers as a mental structure, operating not only with semantic components associated with a word, but also with rational knowledge about objects of reality, ethno-cultural ideas, preverbal schemes and images. Its structure is described by researchers in different ways, but in it there are three main components: conceptual, figurative and evaluative.

Keywords: concept, categorization, conceptualization, component.

Гожя В.

*Науч. рук. – к. филол. н., доц. Белоконь Н. А.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

«АВТОРСЬКА МАСКА» ЯК ПОСТМОДЕРНІСТИЧНИЙ ЗАСІБ У ЛІТЕРАТУРІ

Авторская маска, которая используется писателем-постмодернистом, выступает в качестве способа дистанцирования индивида от моральных качеств в жизни, а также подчеркивает его уверенность в себе и чувства долга перед такой социальной единицей, как семья. Категория маски автора тесно связана с категорией смерти автора.

Ключевые слова: маска, нарратив, постмодернизм, интертекст.

Примірюючи на себе ту чи іншу маску, постмодерністичний автор висміює не лише умовності літератури, а і життя загалом з

його шаблонами, усталеними нормами та принципами. Сміючись над очікуванням читача, він руйнує його стереотипи не лише літературного, а і життєвого мислення, бо найважливіше для автора довести йому, що сенс буття – у його раціональності.

Завжди існувала проблема взаємовідносин між оповідачем – автором і життям, яка розглядалась як вияв специфічних наративних засобів осмислення світу і, крім того, як особлива форма існування людини у звичайному їй модусі буття. В останній час ця проблема стала предметом підвищеного інтересу у літературі. Особливо роль у з'ясуванні її відіграє наука літературознавство, яка на ґрунті останніх досягнень лінгвістики стала сприймати саму сферу літератури як специфічний засіб для створення моделей освоєння світу, або, навіть, як приклад керівництва до дії. Цю проблему розробляв філософ і теоретик літератури П. Рікер у роботі «Час і оповідь» (1983) та історик Х. Уайт «Метаісторія: історичне уявлення у ХІХ ст.» (1973). Ці вчені доводили, що уявлення читача про час залежить від наративних структур, які автор накладає на його досвід, при цьому відшукуючи такий сюжет, який зміг би укласти описані ним події із логічною послідовністю.

Особливий інтерес завжди викликають роботи сучасних психологів, які вважаються представниками так званого «соціологічного конструктивізму», які для обґрунтування своєї теорії особистості звертаються до концепції контекстуального мислення. При цьому особлива увага звертається на принципи самоорганізації свідомості людини і специфіку її особистісного світосприймання за законами художнього тексту. Саме з такими ідеями ми маємо роботу Т. Г.Сарбіна «Наративна психологія: Оповідна природа людської поведінки» (1986 р.). У цій роботі психолог акцентує особливості самоусвідомлення і саморозуміння автором, з якими він звертається до свого можливого читача. Оскільки вважає, що останній краще всього пристосований до теоретично абстрактного саморозуміння індивіда. Ось для цього автор і одягає маску, яка абстрагує конкретику індивідуального досвіду від безпосереднього життєвого контексту. Як стверджує інший психолог Дж. Брунер у книзі «Актуальні свідомості, можливі світи» (1986 р.) «парадигматичний модус здатен узагальнити лише загальнолюдський, а не конкретно індивідуальний досвід, у той же час як наративне розуміння несе на собі основне навантаження життєвого контексту і тому є кращим засобом для передачі людського досвіду і пов'язаних з ним протиріч» [1, 145]. Тобто, ідучи за думкою вченого, автор втілює досвід у своїй оповіді, яка виступає у формі історії розказаної й осмисленої в міжособистісній сфері, оскільки існують різні форми наративу, напрацьовані у ході розвитку культури, яка сама по собі є історичним досвідом міжособистісних стосунків.

Отже, автор, одягаючи різноманітні маски оповідача, намагається переконати читача у правильності свого світосприймання, і, як нам видається, досить успішно, а розуміння історичних оповідей – наративів залежить від тієї літературної моделі, в яку вони втілені. У результаті саме сучасна література служить таким зразком всіх можливих моделей масок автора, що забезпечують розуміння їх читачем, а це дає можливість наділити смислом оточуючий людину світ і його сприйняття.

Таким чином, вдягаючи ту чи іншу маску постмодерний автор виступає в якості певного способу дистанціювання індивіда від моральних цінностей в житті, а також підкреслює його впевненість у собі і почуття обов'язку перед такими соціальними одиницями, як сім'я. Як зазначає сучасний вчений Я. Голобородько «художніми текстами починає небуденно цікавитись молодь. І це, поза всякими сумнівами один із найпривабливіших і найдостойніших критеріїв, позаяк література дедалі настійливіше ретранслює свідомісні засади, аксіологію й духовний етикет молоді» [2, 100]. Тим самим дослідник стверджує, що проза українських письменників сьогодення сповнена психоментальністю нинішньої доби, вона дозволяє болочіше відчуті і проникливіше вжитися у дійсність, адже нова естетика ґрунтується не на показі того, що ж відбувається у душі автора, і що він намагається передати своєму героєві. А це дає можливість певного зв'язку автор-читач, який може ґрунтуватися на протестові проти новітнього нонконформізму, у вигляді свідомого вираження свого позитивного ставлення до того, що не викликає у сучасному українському соціумі симпатій – це частіше всього епоха і цінності зовсім недавнього радянського минулого, яке сприймається, і автором, і читачем, як частка свого буття, не завжди сповненого добрих вражень. Автор-оповідач у такому випадку найчастіше з'являється у тексті, як таратор, що приховує власні уподобання і тяжіє до спрощеного стилю викладу власного думання через певний лексичний самовияв. Як відомо, постмодерний текст від цього приховування суттєво не програє, оскільки він стає інтелектуально не обтяженим і, тим більше, не претендує на особливу елітарність. А навпаки, такий текст за своєю тональністю слова, структурою фрази, темпом наративу і його енергетикою, постає легко зрозумілим, і цілком вписаним у канони нинішньої літератури. Щоб виразити своє ставлення до аксіології та моральних принципів сьогодення, найчастіше автор одягає маску опозиціонера, що дозволяє передати у тексті, як його душа-свідомість отримала імунітет від прагматичної сучасної цивілізації, тим самим підкреслюючи, як час від часу спричиняються у суспільстві вибухи-протести на знак незгоди із сучасною комерційною духовністю, чинними порядками і політичними стандартами.

Таким чином, всі можливі авторські маски – це своєрідна гра автора із своїм персонажем та читачем, бо, таким чином, з абсолютною точністю і однозначністю і автор, і його персонаж, і читач усвідомлюють себе акторами театру, ім'я якому – Життя. Саме вивчення такого явища, як використання понять авторської маски, смерті автора, смерті суб'єкта є основними категоріями у підходах до вивчення постмодернізму, бо культура постмодернізму – це культура деконструктивістського знакового моделювання, матеріалом для якого стає весь культурний інтертекст. Адже особливістю сучасної літературної течії стає підсумок набутків всіх попередніх культурних епох, які постмодернізм піддає деканонізації шляхом реконструкції. Відоме переосмислюється, з метою дати нове кодування, а звідси – зміна стереотипів масової свідомості, протистояння тоталітаризму попередніх канонів у культурі шляхом утвердження різних мовних ігор. Саме тут естетичний фактор і є одним із визначальних, бо за його допомогою підриваються традиційні уявлення про цілісність, побудову, закінченість естетичних систем, що дає розмиття усіх стабільних до сих пір її категорій, а також відчувається злам меж естетичного і наявна відмова від будь-яких табу.

Категорія маски автора тісно пов'язана з іншою категорією – смерті автора, що бере свій початок зі структуралістської теорії текстуальності, відповідно якій свідомість людини розчиняється у тих текстах, поза якими вона не може існувати. Як відомо, стаття Р. Барта «Смерть автора», що з'явилась у 1968 році, дає загальну концепцію статусу письма і теорії, відповідно якій «свідомість людини повністю і безповоротно розчиняється у тих текстах, чи текстуальних практиках, поза яких вона не може існувати. Ідея, що людина існує не лише в мові і здатна себе виразити лише через нав'язані їй батьками, школою, середовищем, а потім ідеологічними структурами соціальних інститутів стереотипи загальноприйнятих словесних штампів...» [1, 263]. Тобто усунення автора – це не просто історичний факт чи ефект письма: за допомогою нього значно перетворюється весь сучасний контекст, або, іншими словами, текст створюється і читається таким чином, що автор ніби відсутній на всіх його рівнях. Отже, автор усунений, спроби розшифрувати зміст тексту непотрібні, бо сучасне письмо «відмовляється» дати спробу читачеві досягнути його остаточний смисл. Стверджується думка, що персонаж народжується одночасно із текстом, у нього немає ніякого буття до і поза цим письмом. Таким чином, сприймачам тексту залишається тільки один час – час мовленнєвого акту, бо будь-який текст пишеться «тут і зараз».

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 384–391.
2. Голобородько Я. Ді-джей української прози Сергій Жадан / Я. Голобородько // Слово і час. – 2010. – № 10. – С. 100–107.

SUMMARY

Vita Gozha. Author's mask in prose postmodernism

The work is devoted to the problem of typology of copyright masks in prose postmodernism. The task of this study was to determine the peculiarities of copyright masks as a structural principle fantastic manner, as well as their interaction in a number of works of contemporary post-modern writer.

Keywords: postmodernism, the author's mask, fantastic manner, discourse, collage, marginality, linguistic consciousness, narratology.

Головань Е.

*Науч. рук. – д. филол. н., проф. Герасименко И. А.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ЭРГОНИМЫ СОВРЕМЕННОЙ ГОРЛОВКИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье выявлены общие тенденции и современные региональные особенности коммерческой номинации г. Горловки. Рассмотрены экстралингвистические факторы и процессы номинации эргонимов. Обобщены принципы языковой политики в современной городской среде.

Ключевые слова: эргоним, эпиграфика, языковая политика, языковая культура.

Рассмотрение эргонимов связано с осмыслением городской среды. Каждый город представляет свой эргонимикон. Проблемы эргонимии и эргонимов вызывали и продолжают вызывать большой интерес у лингвистов: им посвящён ряд научных исследований Г. Н. Алиевой, А. В. Беспаловой, В. Д. Бондалетова, Г. А. Донсковой, А. М. Емельяновой, И. В. Крюковой, Н. Н. Лесовец, А. В. Суперанской и других. Исследование названий коммерческих предприятий города Горловки имеет своеобразные черты, обусловленные факторами исторического, культурного, политического характера. Изучение эргонимов города Горловки перспективно: городская

эпиграфика фактически не изучена, чем определяется новизна и актуальность нашей работы.

Культурно-социальные изменения влекут за собой появление коммерческих предприятий различного функционального профиля, каждое из которых потребовало своего названия. Это вызывает большой интерес языковедов. Принимая во внимание данную ситуацию, считаем, что назрела необходимость общего теоретического исследования данных онимов на территории г. Горловки, анализа их структурно-семантических характеристик, закономерностей возникновения и функционирования в лингвистическом пространстве.

Объектом исследования выступают эргонимы – названия коммерческих предприятий, объектов культуры и спорта, зарегистрированные на территории г. Горловки с 2014 по 2018 гг. Предметом исследования являются семантические, словообразовательные и прагматические особенности анализируемых эргонимов. Материалом исследования стали эргонимы г. Горловки, полученные путём сплошной выборки, а также путем письменного фиксирования текстов эргонимов.

Эргонимия современной Горловки как сложный лингвокультурный и лингвокультурный феномен связана с доминирующим дискурсом города – шахтёрский край. Концептуализация Горловки как шахтёрского края реализуется в эргонимах кинотеатр «*Шахтёр*», Дворец культуры «*Кочегарка*», продуктовый магазин «*Шахтёр*», продуктовый магазин «*Шахтёрский*». Эргонимикон Горловки также отображает процесс влияния английского языка. Ср. следующие названия магазинов: «*Shopping*», «*Zooland*», «*Zoolife*», «*One love coffee*», «*Prima*», «*Glance*». Англицизмы в номинации этих и других эргонимов служат экспрессивным средством придания иноязычного «шарма» названию. К негативным тенденциям относятся и факты транслитерации русских слов посредством латинских букв в номинациях типа «*Obyuno*», «*Tuffelka*».

Наряду с влиянием англоязычной культуры в эргонимиконе Горловки сохраняется украинская лингвокультура. Она зафиксирована в названиях магазинов «*Мрія*», «*Тютюн*», «*Крапка*», «*Смак*».

В названиях предприятий города можно также выделить наименования с компонентами *маркет*: «*Супермаркет*», «*Алкомаркет*»; а также использованием неологизмов – *шоп*, *хит*, *студия*, *плюс*, *люкс*, *дента*. Ср.: «*Студия ногтевого сервиса*», «*Алкошоп*», «*Мобихит*», «*Мастер Плюс*», «*Денталь*», «*Люксоптика*», «*Денталюкс*».

Лингвисты Т. А. Шмелёва, Б. Я. Шариффулин отмечают тенденции, типичные для ономастикона современного города.

Отметим те, которые характерны для города Горловки. Среди всех наименований особо популярны названия с использованием имён. При выборе названий фирм номинаторы стремятся сообщить информацию о себе и своём имени. Ср.: названия парикмахерских «*Кристина*», «*Карина*», магазинов «*Светлана*», «*Александра*», «*Анна*» и генитивные конструкции наименований «*У Андрея*», «*Петрович*».

В последнее время становится популярным проникновение старославянской графики (например, булочная «*Булкинъ*»). Также возвратились в городскую среду русские слова типа *лавка*, *ряд*, *терем*: «*Мясная лавка*», «*Пивная лавка*», «*Лавка сладостей*», «*Колбасный ряд*», «*Княжий терем*».

Появляются новые рекламные номинации магазинов: «*Все для дома*», «*Ваш магазин*», «*Ваша пара*», «*Ваша аптека*», «*Наша обувь*». Некоторые владельцы предпочитают консерватизм, используя для новых объектов номинации советской эпохи: «*Продукты*», «*Хозяйственный*», «*Молоко*», «*Батон*».

Основная масса коммерческих предприятий г. Горловки – это хрематонимы, прямо или ассоциативно указывающие на ассортимент товаров или услуг: «*АлХимия*», «*Золушка*», «*Тютюн*», «*Табакерка*», «*Кристалл*», «*Стиль*», «*Молоко*», «*Книжный мир*», «*Булочная*», «*Батон*», «*Люксоптика*», «*Мойдодыр*», «*Блин-пельмень*», «*Пельменная*». Это говорит о том, что зачастую владельцы вкладывают прямое значение в названия коммерческих предприятий.

В эргонимиконе Горловки широко распространены названия типа «*Турист*», «*Рыболов*», «*Центр Обувь*», «*Камуфляж*», которые отображают наименование предлагаемых услуг.

В городской среде распространены названия, имеющие «природную» семантику: названия растений, времен года зафиксированы в номинациях «*Лотос*», «*Весна*», «*Три берёзки*», «*Мандарин*», «*Апельсин*». Во многих названиях используется лексика с сёмой престижности и положительной оценки: «*Престиж*», «*Эксклюзив*», «*Лидер*», «*Стиль*», «*Хороший*».

Проанализировав данные эргонимы, мы можем сделать ряд выводов:

1. В настоящее время городская среда Горловки представлена разнообразными эргонимами. Каждый предприниматель хочет выделиться и удивить покупателя («*АлХимия*»).

2. Авторы названий охотно используют ассоциативные слова («*Золушка*», «*Батон*») и транслитерацию («*Tuffelka*»).

3. Возвращаются дореволюционные термины номинации эргонимикона (*лавка*, *ряд*).

4. Благодаря информации, заключенной в собственных именах, эргонимы достигают своей основной цели – привлечения внимания

клиентов, т. е. являются своеобразной «вывеской» для именуемого объекта. Поэтому номинаторы, делающие выбор в пользу информативности перед речевой «броскостью», выигрывают. Не случайно в настоящее время прослеживается заметная тенденция к увеличению числа эргонимов реального и рекламного типов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворошилова Е. В. Ономастикон города как отражение истории и культуры народа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тюмень, 2007. – 19 с.
2. Отин Е. С. Номинационные процессы в русской эргонимии XX века (названия промышленных предприятий, акционерных обществ и фирм) / Е. С. Отин. // Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации: [Сб. ст.]. – Донецк: ДонГУ, 1993. – С. 83-94.
3. Соболева Т. А. Товарные знаки / Т. А. Соболева, А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1986. – 176 с.

SUMMARY

Yekateryna Golovan. Ergonyms of modern Gorlovka: linguocultural aspect

The article reveals general trends and modern regional features of the commercial nomination of Gorlovka. The extralinguistic factors and processes of ergonyms nomination are considered. The principles of language policy in the modern urban environment are summarized.

Keywords: ergonym, epigraphy, language policy, language culture.

Горбачева К.

*Науч. рук. – к. филол. н., доц. Першина К. В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

СТИХИЯ ВЕТРА В ЛИРИКЕ Н. РУБЦОВА: СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ

В настоящее время творческое наследие Н. Рубцова изучается не только литературоведами, но и лингвистами. Однако все еще недостаточно работ, посвященных анализу языковых особенностей его поэзии с использованием лингвистического инструментария. В данной работе рассматриваются языковые средства изображения ветра в стихотворениях поэта.

Ключевые слова: Н. Рубцов, лирика, ветер.

Образ ветра занимает важное место в концептуальном пространстве «природа» в поэзии Н. Рубцова. Как отмечает В.В. Кожин, этот образ вместе с образом света входит «в сердцевину поэзии» Н. Рубцова [2, 77-78]. Ветер – один из ключевых образов-мотивов в творчестве поэта, неоднократно встречающийся в его стихотворениях. В данной работе характеризуется состав именовании ветра и их сочетаемость свойства, которые в совокупности выступают репрезентантами актуальных для поэта компонентов образа этого природного феномена.

В творчестве Н. Рубцова мы наблюдаем одну из граней литературно-поэтического освоения данного концепта, наделенного самыми разнообразными культурными смыслами, которые объединяются идеей движения. Эта общая идея реализуется в стихотворных произведениях поэта через представления о различных изменениях, переменных, свободе, непостоянстве и др. Н. Рубцов продолжает традицию своеобразного поэтического диалога с ветром, заложенную еще в «Слове о полку Игореве», где данное природное явление наделено различными художественными смыслами и функциями. Ср. некоторые контексты: *Ветры, внуки Стрибога веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы; О ветер, ветрило! Зачем, господин, веешь ты навстречу? Зачем мчишь хиновские стрелочки на своих легких крыльицах на воинов моего милого? Разве мало тебе было под облаками веять... А поганого Кобыя от лукоморья из железных великих полков половецких, как вихрь, исторг; Ты [Донец] стерег его [князя Игоря] гоголем на воде, чайками на струях, чернядами на ветрах.*

В русской поэзии эпохи классицизма ветры выступают привычными теофорными персонажами, заимствованными из античной мифологии: Зефир, Борей, Нот, Эол. И в последующие периоды стихия ветра продолжает наполнять собою русскую поэзию, получая все новые образно-смысловые расширения [3].

Присутствие ветра в поэтическом пространстве Н. Рубцова – это не только следование традиции [1]; оно во многом продиктовано личностным отношением к этому природному явлению: «Я люблю ветер. Больше всего на свете», – так определяет поэт свое отношение к этой могучей силе. Он воспринимает и семантизирует ветер как противоположность обывательскому застою, как вечную изменчивость бытия».

Различные наименования этого явления присутствуют в 67 из 238 проанализированных стихотворений. К ним относятся лексемы *ветер, ветерок, вихрь, буря, буран, метель, метелица, вьюга, пурга, норд, шквал, шторм, бриз*. Семантика этих наименований показывает, что актуальными для поэта являются идеи пространства, покрываемого ветром (суша – море), его сила, время года, связанность

со снегом. Поэт отбирает общеупотребительные, стилистически нейтральные слова, не прибегает к использованию диалектных обозначений ветра. Аналогичен принцип отбора большинства дериватов указанных лексем: *ветерок, ветреный, обветренный, ветрено, вихревой, метельный, буранный, штормовой*.

Важным лексическим средством создания образа ветра в стихотворениях Н. Рубцова выступают имена прилагательные. Это прежде всего качественные прилагательные различной семантики, обозначающие разнообразные свойства ветра: силу, скорость, способ проявления, температуру, а также субъективное восприятие стихии: *тихий, сильный, шквальный, резкий, быстрый, порывистый, теплый, холодный, знобящий, мокрый, яростный, дикий, злой, недобрый, хороший, вольный, бесприютный, незримый* и др.: *ветер под окошками тихий, как мечтанье; сильный ветер замечает ее следы; и долго молчали, повесив нос, и слушали шквальный ветер; в трущобный двор ворвался ветер резкий; грустные мысли наводит порывистый ветер; а свежий ветер веет над плечами; ветер, холодный вместе с нами, как лучший друг; ветра теплого дыханье; гонит их, как ветер вольный; как за окном скулил, не умолкая, бездомный ветер; незримый ветер, словно в невода, со всех сторон затягивает листья; ветер злой срывает листья с горсти; недобрые ветры подули, Смит, а были хорошие ветры*. Относительные прилагательные используются для обозначения времени и места проявления феномена: *ночной, октябрьский, осенний, весенний, морской, палубный*.

Стихия ветра – это стихия движения. Поэт использует разнообразные языковые средства для обозначения этого базового свойства данного природного явления. Главное место среди них занимают глаголы и отглагольные существительные. Глаголы используются в личных и безличных формах, в формах причастий и деепричастий различной семантики и отражают различные аспекты проявления и субъективного восприятия этого природного явления; их основы представлены в производных существительных: *дуть, подуть, дунуть, веять, шуметь, зашуметь, сквозить, освежить, шевелить, качать, свистеть, посвистывать, налететь, ворваться, ходить, гоняться, вить, стонать, скулить не умолкая, всхлипывать, плакать, плачущий, оплакивать, встрепунуться, свист и вой ветра, в свистах ветра, шум ветров*. Ряд глаголов ярко эксплицирует важнейшую константу мировосприятия поэта: человек, живые существа и вся природа составляют нерасторжимое единство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Е.В. Традиции и новаторство в поэзии Н.М. Рубцова : автореф. дис. ...канд.филол.наук / Е.В. Иванова. – М., 1996. – 20 с.

2. Кожин В.В. Николай Рубцов : Заметки о жизни и творчестве поэта / В.В. Кожин. – М. : Советская Россия, 1976. – 88 с.
3. Осколкова Н.В. Особенности структуры эстетического поля денотативного класса «ветер» (на материале русской поэзии XVIII–XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Осколкова. – Архангельск, 2004. – 24 с.

SUMMARY

Cristina Gorbacheva. Elements of the wind in the lyrics of N. Rubtsov: means of language image

At present N. Rubtsov's works are studied not only by literary critics, but also by linguists. However, there is still not enough work devoted to the analysis of the linguistic features of his poetry using linguistic tools. This paper discusses linguistic means of portraying wind in poems of the poet.

Keywords: N. Rubtsov, poetry, wind.

Гореславская О.

*Науч. рук. – д. филол. н., проф. Калинин В. М.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ОЧЕРКЕ «НАЧИНАЙ ИСКАТЬ СВЕТ!» ЕГОРА ВОРОНОВА

В статье рассматривается образ человека, эксплицированный в очерке горловского поэта и публициста Егора Воронова. Дано определение образу, определены основные этапы его формирования, описаны средства объективации в тексте «Начинай искать свет!».

Ключевые слова: образ, метафорический образ, средства вербализации.

Егор Воронов – творческий симулякр, появившийся в информационном поле Донбасса в 2011 году. Его целью стало выражение субъективного непредвзятого мнения о происходящих в обществе событиях и попытка их анализа. Автор выражает свой личный взгляд на актуальные проблемы, события, деятельность публичных персон.

В произведениях Егора Воронова рассказывается о «произошедшем в Горловке с 2014 по 2016 год. О социальных волнениях в Донбассе периода украинского Евромайдана, появлении ополчения и боевых действиях в течение двух лет» [2, 5]. Образ человека в сборнике текстов «Быть горловчанином» и средства

его объективации не были ранее предметом исследовательского интереса, что обуславливает актуальность нашей работы.

Рассмотрению языковых образов посвящены работы Н.Ф. Алефиренко, Б.М. Гаспарова, В.В. Красных, В.Н. Телия, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Е.А. Юриной, Н.А. Илюхиной, М.Я. Розенфельд и др. Учёные квалифицируют языковой образ и как категорию языкового сознания, и как компонент семантической структуры слова, и как часть более сложной ментальной единицы – концепта. Исследователи отмечают, что языковой образ проходит несколько этапов формирования. Первый этап связан с восприятием основных параметров объекта и их фиксацией в сознании. Образы на этом этапе предлагается называть перцептивными. Это «вербализованное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объём и положение в пространстве поименованного предмета» [1, 115]. Второй этап предполагает формирование сложных комбинированных структур, которые в лингвистической литературе определяются как метафорические образы. Е.А. Юрина называет такие образы «образами воображения» и указывает, что они возникают «в процессе творческого мышления, в основе которого лежат симулятивные процессы – поиск аналогии между познаваемыми явлениями и их уподобление» [5, 16].

Мы, вслед за С. Тураевым, под метафорическим образом понимаем «образ процесса, свойства, явления, который употреблен в переносном смысле/значении. В основе этого образа лежит метафорический перенос» [3, 241]. Преимущественно метафорический образ используется в художественной литературе для создания различных оттенков описываемого явления и/или процесса, а также для формирования индивидуального стиля автора.

В очерке «Начинай искать свет!» образ человека актуализирован уже в самом названии – глагол *начинать* выражает значение просьбы, пожелания, повеления.

В языковом опыте этноса образ человека вербализован, прежде всего, лексемой *человек*, т.е. «живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда» [4]. Это слово и его производные актуализируют образ человека и в очерке Егора Воронова. Ср.: *В этом городе есть безумные магазинчики, где ты чувствуешь себя персонажем кинопроизведений Тима Бертона, а недалеко – элитные джентльменские бутики, куда никогда не входил ни один живой человек* [2, 9]; *Невзирая на нечеловеческие условия труда на предприятиях, живут люди, любящие и вкладывающие душу в свой труд* [2, 10]; *Если же человек не привык что-то делать сам, создавать, строить, то даже в современной центре мирового искусства ему будет чего-то не хватать* [2, 11].

Отметим, что в первом примере образ человека эксплицирует также имя собственное *Тим Бертон*, которое актуализирует информацию об известном американском кинорежиссёре, продюсере, мультипликаторе и писателе. Кроме того, в анализируемом фрагменте текста лексема *человек* употребляется в сочетании с именем прилагательным *живой*. В толковом словаре за этим словом закреплено значение «такой, который живет, обладает жизнью» [4]. Однако у Егора Воронова оно приобретает новое значение – «обыкновенный, простой» – и употребляется как контекстуальный антоним по отношению к адъективу *элитный*. Следовательно, происходит метафорический перенос: *живой человек* – это и тот, кто обладает жизнью, и тот, кто не относится к элите, противопоставлен ей.

Во втором примере образ человека эксплицирует форма множественного числа *люди*: *Невзирая на нечеловеческие условия труда на предприятиях, живут люди, любящие и вкладывающие душу в свой труд* [2, 10]. Также в данном тексте рассматриваемый образ выражен лексемой *душа*, что зафиксировано в семе «мир человека». «Душа – внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т. п.» [4].

Ещё одним средством актуализации описываемого образа в произведении горловского литератора является словоформа *горловчанин*, которая указывает на место проживания человека. В данном случае – на город Горловку. Ср.: *Во-первых, я почти не знаю Горловку. Да и мало кто из самих горловчан знаком со своим городом во всех его проявлениях и возможностях* [2, 9]; *У каждого, даже самого несчастного и покоящегося на дне существования горловчанина, есть какие-то любимые места, вызывающие в его сердце приятные воспоминания* [2, 10].

В приведённых примерах образ человека репрезентирован также вербальным знаком *сердце*. Это зафиксировано в семе «человек»: «Сердце – орган как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека» [4].

Рассматриваемый образ может быть актуализирован в сознании индивидуума и лексемами тематической группы «Лицо по роду деятельности». Например: *На одной скамейке можно встретить доказывающего верность идей постструктурализма поэта и философски смотрящего на жизнь врача скорой помощи, закончившего смену работника аммиачного цеха, рассказывающего о летающих над терриконом чайках, и выпускницу музучилища с голосом, воспламеняющем давно умершие звезды* [2, 9].

Словоформы *поэт*, *врач*, *работник*, *выпускница* называют человека и указывают на его занятие. Ср.: «Поэт – автор стихотворных, поэтических произведений» [4]; «Врач – лицо с высшим медицинским

образованием, лечащее больных» [4]; «Работник – тот, кто работает, трудится» [4]; «Выпускница – учащаяся, оканчивающая последний курс учебного заведения» [4].

Следовательно, образ человека в очерке «Начинай искать свет!» вербализуется с помощью различных средств: это и прямая номинация человека (лексемы *человек, люди, горловчанин, поэт, врач, работник, выпускница*), и опосредованное указание на него (слова *сердце, душа*), и использование грамматических форм (глагол *начинайте*). Однако это не полное описание средств экспликации образа человека в очерках Егора Воронова, что составляет перспективу дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики : монография / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Воронов Е. Быть горловчанином : сборник текстов военных и социальных материалов / Е. Воронов. – Изд. 2-е, испр. – Горловка, 2017. – 640 с.
3. Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.
4. Словарь русского языка в 4-х томах [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). – М. : 2005. – Режим доступа к словарю : <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (дата обращения : 15.11.2018)
5. Юрина Е.А. Образный строй языка / Е.А. Юрина. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2005. – 156 с.

SUMMARY

Olga Goreslavskaya. The image of a human being in the essay “Begin to search for the light!” Egor Voronov

The article deals with the image of a man, explicated in the essay of Gorlovsky poet and publicist Egor Voronov. The definition of an image is given, the main stages of its formation are defined, the means of objectification are described in the text “Begin to search for the light!”.

Keywords: image, metaphorical image, means of verbalization.

Дмитрова Е.

Науч. рук. – к. филол. наук, доц. Ярошенко Н. А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР

ГОДОНИМЫ БУДЕННОВСКОГО РАЙОНА ГОРОДА ДОНЕЦКА КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛОКАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Статья посвящена изучению особенностей формирования и использования топонимов. Осуществлена лексико-семантическая классификация топонимов Буденновского района города Донецка как средства репрезентации локально-географической ориентации.

Ключевые слова: топоним, урбаноним, топоним, лексико-семантическая классификация, улица.

К числу актуальных проблем современной ономастики в целом и региональной ономастики в частности принадлежат систематизация и комплексное изучение урбанонимов как неотъемлемого компонента языкового пространства города, т. е. лингвистического ландшафта. При широком понимании термина *урбаноним* им принято обозначать имя собственное любого городского объекта (см. [4, 9]). Урбанонимия, т. е. совокупность названий основных внутригородских объектов, существует как в официальной, так и неофициальной разновидностях, включая в свой состав в числе прочего такую важную составляющую, как топонимия.

Топоним (гр. ‘путь, дорога, улица, русло’ + *оним*), понимаемый как вид урбанонима, представляет собой «название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [8, 174]. В структуру топонима, как известно, входят такие номенклатурные обозначения (термины-классификаторы, или идентификаторы), как *улица, переулок, проспект, бульвар, шоссе, микрорайон, тупик, проезд*.

Топонимы могут изучаться прежде всего в структурном, лексико-семантическом аспектах. В последнее время значимым становится рассмотрение топонимикона в когнитивно-прагматическом ключе, поскольку неоднородные и динамичные система урбанонимов и подсистема топонимов как компоненты языковой жизни современного города отражают культурно-историческое наследие и развитие конкретного населённого пункта (см. [5, 97]). Процессы номинации улиц, бульваров, переулков и проч. линейных и нелинейных объектов с помощью топонимов, агоронимов, экклезионимов, ойкодомонимов и др. разрядов урбанонимов напрямую зависят

от природных особенностей местности, исторического прошлого страны и региона, а также имён выдающихся личностей. Как отмечает М. В. Голомидова, «комплекс урбанонимов – это знаковый континуум (текст в терминах семиотики), содержательная сторона которого создает некое информационное пространство, и в нем образ города прорисовывается в разных смысловых модальностях» [3, 20].

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы проанализировать топонимы Буденновского района города Донецка как компонент лингвистического ландшафта, как средство репрезентации локально-географической ориентации.

Объектом анализа являются топонимы Буденновского района города Донецка как часть топонимического пространства региона и подсистема урбанонимии города. Предмет исследования составляют структурно-семантические параметры рассматриваемых топонимов, которые обусловлены природными и социальными условиями жизни населения, многообразием системных связей различных типов топонимов и влияют на формирование топонимического ландшафта Донецка.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки топонимов из различных реестров наименований улиц Буденновского района города Донецка. При формировании картотеки фактического материала также принимались во внимание данные справочников, интернет-сайтов и карты города. Авторская картотека включает 232 топонима.

Систематизация и анализ фактического материала свидетельствуют о том, что в качестве так называемых идентификаторов в структуре топонимов Буденновского района города Донецка используются такие номенклатурные термины, как *улица* (227 единиц) и *переулок* (5 единиц). На территории Буденновского района также представлен такой агороним, т. е. имя площади, как *пл. Буденного*.

Как отмечает А. В. Суперанская, «названия улиц, площадей, зданий и иных внутригородских объектов составляют своеобразную и очень сложную систему» [11, 176]. При этом важной особенностью топонимов является их чрезвычайно разнообразие по происхождению и по производящим базам, поскольку в формировании топонимов принимают участие не только разные по семантике апеллятивы, но и различные разряды топонимов (антропонимы, гидронимы, оронимы, ойконимы, микротопонимы и др.).

А. М. Мезенко в монографии «Урбанонимия Белоруссии» обращает внимание на коммуникативную роль топонима, которая, по мнению исследователя, заключается в выполнении следующих функций: 1) функции хранения и передачи национального

самосознания, традиций культуры; 2) функции воспроизведения; 3) функции сообщения; 4) функции обобщения информации; 5) оценочной функции; 6) отсылочной функции [6]. В. А. Никонов выделяет следующие основные функции топонима: 1) адресная (номинативная); 2) дескриптивная (описательная); 3) идеологическая [5, 62]. Можно утверждать, что данные функции свойственны и топонимам как разновидности топонимов.

Классифицируем и рассмотрим те топонимы Буденновского района города Донецка, которые в силу их производящей базы можно квалифицировать как средство репрезентации локально-географической ориентации.

В работе опираемся на лексико-семантические классификации топонимов А. М. Мезенко, Т. В. Шмелёвой, А. Ю. Асанова, Т. С. Куст, В. В. Демановой, Ю. Г. Пушкаревой и др. [5; 12; 1; 4; 8].

Таким образом, рассматривая топонимы Буденновского района города Донецка как средство репрезентации локально-географической ориентации, можно классифицировать их с учётом ключевых параметров по таким группам и подгруппам:

1. По отношению к другому значимому объекту:

1.1. Названия, характеризующие месторасположение улицы относительно городских объектов: ул. *Буровая*, ул. *Генераторная*, ул. *Донэнерго*, ул. *Заводская*, ул. *Зерновозовская*, ул. *Златоустовская*, ул. *Мельничная*, ул. *Пасечная*, ул. *Пристанционная*, ул. *Танкерная*, ул. *Тепличная*, ул. *Элеваторная*, ул. *Электрическая*, ул. *Южэнергостроя*, ул. *Якорная*.

1.2. Названия, характеризующие природный ландшафт: ул. *Белогорская*, ул. *Высокогорная*, ул. *Высотная*, ул. *Завражная*, ул. *Запореваляная*, ул. *Левобережная*, ул. *Нижнекурганская*, ул. *Полевая*.

1.3. Топонимы, образованные от названий рек и иных водных объектов, т. е. от гидронимов: ул. *Ангарская*, ул. *Енисейская*, ул. *Задонская*, ул. *Иртышская*, ул. *Охотская*, ул. *Приднепровская*.

1.4. Названия улиц, соотносимые с топонимами, как региона, так и России и в целом постсоветского пространства: ул. *Акмолинская*, пер. *Балашовский*, ул. *Бессарабская*, ул. *Бобруйская*, ул. *Верхнекурганская*, ул. *Владивостокская*, ул. *Вологодская*, ул. *Гжатская*, ул. *Гурьевская*, ул. *Дарницкая*, ул. *Зеленогорская*, ул. *Иркутская*, ул. *Карагандинская*, ул. *Кишиневская*, ул. *Красноуфимская*, ул. *Криворожская*, ул. *Кубинская*, ул. *Кутаисская*, ул. *Лужская*, ул. *Магаданского*, ул. *Майкопская*, ул. *Минская*, ул. *Нижнеамурская*, ул. *Нижнегородская*, ул. *Новый Шахтер*, ул. *Оршанская*, ул. *Павелецкая*, ул. *Пермская*, ул. *Полоцкая*, ул. *Проскуровская*, ул. *Ровенская*, ул. *Рогачевская*, ул. *Рыбинская*, ул. *Сестрорецкая*, ул. *Славянская*, ул. *Симбирская*,

ул. Соликамская, ул. Ставропольская, ул. Старобешевская, ул. Суздальская, ул. Таганская, ул. Таганрогская, ул. Таллинская, ул. Тамбовская, ул. Ташкентская, ул. Тбилисская, ул. Токмакская, ул. Тюменская, ул. Ферганская, ул. Хибинская, ул. Череповецкая, ул. Черкасская, ул. Шатурская, ул. Ямальская.

2. По присущим улице свойствам и качествам:

2.1. По характеристике улицы со стороны размера, конфигурации, физико-географических особенностей возникновения: ул. Глубокая, ул. Линейная, ул. Гранитная, ул. Меловая.

2.2. Эмоционально-характерологические названия-позитивы: ул. Благоустроенная, ул. Благодатная, ул. Динамическая, ул. Знаменательная, ул. Праздничная, ул. Привольная, ул. Солнечная, ул. Светлого Пути. Такие названия должны работать на создание позитивного имиджа города, создавать жизнерадостный настрой. Отметим, что название ул. Светлого Пути можно охарактеризовать и как годоним, имеющий идеологическое содержание, но также сопряжённое с потенциальной позитивной коннотацией.

2.3. Флористические названия, которые в целом несут информацию о разнообразном растительном мире региона: ул. Абрикосовая, ул. Лавровая, ул. Тополевая.

Также годонимы Буденновского района города Донецка в аспекте репрезентации ими локально-географической ориентации можно следом за Т. В. Шмелёвой разделить на такие подтипы:

1. **Ориентирующие годонимы**, которые охватывают как годонимы, ориентирующие на какой-то внутренний объект (ул. Буровая, ул. Донэнерго, ул. Заводская, ул. Южэнергострой, ул. Запореваляная и др.), так и годонимы, называющие внешние ориентиры, когда объектом ориентации является то, что не принадлежит городу или даже не имеет отношения в целом к региону (ул. Старобешевская, ул. Кишиневская, ул. Таганрогская, ул. Ферганская, ул. Ангарская, ул. Енисейская и др.).

2. **Характеризирующие годонимы**, соотносимые с рассмотренной выше группой годонимов, в основе которых лежит принцип номинации по присущим улице свойствам и качествам (ул. Линейная, ул. Благодатная, ул. Солнечная, ул. Благоустроенная, ул. Абрикосовая и др.).

Опосредованную локально-географическую ориентацию осуществляют те годонимы Буденновского района города Донецка, для которых в качестве производящей базы выступили апеллятивы, обозначающие значимые для Донбасса профессии: ул. Горняков, ул. Крепильщиков, ул. Сталеваров, ул. Угольщиков.

Таким образом, годонимия Буденновского района охватывает достаточно широкий пласт лексики, при этом достаточно разнообразна и подсистема годонимов, служащих средством

локально-географической ориентации и в наибольшей степени сохраняющих связь с объектом. Вместе с тем, по нашим наблюдениям, среди годонимов Буденновского района города Донецка значительно преобладают номинации, соотносимые с человеком и его деятельностью, т. е. наименования, восходящие к концепту «человек».

ЛИТЕРАТУРА

1. Асанов А. Ю. Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте : Дисс. ... канд. филол. наук / Алексей Юрьевич Асанов. – Тамбов, 2014. – 185 с.
2. Гладышева Ю. Б. Особенности лексико-семантической классификации урбанонимов (на примере годонимов города Чита) / Ю. Б. Гладышева, И. А. Якоба // Молодежный вестник ИрГТУ. – 2015. – № 2.
3. Голомидова М. В. Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга / М. В. Голомидова // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. – С. 19-25.
4. Гузикова В. В. Лингвокультурологический аспект урбанонимов как отражение национальной картины мира / В. В. Гузикова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2012. – № 1. – С. 183-190.
5. Куст Т. С. Урбанонимия провинциального сибирского города (на примере г. Юрга Кемеровской области) / Т. С. Куст, В. В. Деманова // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 4 (83). – С. 72-75.
6. Мезенко А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко. – Минск : Университетское изд-во, 1991. – 167 с.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 198 с.
8. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
9. Пушкарева Ю. Г. Принципы классификации названий внутригородских объектов / Ю. Г. Пушкарева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 10. – С. 116-121.
10. Пушкарева Ю. Г. Улицы Улан-Удэ: культурно-исторический аспект / Ю. Г. Пушкарева // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 4. – С. 206-210.
11. Суперанская А. В. Что такое топонимика / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1985. – 176 с.

12. Шмелева Т. В. Современная топонимия: семантика и семиотика / Т. В. Шмелёва // Лингвистическое краеведение. – Пермь, 1991. – С. 33-37.
13. Шмелёва Т. В. Ономастикон российского города / Т. В. Шмелёва. – Saarbrücken : LarLambert Academic Publishing, 2014. – 137 с.

SUMMARY

Ekaterina Dmitrova. The toponyms of Budennovsky district of Donetsk as the means of the representation of local and geographical orientation

The article deals with the peculiarities of the formation and use of toponyms. The lexical and semantic classification of the Budennovsky district of Donetsk toponyms as the means of the representation of local and geographical orientation had been put up.

Keywords: toponym, urbanonym, toponim, lexical and semantic classification, street.

Довбыш С.

*Науч. рук. – к. филол. н., доц. Лешкова Н. В.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС»

В статье дается обоснование политического дискурса на ряду с другими видами дискурсов. Анализируются основные виды дискурса, а также подаются основные характеристики политического дискурса.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, массмедиа, сфера общения.

Политический дискурс по сравнению с другими видами интернет-дискурса наиболее полно воспроизводит общекультурные знания, отражает общество и социальные процессы определенного исторического периода, в нем осуществляется актуализация общественного сознания, отображаются релевантные политические реалии, а также политическая ситуация, сложившаяся в тот или иной момент.

Ученые отмечают, что политическая функция характерна практически для всех публичных выступлений. Таким образом, политический дискурс – это актуальное использование языка в

социально-политической сфере общения и в публичной сфере общения. Принадлежность текста к политическому дискурсу определяется как его тематикой, так и его местом в системе политической коммуникации. Широкое понимание «политического языка» как языка, используемого в публичной сфере, учитывает растущую власть массмедиа, развитие новых коммуникационных технологий, расширение процессов глобализации и процессов коммерциализации политической коммуникации.

Мы склоняемся к использованию определения политического дискурса, предложенного Т. ван Дейком: «Политический дискурс – это класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой. Правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков – это те жанры, которые принадлежат сфере политики. Политический дискурс – это дискурс политиков. Ограничивая политический дискурс профессиональными рамками, деятельностью политиков, ученый отмечает, что политический дискурс в то же время является формой институционального дискурса» [1, 267].

Следовательно, политический дискурс – это «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях; особая знаковая система, предназначенная для политической коммуникации, это особое использование языка ... для выражения особой ментальности, а также особой идеологии; особое использование предопределяет активизацию некоторых черт языка и, в частности, особой грамматики и особой лексики, что создает особый «ментальный мир» [4, 38-39]. Сразу заметна тенденция частого употребления в дефинициях определения, которое делает трактовку политического дискурса довольно размытой, неточной, но указывает на некую исключительность и даже необычность этого феномена.

Проблема выделения отдельного вида дискурса – политического – предусматривает, что в ряде определяющих признаков, которыми характеризуется любой вид дискурса, этот выделенный будет иметь присущие только ему особенности. Этим рядом являются значимые факторы, которые и определяют «отдельность» каждого вида дискурса:

а) специфическая сфера использования (рекламный бизнес, медицинская помощь и т. п.);

б) набор однотипных, связанных между собой экстралингвистических ситуаций, которые и обуславливают возникновение каждого вида дискурса (например, для научного дискурса такими ситуациями являются научная конференция, ситуация чтения лекции, проведения практического занятия, научной дискуссии и т. п.);

в) набор присущих именно этому виду дискурса жанров (для публицистического дискурса это репортаж, памфлет, фельетон и т. д.; для медицинского – беседа с пациентом, коллегой и др.);

г) ряд интенций (намерений) адресанта в конкретной ситуации, свойственной определенному виду дискурса (например, в рекламном дискурсе интенции адресанта заключаются в стремлении убедить, заставить приобрести товар или воспользоваться услугами);

д) речевое поведение, стратегии и тактики, которые закономерно вытекают из указанных выше факторов, то есть зависят от ситуации, жанра, интенций говорящего (в школьном дискурсе это может быть авторитарное поведение учителя, тактика дружеской беседы с учащимися, стратегия игнорирования учеником замечаний учителя);

е) арсенал разноуровневых языковых средств, призванных обеспечить выполнение поставленных говорящим коммуникативных задач. В каждом виде дискурса выделяются присущие только ему лингвистические средства (в научно-популярном подвиде научного дискурса, это, например, риторический вопрос);

ж) связанные с речевым оформлением дискурса паралингвистические средства (совершенно разное интонационное оформление сопровождает высказывание врача и учителя).

Политические тексты имеют свою специфику в каждом из названных факторов, что делает возможным выделение в отдельную разновидность политического дискурса. Это подчеркивает, например, К. С. Серажим, которая основными характеристиками языка политики считает такие [3, 13-14]:

- Сфера использования – политика и политическая журналистика.
- Вид практической деятельности – отражение и анализ политического феномена.
- Хронологический период – момент появления, реализации или актуализации важных аспектов бытования политического феномена. Тип стратегической коммуникативной цели – привлечение внимания читателя к событию, явлению, человеку, общественной или политической структуре и т. п. (информирование + реклама). И на основании сложившегося у него отношения «провокация» того или иного типа общественного поведения (формирование общественного мнения + общественный резонанс).
- Характер информации – многоаспектный: конкретный и обобщенный, количественный и качественный, разный по модальностью (субъективный, эмотивный, объективный и др.).

Мы согласны с исследовательницей, поскольку, во-первых, язык политики действительно имеет специфическую сферу использования – политическую жизнь страны и все, что с этим связано. Этот аспект

можно назвать экстралингвистическим фактором возникновения устной и письменной форм политической коммуникации.

Во-вторых, язык политики обслуживает четко определенный ряд ситуаций, связанных с названной выше сферой использования: митинг, забастовку, собрания, публичную речь политика, теледебаты, избирательную кампанию и т.п.

В-третьих, несмотря на то, что жанры политического дискурса «переплетены» с жанрами некоторых других дискурсов, можно говорить о формах информирования и общения, присущих только исследуемым видам, «поскольку этот сложный социолингвистический феномен интегрирует черты различных дискурсов и, заимствуя у них эффективные средства воздействия на массовое сознание, формирует собственную целостную систему характерных черт» [2, 4]. Так, очевидно совпадение жанров публицистического и политического дискурсов (интервью, аналитическая статья и др.). Однако соглашаемся с А. Й. Шейгал в том, что «любой материал в средствах массовой информации, в котором речь идет о политике и автором которого является политик или, наоборот, адресованный политик, следует относить к полю политического дискурса» [5, 24]. Исследовательница представляет схему соотношения политического дискурса и дискурса массмедиа, где шкала демонстрирует градацию между этими двумя дискурсами в разных жанрах. Чем меньше в нем задействован «голос политика», тем центральнее положение определенного жанра в рамках политического дискурса.

Доминирует дискурс массмедиа: памфлет, фельетон, проблемная аналитическая статья (написанная журналистом), колонка комментатора, передовая статья, репортаж (со съезда, митинга и под.), информационная заметка, интервью с политиком, полемика (теледебаты, дискуссия в прессе), политический документ (указ Президента, текст закона), проблемная аналитическая статья (написанная политиком), публичная речь политика.

Интенции адресанта в современном политическом дискурсе также являются специфическими. В целом их перечень можно свести к таким: а) критика политического оппонента; б) информирование (например, о пунктах программы партии); в) реклама, распространение системы политических ценностей, провозглашаемых определенной политической группировкой; г) отстаивание собственных политических интересов (митинг).

Для достижения одной из вышеупомянутых коммуникативных целей применяют свойственные политическому дискурсу стратегии и тактики. Например, так называемое авторитарное поведение характеризуется как целенаправленное коммуникативное действие, обусловленное особой адресантно-адресатной конфигурацией, с иллюкутивной целью – осуществить психологическое давление

на партнеров по коммуникации, что включает вербальные и экстралингвистические компоненты коммуникации и, как правило, сопровождается нарушением принципа вежливости и максим коммуникации.

Политический дискурс создают разнообразные тексты, относящиеся к политике как определенной социальной сфере: это совокупность выступлений, речей и высказываний политических деятелей, соответствующие документы с разной степенью юридической обязательности (соглашения, программы), а также специальные исследования, в которых анализируются политические события и которые учитываются в процессах принятия решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация : Пер. с англ. / Сост. В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1989. – 315 с.
2. Попова Н. М. Сучасний іспаномовний суспільно-політичний дискурс : лінгвопрагматичний аспект : Автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.05 / Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 2004. – 20 с.
3. Серажим К. С. Дискурс як соціолінгвальне явище : методологія, архітектоніка, варіативність (на матеріалах сучасної газетної публіцистики) : Монографія / К. С. Серажим ; За ред. В. Різуна. – К. : КНУ ім. Т. Шевченка, 2002. – 392 с.
4. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 44-45.
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : ИТДГК "Гнозис", 2004. – 326 с.

SUMMARY

Svetlana Dovbysh. The concept of political discourse

The article provides a rationale for political discourse along with other types of discourses. The main types of discourse are analyzed and the main characteristics of political discourse are presented.

Keywords: discourse, political discourse, mass media, sphere of communication.

Емельянова К.

Науч. рук. – д. филол. наук, проф. Теркулов В. И.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
г. Донецк, ДНР

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

Объектом рассмотрения в данной работе являются ономасиологические модели окказиональных эквивалентов, то есть словосочетаний, которые встречаются в текстах малое количество раз, поэтому определяются как нерегулярные текстовые эквиваленты сложносокращённых слов.

Ключевые слова: *сложносокращённое слово, окказиональный эквивалент, ономасиологическая модель, ономасиологический базис, ономасиологический признак.*

Актуальность исследования обусловлена тем, что на данный момент проблема ономасиологических структур окказиональных эквивалентов в теории аббревиации Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации («ЭЛИТА», далее – Лаборатория) практически не была освещена. Сотрудниками Лаборатории рассматриваются ономасиологические классы аббревиатурных гнезд, однако основной упор делается на регулярных текстовых эквивалентах. В одной из предыдущих наших работ были описаны ономасиологические структуры окказиональных эквивалентов абброаффиксоидных квазиаббревиатур (сложносокращённые слова, которые не имеют текстовых эквивалентов) [1, 124–126]. Целью предлагаемого исследования является описание ономасиологических моделей окказиональных эквивалентов абброэквивалентных аббревиатур и абброморфемных квазиаббревиатур. Для достижения поставленной цели необходимо: 1) обозначить ономасиологические структуры выбранных окказиональных эквивалентов; 2) на основе выявленных моделей определить причину вхождения этих словосочетаний в разряд окказиональных.

«В теории «ЭЛИТА» к окказиональным единицам относятся словосочетания, баланс индексов (частное от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания [5, 7]) которых превышает отметку 500» [2, 80]. Например, окказиональным эквивалентом абброэквивалентной аббревиатуры (сложносокращённое слово, возникшее в результате сокращения словосочетания) *евровалюта* («валюта, размещённая в одной из европейских стран, но не являющаяся национальной

валютой этой страны» (https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/13218)) является словосочетание *валюта европейской страны* (баланс индексов – 2397,57). Прежде чем определять ономаσιологическую структуру данной окказиональной единицы, следует сказать, что из себя представляет ономаσιологическая модель в теории номинации и ономаσιологическая модель в теории аббревиации (термин «ономаσιологическая структура» мы используем здесь как абсолютный синоним ономаσιологической модели).

Ономаσιологическая модель, по мнению М. Докулила, имеет бинарную структуру: она состоит из ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака. Ономаσιологический базис указывает на определённый понятийный класс – родовое понятие, а ономаσιологический признак – на видовую характеристику, определяющую референт внутри класса.

В. И. Теркулов и О. В. Блюмина описывали ономаσιологическую модель аббревиатуры следующим образом: «Ономаσιологический базис формируется на основе семантики главного слова исходного словосочетания, а признак – на основе семантики зависимой лексемы» [4, 218]. В качестве примера возьмём сложносокращённое слово *евровалюта*, которое имеет дублетное словосочетание *европейская валюта*. Ономаσιологическим базисом является семантика слова *валюта* (объект), а ономаσιологическим признаком – семантика слова *европейская* (посессив). Следовательно, ономаσιологическую модель можно представить так: «объект + посессив». Таким образом, как отмечает Ю. А. Ермоленко, «специфика ономаσιологических моделей аббревиатур напрямую зависит от структуры (би- либо поликомпонентной) эквивалентного словосочетания» [3, 104].

Опираясь на ономаσιологическую модель сложносокращённого слова *евровалюта* и его дублета *европейская валюта*, определим ономаσιологическую структуру окказионального словосочетания *валюта европейской страны* (валюта, размещённая в какой-то европейской стране): «объект + посессив». Данную модель повторяет и словосочетание *валюта европейских стран*, но оно, в отличие от предыдущего примера, является регулярным (ср.: баланс индексов – 58,76). Следовательно, отнесение словосочетания *валюта европейской страны* в разряд окказиональных эквивалентов связано с тем, что словоформы *европейской* и *страны* употребляются в формах единственного числа, которые не являются «общеупотребительными» для данной единицы.

Приведём примеры, когда у аброморфемной квазиаббревиатуры (сложносокращённое слово, возникшее в результате присоединения абброконструкта к слову) появляются окказиональные эквиваленты. Для сложносокращённого слова

авиалиния («утверждённый маршрут регулярных полётов самолётов, обеспеченный аэродромами и необходимым наземным оборудованием» [6, 45]) было найдено два окказиональных эквивалента: *линия авиации* (баланс индексов – 1205,33) и *линия авиaperевозок* (баланс индексов – 2504,37). Аббревиатура *авиалиния* (маршрут полётов, совершаемых на самолётах), дублетным словосочетанием которой является *авиационная линия* (вторичный эквивалент, появившийся вследствие псевдоунивербализации (развёртывание аббревиатурного слова в словосочетание с тождественным значением), имеет следующую ономаσιологическую модель: «объект + каузатив комлементарный + медиатив». Ономаσιологическая модель сложносокращённого позволяет определить, почему *авиалиния* является аброморфемной квазиаббревиатурой. *Авиалиния* – это маршрут не авиации, а маршрут полётов, которые совершаются на самолёте. В данном случае у абброконструкта *авиа-* реализуется значение «имеющий отношение к авиации», а не «в отрасли авиации» (как было бы для абброэквивалентной аббревиатуры).

Определим ономаσιологическую структуру окказиональных словосочетаний *линия авиации* и *линия авиaperевозок*: *линия авиации* (маршрут авиации) – «объект + каузатив комлементарный», *линия авиaperевозок* (маршрут транспортированных с помощью воздушных судов грузов) – «объект + медиатив + дестинатив». Причинами отнесения данных словосочетаний в разряд окказиональных являются: 1) словосочетание *линия авиации* воспроизводит модель словосочетания для абброэквивалентной аббревиатуры (ср.: *бомбардировка авиации* (*авиабомбардировка*)), то есть можно говорить о несочетаемости аброморфемы с базисом квазиаббревиатуры; 2) в словосочетании *линия авиaperевозок* абброконструкт *авиа-* имеет значение «средство для совершения полётов», но значения «в отрасли авиации» или «имеющий отношение к авиации» в себе не несёт.

Таким образом, опираясь на данные исследования, можно сделать такие выводы:

1. Окказиональные эквиваленты были найдены для всех типов сложносокращённых слов;

2. Ономаσιологическая модель окказионального словосочетания позволяет объяснить отнесение «эквивалента» в разряд нерегулярных текстовых эквивалентов;

3. Причинами нерегулярности употреблений словосочетаний могут быть: а) несочетаемость абброконструкта с базисом сложносокращённого слова; б) «размытость» значения абброконструкта; в) употребление словоформ в определённых формах, не являющихся «общеупотребительными».

В дальнейших исследованиях мы предполагаем установить типологию структурных ограничений окказиональных эквивалентов всех типов сложносокращённых слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емельянова К. Ю. Абброаффиксоидные квазиаббревиатуры : причины невозможности образования текстовых эквивалентов / К. Ю. Емельянова // Чтения молодых учёных : материалы IV Респ. очно-заочной науч.-практ. конф., (Горловка, 12-13 апр. 2018 г.). – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2018. – С. 124–126.
2. Емельянова К. Ю. Окказиональные эквиваленты аббревиатур в русском языке / К. Ю. Емельянова // Семантика и прагматика языковых единиц : история и современность : VII Международная научная конференция (к 100-летию Таврического университета) : сборник научных статей. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – 336 с.
3. Ермоленко Ю. А. Особенности ономаσιологических моделей номинатом типа «словосочетание + аббревиатура» / Ю. А. Ермоленко // Наукові записки [Національного університету «Острозька академія»]. Сер. : Філологічна. – 2012. – Вип. 26. – С. 103–105.
4. Теркулов В. И., Блюмина О. В. Основы ономаσιологической классификации русских и украинских композитов со значением “процессуальность” / В. И. Теркулов, О. В. Блюмина // Славянские языки : единицы, категории, ценностные константы. – Волгоград, 2010 – С. 216–231.
5. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология : сб. науч. тр. – Вып. 3 (29). Языкознание. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 13–25.
6. Толково-эквивалентный словарь сложносокращённых слов русского языка / В. И. Теркулов, А. И. Бровец, В. А. Рязанова, Е. А. Акулич и др.; Под ред. В. И. Теркулова; Фонд «Русский мир», ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк, 2018. – Т. 1. А–В. – 277 с.

SUMMARY

Ksenia Yemelyanova. The onomasiological models of occasional equivalents

The objects of the investigation in the given work are the onomasiological models of occasional equivalents, i. e. the word collocations, which occur in the text a small quantity of times, and thus are defined as irregular textual equivalents of compounded-abbreviated words.

Keywords: a compounded-abbreviated word, an occasional equivalent, an onomasiological model, an onomasiological basis, an onomasiological characteristic.

Елисеева Я.

*Науч. рук. – к. филол. н., доц. Блюмина О. В.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛИЗМОВ

В статье дан обзор истории изучения регионализмов. Существует мнение, что регионализмы являются негативным отражением употребления языка в сфере коммуникации. В этой статье показаны различные существующие подходы к определению таких понятий, как «региолект», «регионализм» и «просторечие», а также место этих явлений в языковой системе.

Ключевые слова: региолект, диалект, регионализм, просторечие, кодифицированный язык.

Лексика города является одним из источников обогащения русского литературного языка на различных этапах развития как высшей формы национального языка. В ней отражаются изменения, происходящие в жизни общества. Поликультурность современных городов, многополюсность сфер интересов, потребностей различных социальных и профессиональных групп населения придают городу и его лексике новые черты. Отсюда и новое осмысление места города в обществе, в культурном развитии человека, в формировании речевого и языкового вкуса [14, 3].

Языковая ситуация определяет локальную окрашенность языка города. Это явление выделяли такие ученые, как А. Соболевский, А. Томсон, В. Богородицкий, А. Шахматов. Лингвистическая окрашенность языка городов является показателем лингвистической окрашенности языка определённого региона [7, 57].

Е. Степанов отмечал, что язык – это социально-историческая категория, которая в свою очередь определяет способ общения нации. «Состояние национального языка определяет конкретный состав компонентов: единая форма литературного языка или вариантная, функционирование определённого количества диалектов, полудиалектов, койне» [10, 10].

Термин «региолект» является относительно новым лингвистическим термином. Вопрос изучения региолекта является актуальным в наши дни.

Вопрос региональных форм существования языка оставался актуальным и ранее в рамках диалектологических исследований. Изучались фонетические, лексические и грамматические отличия от слов, закреплённых словарными нормами. Б. Ларин в 1928 г. писал о необходимости изучения лингвистических особенностей города: «Мы запоздали с научной разработкой языкового быта города, да и нигде до сих пор она не производилась широко и систематически» [6, 26].

А. Герд является родоначальником термина «региолект», под которым он понимал «особую форму устной речи, в которой утрачены многие архаические черты диалекта, и развились новые особенности». Лингвист говорит о том, что региолект занимает место между городским просторечием и литературным кодифицированным языком [2, 110].

Е. Черемисина охарактеризовала отличия диалекта от региолекта:

1. Региолект имеет больший территориальный охват.
2. Региолект распространяется в речи горожан средних и малых городов, а диалект – исключительно сельская местность.
3. Региолект динамичен и подвижен.
4. Региолекту присуща меньшая стабильность, чем диалекту.
5. Наряду с региолектом и диалектом существует просторечие – разновидность языка, которая находится между литературным языком и диалектом.

В. Химик отмечает, что просторечие «несёт в себе признаки всех сопредельных подсистем языка: деревенских говоров, региолектов, многочисленных региональных подъязыков и социальных аргос и жаргонов» [12, 11].

Носителем этой разновидности языка является городской житель, который либо не владеет литературной нормой, либо использует просторечие только в разговорном бытовом диалоге.

Также лингвистами рассматривался вопрос региональной формы речи и лексических регионализмов. В аспекте изучения этого вопроса для нас важна точка зрения таких исследователей, как В. Беликова, А. Герда, А. Майорова, В. Трубинского.

В. Трубинский занимается исследованием становления русских региолектов. Лингвист указывает на то, что региолект имеет схожие черты с диалектом, а в лингвистических работах термин «региональный язык» выступает синонимом лексическим единицам «региолект», «региональные говоры», «регионализм», «региональные черты» [11, 160].

Т. Новикова отмечает, что переход диалектов в региолекты является особенностью развития функционирующего языка [8].

Т. Ерофеева в своих работах обосновывает региолект, понимая его как промежуточный идиом, «который может проявлять в

различной степени черты «перемешанных» в нём идиолектов» [5, 16].

М. Бородина отмечает, что «региолекты нарушают последовательную диасистему языковых структур, дают неустойчивый срез» [1, 30]. Региолектом является часть механизма в системе языковых отношений, которая находится в движении в отличие от диалекта. Диалект с исторической точки зрения устойчив и приравнивается к понятию «язык» [6, 32].

Е. Степанов термины «койне» и «региолект» относит к синонимам [10, 13]. По мнению Л. Грузберга, региолект имеет схожие лексические, грамматические и фонетические особенности для жителей обширного региона [4].

Исследованием российских региолектов занимались такие ученые, как Е. Оглезнева (изучала дальневосточный региолект русского языка), Л. Грузберг и Т. Ерофеева (анализировали пермский региолект), Т. Игнатович (рассматривала забайкальский диалект), И. Зварыкина (описала проблему разграничения диалектных и региональных языковых явлений, а также лексику Астраханского края) и другие.

Л. Грузберг на основе работы Е. Ерофеевой выводит постулат о двойственной природе языка города: с одной стороны, «язык города является гетерогенной структурой, рождающейся при столкновении разнородных языковых образований и имеющей социальное расслоение». С другой стороны, сложное взаимодействие различных языковых подсистем «приводит к возникновению некоторой гомогенной языковой структуры, характерной только для данного города» [4].

Т. Ерофеева считает, что «именно вероятностный подход является наиболее продуктивным в изучении городской речи и языка города» [5].

Т. Новикова, изучая вопрос Белгородского региолекта, указывает на то, что «специфика речи данного региона обусловливается тесными контактами с Украиной». Исследуя украинизмы, автор выделяет 2 группы:

1. Слова, не имеющие себе подобных в русском языке: названия обычаев и общественных законов, воинские звания (*козак, атаман, кошевой*), украинские национальные блюда (*кулеши, галушки*), причёски и одежда.

2. Слова естественные «в современной речи белгородцев и не расцениваются ими как заимствования»: *кавун* (арбуз), *криница* (родник), *гарбуз* (тыква), *шлях* (дорога), *трошки* (немного), *будяки* (сорняки).

Итак, лингвисты в своих работах описывают и раскрывают фонетические, лексические и грамматические особенности, а также

занимаются исследованием вопроса заимствования региолектов из других языков, обосновывая причины и черты этих заимствований, благодаря чему мы можем наиболее обширно представить значимость региолекта как на локальной территории, так и в общей сфере его появления и употребления [8].

Термин «регионализм» также является недостаточно изученным с нашей точки зрения. Поэтому остаются актуальными вопросы, связанные с изучением, распространением и употреблением этого термина. Термин регионализм появляется в ряде работ 80-х – середины 90-х гг. XX века, связанных с изучением языковой ситуации на Кавказе. Под этим термином принято было понимать «лексемы, заимствованные русским языком из языков народов Кавказа и наиболее активно функционирующие в русской речи на территории кавказских республик».

Само понятие является недостаточно распространенным. Об этом свидетельствует отсутствие термина в толковых словарях и лингвистическом дискурсе. Часто термин «регионализм» рассматривается в противопоставлении «регионализм – диалектизм». В то же время существует и другой подход: термин «регионализм» употребляется как синоним термина «диалектизм». Этот подход больше свойствен лингвистам, которые исследуют говоры центральных регионов России, где русский язык не находится в постоянном контакте с неславянскими языками.

Г. Гюльмагомедов в своих работах расширяет значение термина «регионализм». Автор относит к регионализмам лексические единицы и устойчивые словесные комплексы, высказывания, тексты, единицы макаронической речи [9]. При этом регионализмы являются специфическими чертами местной бытовой речи, они могут не входить в систему региональных говоров или языка.

Все понятия и процессы, описанные нами в этой статье, требуют дальнейшего рассмотрения и исследования. Мы считаем, что диалектизмы и регионализмы являются неотъемлемой частью языка и языковой ситуации, представляют собой «самостоятельные лингвистические единства», которые могут быть переконструированы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородин М. А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) / А. М. Бородин // *Вопр. языкознания*. – 1982. – № 5. – С. 29–38.
2. Герд А. С. Историческая география и регионалистика: взаимоотношение в процессе изучения историко-культурных зон / А. С. Герд // *Псковский регионологический журнал*. – 2013. – № 16. – С. 107–116.
3. Гончарова О. В. Понятия «наречие», «диалект» и «говор» в отечественной лингвистике [Электронный ресурс] / О. В. Гончарова. – Режим доступа : [http : //www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/14.html](http://www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/14.html) (Дата обращения : 05.11.2018).
4. Грузберг Л. А. Региолект [Электронный ресурс] / Л. А. Грузберг. – Режим доступа : [http : //philolog.pspu.ru/module/magazine.do/mpub_11_208](http://philolog.pspu.ru/module/magazine.do/mpub_11_208) (Дата обращения : 01.11.2018).
5. Ерофеева Т. И. Взаимодействие литературного языка и диалекта (к вопросу о локальных синтаксических явлениях в речи лиц, владеющих литературным языком) / Т. И. Ерофеева // *Живое слово в русской речи Прикамья*. – 1974. – № 4. – С. 3–20.
6. Кадоло Т. А. Региональная лексика как проявление поликультурности / Т. А. Кадоло // *Язык и культура*. – 2011. – № 2 (14). – С. 22–28.
7. Мишанкина Н. А. Лингвистический корпус «Томский региональный текст» / Н. А. Мишанкина // *Вестник Томского государственного университета*. – 2014. – № 389. – С. 56–63.
8. Новикова Т. Ф. Проблемы создания словаря региона [Электронный ресурс] / Т. Ф. Новикова. – Режим доступа : [http : //dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/1511/1/Monografia_Novikova_T_F.pdf](http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/1511/1/Monografia_Novikova_T_F.pdf) (Дата обращения : 26.10.2018).
9. Резвухина Ю. А. Регионализм : к определению понятия [Электронный ресурс] / Ю. А. Резвухина. – Режим доступа : [https : //cyberleninka.ru/article/n/regionalizm-k-opredeleniyu-ponyatiya](https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizm-k-opredeleniyu-ponyatiya) (Дата обращения : 05.11.2018).
10. Степанов Е. Н. Национальные варианты русского языка или русские территориальные койне? / Е. Н. Степанов // *Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства*. – 2011. – № 16. – С. 9–15.
11. Трубинский В. И. Современные русские региолекты : приметы становления / В. И. Трубинский // *Псковские говоры и их окружение : Межвузовский сборник научных трудов*. – П., 1991. – С. 156–162.
12. Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен [Электронный ресурс] / В. В. Химик. – Режим доступа : [http : //books.iqbuy.ru/](http://books.iqbuy.ru/) (Дата обращения : 12.11.2018).
13. Черемисина Е. В. О региолекте в современном языкознании / Е. В. Черемисина // *Перспективы развития современных гуманитарных наук: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции*. – 2015. – Вып. 2. – С. 45–49.
14. Шарипова О. А. Региональные особенности языка города : на материале русской речи жителей города Стерлитамак Республики Башкортостан : Дис. ...канд. филол. наук. – Стерлитамак, 2012. – 218 с.

SUMMARY

Yaroslava Eliseeva. The history of the study of regionalism

The article provides an overview of the history of the study of regionalism. There is an opinion that regionalism is a negative reflection of the use of language in the field of communication. This article shows the various existing approaches to the definition of such concepts as “regional”, “regionalism” and “vernacular”, as well as the place of these phenomena in the language system.

Keywords: regiolect, dialect, regionalism, vernacular, codified language.

Жихарева Ю.

*Науч. рук. – д. филол. наук, проф. Герасименко И. А.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ТИПОЛОГИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУРСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МУЛЬТИПЛИКАЦИИ)

Работа посвящена рассмотрению классификаций оценочной лексики. В статье анализируется предложенная Ю. Д. Апресяном типологии оценочных значений языковых знаков. Материалом исследования послужил дискурс современной российской мультипликации. Был сделан вывод относительно того, что оценка присутствует в разных языковых выражениях.

Ключевые слова: оценочность, дискурс, мультипликация, оценочное значение, лексема, языковой знак.

Оценка как неотъемлемая часть человеческой жизни присутствует в любой сфере нашей деятельности. Оценочность реализуется в текстах разных стилей, так как в центре любого текста стоит человек с его эмоциями и переживаниями. Оценка связана с положительными и отрицательными чувствами говорящего, вызванными отношением к объектам, действиям, состояниям. Актуальность данной работы заключается в том, что лингвистический статус оценки и типология оценочности в текстах мультипликации принадлежит к числу дискуссионных и недостаточно изученных проблем современного языкознания. Поэтому цель работы – расклассифицировать оценочную лексику современного мультипликационного дискурса с учётом предложенной Ю. Д. Апресяном типологии оценочных значений языковых знаков.

Важным является тот факт, что с лингвистической точки зрения оценка определяется как закреплённая в семантике лексемы положительная или отрицательная квалификация предмета, объекта действительности по признаку «хорошо / плохо» со стороны говорящего субъекта [2, 35]. Данной трактовки придерживаются многие исследователи. Однако к числу проблемных принадлежит вопрос языковой актуализации оценки из-за сложности самих объектов, которые, как известно, отражают внутренний мир человека, мир его чувств, переживаний, определённые нормы поведения в обществе [3, 9]. В настоящее время, признавая за оценкой статус самостоятельной языковой категории, исследователи по-разному определяют природу данной категории, её структуру, разграничение видов оценки, систематизацию средств выражения.

Так, Е. Б. Тяжина считает, что оценка базируется на лингвофилософском понимании, то есть выражает ценностное субъектно-объектное отношение в аксиологических понятиях «хорошо / плохо» [4]. При этом для автора бесспорным выступает тот факт, что в понятие языковой оценки входят значения, которые отражают отношение говорящего к высказываемым признакам нравиться / не нравиться, ценить / не ценить, одобрять / не одобрять, красиво / не красиво, важно / не важно [4].

Ю. Д. Апресян расширяет диапазон понятия «оценка». Согласно точке зрения учёного, слово вербализует не только обозначаемую вещь, ситуацию, свойство или процесс, но и саму оценку этой вещи либо ситуации со стороны участников коммуникации. Внимание исследователя акцентируется на том, что оценочный компонент значения присущ не всем словам. В связи с этим автор выделяет три типа оценочных значений [1, 175], которые, кстати, реализуют лексемы современного мультипликационного дискурса. Проанализируем эти типы и приведём их языковые репрезентации из текстов российской мультипликации:

1) Интеллектуально-логический тип, который основан на рационально-оценочных, логических суждениях об объективно присущих референту свойствах. Ср.: «Чем карликовой, тем мстительней!» [5].

2) Эмоциональный тип, основанный на выражении эмоций, чувств, переживаний, связанных с приписываемыми творческим воображением субъекта свойствами, объективно не присущими данному референту. Ср.: «Вы кто? – Я святой Лука, а это пророк Моисей» [5].

3) Эмоционально-интеллектуальный тип, основанный на рационально-оценочных суждениях и переживаниях, эмоциях в органическом единстве. Ср.: «Эх! Пропали мои миллионы. – Зачем тебе деньги? – Эх, недалекая ты моя! Деньги... Деньги – это все!

Вот кто я без денег? Крыса серая, обыкновенная, стандартная. А с деньгами – как минимум Ондатер! Вениамин Ондатер! Звучит» [5].

Как видим, согласно подходу Ю. Д. Апресяна, оценочность представляет собой триаду взаимосвязанных оценочных репрезентаций: функциональной, коннотативной и прагматической. Функциональная оценочность вербализуется с помощью языковых знаков, в семантической структуре которых содержится оценка, располагающаяся на шкале «хорошо – нормально, нейтрально – плохо» [1, 178]. Так, в понятийном содержании слова *карлик* заложена негативная сема (*карлик* – ‘злое существо’). Данная лексема, введённая в мультипликационный дискурс «Звездные собаки: Белка и Стрелка», служит для передачи негативного отношения главного героя к героям маленького роста (карликам).

Второй тип – коннотативная оценочность – реализован в лексемах, оценочное (выступающее переносным) значение которых создаётся благодаря использованию в контексте его ассоциативного потенциала [1, 178]. Так, сочетания «*святой Лука*» и «*пророк Моисей*» вне контекста не несут негативной коннотации. Однако в диалоге героев мультипликационного фильма «Алеша Попович и Тугарин Змей» данные лексемы получают негативную оценочность, создавая комический эффект.

Третий тип оценки – прагматическая оценочность. Такая оценочность как бы «растворяется» в контексте, выступая результатом выражения отношения говорящего к обозначаемому в реме явлению [1, 179]. Ср. реализацию прагматической оценки в вышеобозначенном фрагменте мультипликационного текста «Звездные собаки: Белка и Стрелка»: «*Эх! Пропали мои миллионы. – Зачем тебе деньги? – Эх, недалекая ты моя! Деньги... Деньги – это всё! Вот кто я без денег? Крыса серая, обыкновенная, стандартная. А с деньгами – как минимум Ондатер! Вениамин Ондатер! Звучит»* [5].

На основе нашего исследования, можно сделать вывод о том, что оценка как ценностный аспект значения присутствует в разных языковых выражениях. Она может быть ограничена элементами, меньшими, чем слово, а может характеризовать как группу слов, так и целое высказывание. Оценка многогранна, она может трактоваться, выражаться и восприниматься по-разному в разных речевых ситуациях, в зависимости от социальных и индивидуальных интересов, жизненного опыта как говорящего, так и адресата.

Перспективой нашего дальнейшего исследования является изучение языковых средств выражения в текстах современной мультипликации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 367с.
2. Баженова Е. А. Категория оценки : Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Е. А. Баженова. – М., 2003 – 107 с.
3. Коноваленко Л. И. Семантико-синтаксические средства выражения оценочной модальности в русском и английском языках / Л. И. Коноваленко. – Краснодар, 1997. – 23 с.
4. Тяжина Е. Б. Семантическая категория оценочности в лингвистике [Электронный ресурс]. – URL : http://www.rusnauka.com/16_NPRT_2014/Philologia/3_171204.doc.htm (дата обращения : 04.11.2018).
5. Цитаты из мультфильмов [Электронный ресурс]. – URL : <https://citaty.info/mult> (дата обращения : 26.10.2018).

SUMMARY

Julia Zhykhareva. Typology of the estimated values (on the material of the discourse of modern Russian animated film)

The article highlights the problem of the estimated values. The article analyzes the proposed typology of the estimated values of linguistic signs. The material of the study is the discourse of modern Russian animated film. We can say that the evaluation is present in different language expressions.

Keywords: estimation, discourse, animated film, estimated values, lexeme, linguistic sign.

Загорнюк А.

Науч. рук. – к. филол. н., доц. Бражник Л. М.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

«СНИЖЕННЫЙ РЕГИСТР» РУССКОЙ РЕЧИ

Статья посвящена описанию арготической лексики. Уточнен ряд положений, касающихся терминологического вопроса. Охарактеризованы арготизмы, которые чаще всего употребляют в речи школьники и студенты.

Ключевые слова: языковая норма, культура речи, арго, арготизм, суржик.

Современное состояние русской речи на рубеже XX-XXI вв. с позиции просвещенного лингвиста охарактеризовал М. Кронгауз в

работе «Русский язык на грани нервного срыва». Автор отмечает: «Начиная с конца 80-х годов, русский язык изменяется настолько быстро, что в обществе возникают тревожные, а порой панические настроения. Все чаще говорят не только о порче, но уже и о гибели русского языка. Особенно болезненными оказываются такие темы, как язык интернета, распространение брани, злоупотребления заимствованиями, жаргонизмами и просторечными словами» [4, 3]. При этом лингвист не упоминает язык аргота, т.е. сниженный регистр русской речи (словосочетание, предложенное В. С. Елистратовым) [3]. В связи с вышесказанным следует привести цитату И. Б. Зингера: «...ошибки одного поколения становятся признанным стилем и грамматикой для следующих» [4, 5].

Актуальность исследования продиктована языковой ситуацией, характерной для Донецкого края, а именно: ситуацией билингвизма, которая обуславливает функционирование в устной речи говорящих суржика – устной разговорной разновидности языка, в которой представлены, к сожалению, не только формы русского и украинского языков, но и активизировалось использование арготизмов. Наличие арготической лексики обращает на себя внимание даже неспециалистов в области языка, но объектом исследования филологов становится редко. Отметим, что таких слов достаточно много, они проникают в кодифицированную речь, размывая границы литературного языка. Так, поколение моложе 25 лет, выросшее в период изменений, описанных М. Кронгаузом, воспринимает их как естественное развитие языка, то есть часто просто не замечает их, как показывают многочисленные соцопросы. Эмоциональное отношение к арготической лексике, в том числе и негативное, – свидетельство интереса к русскому языку и его нормам.

Цель предлагаемой публикации заключается в описании некодифицированных лексических единиц, характерных для Донбасса. Толкование слов сниженного регистра позволит многим говорящим на русском языке осуществлять лингвистическую рефлексию и тем самым повышать свою речевую культуру. Для достижения поставленной цели ставятся и решаются следующие задачи:

- представить обзор работ, в которых поднимается вопрос об арготе;
- дать определение понятию «арго»;
- охарактеризовать арготизмы Донецкого края.

В связи с заявленной целью и поставленными задачами особый интерес представляют работы стилистов и арготистов относительно понятия «арго». Например, М. А. Грачёв считает, что аргот – это лексическая система [2]. В. С. Елистратов утверждает, что аргот –

результат взаимодействия языка и культуры [3]. О. Е. Вороничев, изучив и проанализировав существующие в лингвистике определения аргота, опирается на общепринятую дефиницию. Итак, аргот (от фр. argot) – язык какой-либо социально замкнутой группы лиц, характеризующийся специфичностью используемой лексики, своеобразием ее употребления, но не имеющий собственной фонетической и грамматической системы. Арготизмы принято отличать от собственно жаргонизмов прежде всего по их особой конспиративной функции, так как аргот объединяет, как правило, занимающихся какой-либо антиобщественной, преступной деятельностью людей, которые заинтересованы в том, чтобы смысл их общения был скрыт от непосвященных, т.е. потенциальных жертв [1, 140]. В своей публикации будем опираться на вышеприведенное объяснение аргота и арготизмов.

Материалом для изучения послужили наблюдения сотрудника Кировской исправительной колонии. Результаты научных изысканий представим в виде словаря, опираясь на опыт арготиста В. С. Елистратова, описавшего московское аргот:

Ажур, -е, м. – порядок.

Базар, м. – крик, шум, разговор.

Балдеж, м. – наркотическое опьянение.

Барахло, с. – краденые вещи.

Бацать – играть, плясать.

Бикса, ж. – молодая красивая женщина.

Борода, ж. – неудача.

Бухтеть – говорить, болтать.

Вилы, мн. – неудача.

Врубиться – понять.

Двинутый – безнадёжный, слабоумный.

Догонять – понимать.

Дыбать – смотреть.

Жаба, м. и ж. – жадный человек.

Залететь – забеременеть.

Заначка, ж. – тайник.

Заныкать – прятать.

Кент, м. – друг.

Мастырить – делать.

Менжеваться – бояться.

Метать – есть.

Мутный – подозрительный человек.

На халяву – участие в дележе без участия в деле.

Не понтуйся – не хвастайся.

Нистяк – все в порядке.

Падать на хвост – стремление получить что-то на халяву.

Пакли, мн. – волосы.

Пасты – следить.

Для анализа были отобраны арготизмы, которые чаще всего употребляют в речи школьники и студенты. Приведенные выше лексемы сниженного регистра (28 единиц) показали, что среди собственно частей речи в арго Донбасса больше глаголов. Для словообразования арго характерен лексико-семантический способ. Все представленные арготизмы – это сознательно искаженные общеупотребительные слова, а вернее их лексическое значение, обладающее эмоционально-экспрессивной окраской.

Отметим, что традиционная конспиративность арготизмов уже не актуальна, поскольку само использование, например, воровских арготизмов разоблачает говорящего в глазах окружающих. Культура речи человека – свидетельствует об его эрудиции, интеллекте, этике, воспитании.

Полученные результаты исследования могут быть использованы на занятиях по культуре речи в школе и вузе, в спецкурсах по лингвокраеведению, а также в виде системы тематических классных часов и бесед.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вороничев О. Е. Лексическая стилистика и культура речи: учебное пособие для преподавателей и учителей русского языка и литературы, работающих в лицеях, гимназиях, гуманитарных классах / О. Е. Вороничев. – Брянск : Курсив, 2007. – 246 с.
2. Грачёв М. А. Русское арготизмы : монография / М. А. Грачёв. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 1997. – 246 с.
3. Елистратов В. С. Словарь московского арготизма / В. С. Елистратов. – М. : Русские словари, 2000. – 694 с.
4. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – М., 2007. – 145 с.

SUMMARY

Alina Zagornyuk. Reduced register of Russian speech.

The article is devoted to the description of argotic vocabulary. A number of provisions relating to the terminological issue have been clarified. Characterized ergotism, which are often used in the speech of pupils and students.

Keywords: language norm, culture of speech, Argo, ergotism, clearer.

Зуенчик Е.

*Науч. рук. – к. филол. н., доц. Лешкова Н. В.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМОВ

В статье исследуется вопрос возникновения топонимов, рассматриваются классификации топонимов, описываются лексические и семантические особенности топонимов.

Ключевые слова: топонимика, виды и классы топонимов, лингвистика, ономастика.

На сегодняшний день существует много различных и по-своему интересных географических названий, которые отражают историю всех культур и народов, выраженную средствами языка. Ежедневно они встречаются в названиях улиц, на географических картах и атласах, на радио и телевидении, в печатных и электронных изданиях. Очень часто мы даже не задумываемся откуда пришли к нам данные наименования, а их отсутствие в жизни современной цивилизации представляется довольно-таки сложно. Академик Д. С. Лихачев писал о топонимах следующее: «Памятником духовной культуры особого рода являются исторические географические названия – имена наших градов и весей, улиц и площадей, застав и слобод. Топонимика народа представляет собой коллективное произведение народного гения... Они служат ориентирами во времени и пространстве, создавая историко-культурный облик страны» [1; 3]. Из этого следует, что сформированные на протяжении веков географические наименования на сегодняшний день представляют для любой страны, мегаполиса или города, деревни или посёлка, природных объектов своеобразную визитную карточку при знакомстве с местным краем.

В XVIII – XIX ст. были заложены первые топонимические направления, разработана большая часть материалов и выявлены отдельные закономерности топонимики [1; 10]. Изучают топонимы в разных областях науки, но основные из них – это лингвистика, география, картография, история [1; 6]. Целью нашего исследования является изучение топонимики в украинском языке, его этимологическое исследование, так как с его помощью мы можем определить языковую принадлежность географических названий. Некоторые топонимы являются настолько древними, что первичное название могло не сохраниться до наших дней, утратив первоначальный смысл, поэтому лингвистам приходится обращаться к историческим справкам.

Задачей топонимики для лингвистов является изучение географических объектов, а также прослеживание развития топонимических названий. Выделяют несколько методов изучения топонимов:

- ñ лингвистические (языки);
- ñ этимологические (выявление содержания названий);
- ñ метод формантов (словообразующие элементы слова);
- ñ лексико-семантический прием;
- ñ картографический способ [4; 37].

Одним из ведущих лингвистов, изучающие топонимы, является А. М. Селищев, на чьи труды ссылаются многие исследователи, так как он впервые выделил лексико-семантические черты географических названий.

Н. В. Подольская определяет несколько основных классов топонимов:

ñ оронимы, которые обозначают название гор (*горы Эльбрус, Воробьевы, Русские*), а также их вид спелеонимы, обозначающий названия пещер (*пещеры Ахитырская, Кунгурская ледяная*);

ñ хоронимы указывают на ограниченные местности, например, страну. Данный класс можно разделить на природные и административные. К природным относятся любые названия связанные с природно-ландшафтной территорией (*Поволжье, Беловежская пуца*), а административные – принятые в официальных документах наименования административно-территориальных единиц (*Приморский край, Воронежская область, ДНР*);

ñ урбанонимы обозначают внутригородские объекты. Принято выделять два вида урбанонимов – это агоронимы, использующиеся для обозначения названий площадей (*Красная площадь*) и годонимы, или их еще именуют как одонимы, которые называют улицы, аллеи, бульвары и т. д. (*улица Лермонтова в городе Горловке, переулок Александра Невского в Москве*);

ñ дромонимы – вид топонима дающий названия путям сообщения (*Донецкая железнодорожная дорога, Транссибирская магистраль*);

ñ ойконимы в основном представляют название населённых мест. Среди этого вида выделяют комонимы и астионимы. Комонимы – это собственный вид любого сельского поселения (*Михайловка, Верхняя Крынка*), а вот астионимы – дают имена городов (*Горловка, Снежное, Донецк, Брянка*);

ñ гидронимы связываются с водными объектами. Они разделяются на: потамонимы (наименование рек): *Корсунь, Енисей*, лимпонимы (имена озер, прудов): *пруд Гуен, озеро Байкал*, океанонимы (любой океан, заливы и проливы, и пр.): *Тихий океан, Финский залив, пролив Дрейка*, гелонимы (болота): *Дикое болото*,

Журавлиная Родина. В свою очередь к океанонимам относятся пелагонимы – это моря или его какой-то части, например, *Азовское море, море Короля Хокона VII*;

ñ агронимы, которые обозначают земельный надел, участок, поле – *Никитина полоса, Десятинное поле*;

ñ дримонимы называют леса: *Шварцвальд, Дубовая роца, Красный бор, Беловежская пуца*.

И выделяют еще несколько видов топонимов: названия больших незаселенных объектов – макротопонимы, а небольших – микротопонимы, от собственного названия, от личных имен – антропотопонимы, и от имени святого – агиотопонимы [3; 14].

Последние несколько лет появляются публикации о проблеме классификации топонимических единиц, отсутствия единого подхода к решению. Необходимым является лексико-семантический анализ, с помощью которого можно выделить несколько топонимических групп, связанных с природой, личными именами, этнонимами. Все исследования, проведенные лингвистами, помогают восстановить пути народов через названия транспортных путей, территорий, которые осваивали и заселяли люди, выяснить специфику этнического состава населения. Наиболее древние топонимы помогают проверить представления о миграции народов, их контактов с другими этническими группами, его смене в пределах территории, а также соотнести прародину тех или иных народов, заселявших определенную территорию. Топонимы обладают свойством сохранения исторической памяти, а также содержат в себе языковую память о прошлом, которая помогает не только в лингвистике, но и в истории, географии. В лингвистике топонимия является одним из главных факторов, поскольку географические наименования для языковедов – языковой знак, который указывает на памятник духовной культуры народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басик С. Н. Общая топонимика : уч. пособие для студентов географ. фак / С. Н. Басик. – Мн. : БГУ, 2006. – 200 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 193 с.
4. Топонимика. Предмет, задачи, методы, виды и классификация топонимов [Электронный ресурс] / Поволж. гос. социально-гуманитар. акад. – Режим доступа : <https://studfiles.net/preview/6213536/page:37/>.

SUMMARY

Helena Zuenchik. Lexical-semantic feature of names

The article studies the question of the origin of toponyms, considers the classification of toponyms, considers the lexical and semantic features of toponyms.

Keywords: toponymy, types and classes of toponyms, linguistics, onomastics.

Извекова И. Ю.

*Науч. рук. – д. филол. н., проф. Кочетова С. А.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

РОМАН Е. ЧУДИНОВОЙ «МЕЧЕТЬ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ» КАК ЯРКИЙ ПРИМЕР ПРОВИДЧЕСКОЙ АНТИУТОПИИ

В эпоху, существенные особенности которой обусловлены попыткой конкретной реализации вымышленного утопического миропорядка, грань между реальностью и антиутопией в произведениях становится все более зыбкой и пластичной. Реальное и антиутопическое переплетаются в ткани произведения, и этот синтез становится неотъемлемой чертой современных антиутопий.

Ключевые слова: антиутопия, проблематика, провидческая проза.

Жанр антиутопии теснейшим образом сопряжен с исторической реальностью. Характерная особенность антиутопий состоит в изображении возможного будущего. События анализируются посредством фантастического домысливания, предугадывания развития исторического процесса в будущем. Тем самым авторы-антиутописты делали попытку предупреждения об опасных результатах существующего порядка.

В романе-антиутопии «Мечеть Парижской Богородицы» (2005 г.) [5] писательница Е. Чудинова посредством подобного фантастического домысливания попыталась смоделировать альтернативную модель будущего Европы, власть в которой захватили мусульманские иммигранты. Проблематика произведения построена на прогнозе религиозной ситуации в условиях нынешней европейской толерантности.

Е. Чудинова изображает мир будущего, перенося своего читателя в далекий 2048 год во Францию, по аналогии с романом

Дж. Оруэлла «1984», в котором преобладающей религией стал ислам. Основу художественной реальности романа составляют не западные либеральные ценности, а идеология ислама, приверженцы которого, преобладая в количестве над христианами, приходят к власти. Христианское меньшинство, отказавшееся принять ислам, загнано в пять крупных гетто Парижа, более того, адепты католической религии подвергаются жестокому гонению и притеснению. Общество разделено на два лагеря – мусульман и тех, кто остался верен католицизму. Автор выразительно изображает гнетущие реалии мусульманского Парижа: «Жуткой и безысходной была эта жизнь за колючей проволокой, но многие шли на нее, почитая допустимой платой за право оставаться собой. Любая бедность и теснота, чуть что – смерть от руки любого полицейского, приравнивающего «язычника» к собаке» [5, 21].

Изображение мусульманского Парижа, в котором совершаются публичные казни, можно рассматривать как попытку автора отойти от культивируемой в 1990-х начале 2000-х гг. в русском массовом сознании философии европоцентризма. Очевидность такова, что созданный в 2005 году роман описывает события сегодняшнего дня, дня 2018 года. Об антиисламских настроениях в романе говорят и описания женщин-мусульманок, и явно негативное изображение многочисленных проявлений мусульманизации некогда европейской Франции: «Скромности и целомудрия в них замечалось примерно столько же, сколько обнаружилось бы любви к закону и правопорядку в закоренелом преступнике, заточенном в одиночную камеру с начиненной током колючей проволокой вокруг» [5, 17]. Добровольное возвращение к христианству – это единственный путь, который, по мнению Е. Чудиновой, способен исправить сложившуюся в современной Западной Европе религиозно-этническую ситуацию.

Роман пропитан антиисламскими настроениями и острым неприятием автора возросших иммиграционных потоков в Европу из стран Африки и Ближнего Востока. Книга вызвала неоднозначные отзывы не только исследователей, но и рядового читателя. Роман подвергся жесткой критике, на автора обрушились обвинения в православном экстремизме и оскорблении чувств верующих разных конфессий. На что автор парирует: «Эта книга – книга христианки, христианки, быть может, плохой, но, во всяком случае, не полностью безграмотной. Этим и объясняется та жесткость позиции, за которую я еще, несомненно, услышу немало упреков. Спешу переадресовать часть их к Священному Писанию: именно там сказано решительно и четко: христианство – единственная истинная религия. Спаситель вообще сформулировал предельно четко: кто не со Мною, тот против Меня. Европа, в

которой происходит действие моего романа, в минувшем столетии позволила себе хорошо поспорить со Священным Писанием и с Отцами Церкви, сказав, что все религии – сестры, все ведут ко спасению, но каждая – своей дорогой» [4].

Мир, изображаемый Е. Чудиновой, антиутопичен и враждебен человеку, но его антигуманность вызвана отрицанием автора возможности мирного сосуществования различных религий. Согласно сюжету мусульманские мигранты одерживают победу над представителями христианской веры, тем самым автор подчеркивает, что исламскую экспансию в Европе практически невозможно остановить: «Это роман об отчаянии, роман о безнадежности. Собор Парижской Богоматери взлетает в финале на воздух. Так же как былинный град Китеж уходит под воду. К Богу он уходит. Это единственный вариант развязки. Для него нет больше места на земле. И для христиан его больше нет» [4].

Проблематика данного антиутопического романа связана с мировой проблемой миграционного процесса. В произведении изображена страшная модель будущего, чей образ является своего рода предупреждением. Автор предлагает современникам попытаться избежать надвигающейся на Европу миграционной угрозы, которая впоследствии пошатнет власть и общество. Автор призывает читателя и, в первую очередь, христианина противостоять деструктивным последствиям экстремизма: «Спрашивают, а хорошо ли я знаю Коран, а читала ли я таких-то их богословов. Я отвечаю: извините, я плохо знаю Коран. Я вот как раз и борюсь за право, живя в России Коран не знать» [4].

Таким образом, роман Е. Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери» [5] является ярким примером провидческой прозы. На сегодняшний момент можно с уверенностью говорить, что этот роман в некоторой степени предвосхитил события будущего. Огромный наплыв иммигрантов мусульманского вероисповедания в Европу, особенно во Францию, постоянные непрекращающиеся теракты на религиозной почве являются тому доказательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кагарлицкий Ю. Что такое фантастика? / Ю. Кагарлицкий. – М. : Худож. лит., 1974. – 352 с.
2. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии / Б. А. Ланин // М. : Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – 154 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. Институт науч. информации по общественным наукам РАН. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.

4. Орлова А. «Мечеть парижской богоматери»: Антиутопия? Скандаль? Предупреждение? Интервью с Еленой Чудиновой [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://pravoslavie.ru/4645.html>
5. Чудинова Е. Мечеть Парижской Богоматери. – М. : Яуза, 2005. – 286 с.

SUMMARY

I. Yu. Izviekova. The novel by E. Chudinova „The Mosque of Notre-Dame de Paris” as a bright example of prophecy in dystopia

The genre of dystopia is closely linked to historical reality. A characteristic feature of dystopias is the depiction of a possible future. Events are analyzed through fantastic speculation, anticipating the development of the historical process in the future. Thus, dystopian authors attempted warnings about the dangerous results of the existing order.

Keywords: dystopia, problematic, prophetic prose.

Кочетова К.

*Науч. рук. – д. филол. н., проф. Фёдоров В. В.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ОРГАНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ М. ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ...»

Работа посвящена исследованию специфики организации художественного пространства в романе М. Петросян «Дом, в котором...». Автор предлагает рассматривать структуру топоса с учётом определённых параметров – объема, конфигурации, системы топосных повторов и противопоставлений, свойств пространства, симметричности, связности. Автор приходит к выводу о том, что художественное пространство в романе необходимо изучать на трёх уровнях – в плоскости географических пространств, в плоскости иллюзорности и объективизма, в плоскости «временной спирали».

Ключевые слова: роман, идиостиль, поэтика, художественное пространство, параметры хронотопа, типология.

По мнению некоторых исследователей, «художественное пространство – это отраженное и преобразованное пространство действительности, имеющее эстетический смысл и содержание, важнейший компонент построения художественного мира,

в пределах которого размещаются персонажи, совершается действие, развиваются изображаемые писателем события» [1, 56]. Художественное пространство также является одной из смыслообразующих литературоведческих категорий, композиционной осью произведения; оно может служить и для отображения психо-эмоциональной характеристики художественного образа. Ввиду данных фактов, художественный текст изучается многими исследователями сквозь призму специфики его пространственной организации, составные компоненты которой целесообразно специально проанализировать. Речь идет о таких составляющих, как объем, конфигурация, система топосных повторов и противопоставлений, свойства пространства, симметричность, связность и подобные параметры места действия в повествовании. Вместе с тем, пространство может быть рассмотрено как организация происходящих в романе событий в особой плоскости, строящейся на системе пространственных образов, и неразрывно связанной с другой, но столь же важной координатой – временной. Языковые средства, использованные в литературном произведении, могут быть проанализированы и изучены с точки зрения пространственного их понимания, так как элементы текста обладают определенной пространственной формой.

Художественное пространство романа «Дом, в котором...» М. Петросян играет существенную роль в сюжетной организации произведения. Изучая происходящие в романе события, мы считаем необходимым выстроить типологию и распределить их по принципу отношения к той или иной конкретно описанной автором пространственной точке.

Рассматривая своеобразие идиостиля М. Петросян, мы пришли к выводу, что многоплановость художественного пространства романа «Дом, в котором...» выстраивается на антитезе. Так, изначально пространство Дома противопоставлено Наружности (иными словами, внутреннее пространство Дома как закрытой территории, в плоскости которой развиваются события произведения, представлен в оппозиции к внешнему окружению Дома, которое, между тем, остается недоступным для читателя и персонажей, упоминается лишь вскользь и как противоположенное реальности приюта). Но, что представляется особенно любопытным, и сам Дом «распадается» на две плоскости: объективную и мистическую, что превращает произведение в роман не только социально-психологический, но и фантастический. Альтернативная вселенная, впервые нашедшая свое отображение в репликах героев, именуется обитателями Дома его «изнанкой». Это мистический мир, в который может погрузиться любой ребенок приюта, «принятый» Домом (как нетрудно заметить, в этой формулировке Дом наделяется функциями мистического

духа, обладающего сознанием, способным проникать в умы его обитателей). С некоторыми жителями Дома это происходит спонтанно и случайно (их называют Прыгунами), другие обладают способностью перемещаться между реальностями по своему желанию (в терминологии произведения – Ходоки). Рассматривая плоскость «изнанки» Дома, мы вновь приходим к выводу о бытующей в произведении антагонистической природе организации его художественного пространства: сама параллельная реальность Дома разделена на мистический Лес, который является своего рода отражением объективной реальности происходящего, доступным для Ходоков, и самодостаточную, в своем развитии никак не пересекающуюся с реальным миром, вселенную жестокости, где существуют города и поселения со своими жителями и персонажами (куда и «забрасывает» большинство Прыгунов и где они могут провести годы, прежде чем вернуться в реальность объективную).

Иными словами, художественное пространство Дома строится на мультиреальности и парном противопоставлении представленных реальностей: «Загибай мне пальцы, Черный. Я буду перечислять тебе параллельные миры, годящиеся для бегства» [4, 674].

Но ключевой сюжетобразующей пространственной концепцией произведения становится теория «кругов на воде», согласно которой Дух времени (им оказывает один из главных героев произведения) обладает даром, способным изменить течение реальности и основные ее события, а время в романе организовано по типу спирали: «Понимаешь, – говорит он, – жизнь не течет по прямой. Она – как расходящиеся по воде круги. На каждом круге повторяются старые истории, чуть изменившись, но никто этого не замечает. Никто не узнает их. Принято думать, что время, в котором ты, – новенькое, с иголочки, только что вытканное. А в природе всегда повторяется один и тот же узор. Их на самом деле совсем не много, этих узоров» [4, 772]. Изменение хода истории порождает существование новой реальности; каждая такая реальность похожа на предыдущий круг – и, тем не менее, может от него отличаться.

Таким образом, организацию художественного пространства романа отличают определенные характерные для стиля автора и его мировоззрения особенности. Во-первых, представленные в романе пространственные плоскости противопоставлены друг другу и потому контрастны (Наружность – Дом, «изнанка» – реальность, Лес – «мир закуской»). Из этого следует вывод о существовании мультиреальности, которая, что представляется нам наиболее интересным, существует в различных осях координат: в плоскости географических пространств (Наружность – Дом), в плоскости иллюзорности и объективизма («изнанка» – реальность) и, наконец, как становится понятно читателю в финале произведения, – в

плоскості «временной спирали». Именно этими характерными особенностями и обусловлена многогранность произведения и оригинальность подхода автора к организации художественного пространства романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джуанышбеков Н. О. Теория литературы : учеб. пособие по курсу «Теория литературы» / Н. О. Джуанышбеков, А. Б. Темирболат; КазНУ им. Аль-Фараби. – Алматы, 2009. – 283 с.
2. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Коженикова, П. А. Николаева. Редкол. : Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
3. Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О русской литературе. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1997. – С. 621-658.
4. Петросян Мариам. Дом, в котором... / М. Петросян. – М. : Livebook / Гаятри, 2011. – 960 с.

SUMMARY

Ksenia Kochetova. The organization of artistic space in the novel by M. Petrosyan “House in which...”

The work is devoted to the study of the specifics of the artistic space's organization in the novel “House in which...” by M. Petrosyan. The author proposes to consider the structure of topos with regard to certain parameters – the volume, the configuration, the system of topos repetitions and oppositions, the space's features, the symmetry and the connectivity. The author comes to the conclusion that the artistic space in the novel should be studied on three levels – in a plane of the geographic spaces, in a plane of their illusiveness and objectivism, in a plane of the “time spiral”.

Keywords: novel, idiostyle, poetics, artistic space, chronotope parameters, typology.

Кравченко А.

Науч. рук. – ст. преп. Могила Н. Н.

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

РЕАЛІЗАЦІЯ МЕТАПРЕДМЕТНОГО ПІДХОДУ ПІД ЧАС ВИВЧЕННЯ МОРФОЛОГІЇ

У статті розкрито концептуальні положення метапредметної інтеграції, подано погляди вчених на досліджувану проблему,

уточнено поняттєво-категоріальний апарат, запропоновані приклади реалізації метапредметного підходу у навчанні української мови.

Ключові слова: *метапредметність, метапредметний підхід, знак, знання, проблема, завдання, діяльність, результати, реорганізація.*

Сьогодні освіта прагне набути нового сенсу, поступово стає філософією і метою сучасного освітнього простору, який, гармонізуючи поєднання людини і природи, посилюватиме і розкриватиме її творче начало в умовах культурно-цивілізаційних змін. Сучасний стан розвитку освіти Донеччини вимагає інтегрованої освіти, досконалішого ущільнення знань й диференціації навчання, органічного поєднання у змісті освіти загальноосвітньої і фахової складових відповідно до запитів і можливостей школярів.

Встановлені стандартом нові вимоги до результатів учнів з української мови, викликають потребу у зміні змісту навчання із урахуванням принципів метапредметності як умови досягнення високої якості освіти. Як стверджують сучасні лінгводидакти, учитель-словесник сьогодні має стати конструктором нових педагогічних ідей, нових технологій, які б передбачали використання узагальнених способів роботи і створення учнями власних продуктів в освоєнні знань.

На Донеччині у практиці викладання української мови в загальноосвітніх закладах метапредметний підхід набуває все більшої популярності. Він впроваджується учителями-словесниками на рівні експерименту, із ініціативи адміністрації школи чи самого вчителя. Метапредметність – це нова освітня форма, яка вибудовується поверх традиційних навчальних предметів. Тому порушена проблема є актуальною.

Мета статті – розкрити особливості впровадження метапредметного підходу на уроках української мови, в основі якого лежить розумово-діяльнісний тип інтеграції навчального матеріалу і принцип рефлексивного ставлення організованості мислення учнів.

Завдання статті: визначити сутність метапредметного підходу і його місце в процесі навчання української мови учнів основної школи; з'ясувати дидактичні умови і шляхи формування мовних і мовленнєвих умінь і навичок учнів з опорою на метапредметні дослідження вчених.

Вважаючи за головне завдання для країн світу розвивати «нову освіту ХХІ століття», теоретичні засади особистісно-зорієнтованого навчання в контексті метапредметної інтеграції освіти розробляли: І.О. Артюхов, Л.В. Байбородова, А.П. Баранніков, Н.Л. Березовська, К.М. Варнавський, В.В. Гузєєв, М.А. Ісайко, Л.А. Кузнецова, В.А.

Орлов та ін. У наукових дослідженнях учених (Т.А. Гордієнко, Л.М. Гриневич, М.В. Макарова, М.К. Піщалковської, М.О. Шутова) акцентується увага на психолого-педагогічні аспекти метапредметного поля гуманітарних предметів для впровадження диференціації навчання у вітчизняній і зарубіжній практиці. Цій проблемі присвятили увагу зарубіжні і сучасні лінгводидакти: А.Г. Асмолов, Г.О. Васьківська, І.В. Князькова, К.Ю. Колесіна, В.І. Журавльов, І.Т. Фісенко. У російській педагогіці метапредметний підхід отримав розвиток у кінці ХХ століття, описаний дослідниками: Ю.В. Громико, А.В. Хуторським.

Акцентуємо увагу на ключовій термінології метапредметності.

На думку Г.О. Васьківської, метапредметний підхід – організація діяльності учнів із метою передачі їм способів роботи із знаннями. Він передбачає продумування (а не запам'ятовування) найважливіших понять навчального предмета, наявність освітньої діяльності, формування й розвиток у школярів предметних базових здібностей, використання способу «перевідкривання» знання на різному навчальному матеріалі (тобто повторення наукового відкриття у навчальному процесі), наявність рефлексивної діяльності [1, 42].

Метапредметні результати – засвоєні учнями, що навчаються на базі декількох або всіх навчальних предметів, узагальнені способи діяльності (наприклад, порівняння, схематизація, спостереження, формулювання питання, висування гіпотези, моделювання і т.д.), застосовані як у рамках освітнього процесу, так і в реальних життєвих ситуаціях [2, 22].

Метапредметна діяльність – діяльність за межами навчального предмета; яка спрямована на навчання узагальненим способом роботи із будь-яким предметним поняттям, схемою, моделлю і т.п., а також пов'язана із життєвими ситуаціями [2, 22].

Метапредметність, на думку Ю.В. Громико, це навчальний предмет нового типу, в основі якого лежить розумоводіяльнісний тип інтеграції навчального матеріалу і принцип рефлексивного ставлення до базисної організованості мислення – «знання», «знак», «проблема», «завдання» [2, 23].

У рамках «Знак» у школярів на уроках української мови формується здатність до схематизації. Вони вчаться висловлювати за допомогою схем те, що розуміють, і те, що хочуть сказати. Щодо «Знання», то на цьому етапі в учнів формується блок здібностей. До їх числа можна віднести: здатність працювати із поняттями, систематизувати здібності та уміння ідеалізувати [2, 35].

Вивчаючи «Проблему», школярі вчаться обговорювати питання, які носять характер відкритих, до цього часу не розв'язаних проблем.

На етапі «Завдання» учні отримують різні типи завдань і способи їх розв'язання. Під час опрацювання блоку «Завдання» у школярів формуються здатності розуміння і схематизації умов, моделювання об'єкта завдання, конструювання способів вирішення, побудови процедур досягнення мети.

Як стверджують учителі-методисти (О.М. Путрова, Н.О. Дьяченко, О.М. Іноземцева, І.А. Кураковська, М.М. Демидова та ін.), метапредметний підхід у навчанні української мови пропонує реорганізацію освіти, коли учень сприймає знання не як відомості для запам'ятовування, а як знання, які він осмислює й може застосувати в житті. Використання такого підходу здатне сформувати в учня поняття про дисципліну, як про систему знань про світ, виражений у числах, тілах, речовинах, предметах. На їх думку, він дозволяє сформувати цілісну особистість, що вчиться, і забезпечити наступність усіх щаблів освіти [3, 75].

Розглянемо реалізацію метапредметного навчання на уроці української мови у 5 класі, на тему: «Метапредметні зв'язки. Інтування розповідних, питальних, спонукальних та окличних речень. Повторення частин мови», використовуючи матеріал казки «Фарбований Лис» І. Я. Франка.

Вправа 1. І. Випишіть із тексту речення в яких про щось:

а) повідомляється; б) запитується; в) виражається спонукання до дії. Прочитайте їх. Виділіть інтонаційно найважливіше слово в реченні.

ІІ. Визначте, якими частинами мови виражені підмет і присудок.

Вправа 2. І. Використовуючи іменники, прикметники та дієслова побудуйте асоціативне коло до казки «Фарбований Лис» І.Я. Франка. Наприклад:

ІІ. Використовуючи асоціативне коло, самостійно навести приклади розповідних, питальних, спонукальних речень. Наприклад:

В одному лісі жив прехитрий Лис Микита. Чи не найбільше у житті любив Лис полювання на курей? Тікай, тікай чим дуж від синього звіра. Обережно! Це ж діжка маляра з фарбою! Вовчик-братик ледве удрав від нечуваного синього звіра.

Вправа 3. І. Записати речення, в дужках вказати вид за метою висловлювання та емоційним забарвленням.

Жив собі в однім лісі Лис Микита, хитрий-прехитрий. (РН) От же побачите, і в Блоху не перекинуся, і не роздеруть мене! (РО) Невже се моя шерсть, мій хвіст, мої ноги? (ПН) Пробує дряпати з себе ту луску пазурами – болить, але не пускає! Пробує лизати – не йде! (РО) Тут він був! Тут він був! Шукайте його! (СО) І Лис Микита, зробившись царем, жив собі, як у бога за дверми. (РН)

II. Визначте, якими частинами мови виражені підмет і присудок.
Вправа 4. I. Перечитайте уривок з тексту. Виправте пунктуаційні помилки. Поясніть їх.

Господи Що стало Всі співаки відразу затихли Всім міністрам і слугам царським відразу мов полуда з очей спала Та се Лис Простісінький фарбований Лис Ще й паскудною олійною фарбою фарбований Тьфу А ми собі думали, що він не знати хто такий Ах ти, брехуне Ах ти, ошуканче

II. Виписати іменники у 3 колонки: а) іменники, що мають однину і множину; б) іменники, що вживаються тільки в однині; в) іменники, що вживаються тільки в множині.

Самоперевірка вправи.

Господи! Що стало? Всі співаки відразу затихли. Всім міністрам і слугам царським відразу мов полуда з очей спала. Та се Лис! Простісінький фарбований Лис! Ще й паскудною олійною фарбою фарбований! Тьфу! А ми собі думали, що він не знати хто такий! Ах ти, брехуне! Ах ти, ошуканче!

Вправа 5. З поданих розповідних речень утворити питальні з часткою чи.

Всі співаки відразу затихли. (Чи всі співаки відразу затихли?);
І Лис Микита, зробившись царем, жив собі, як у бога за дверми. (Зробившись царем, чи Лис Микита жив собі, як у бога за дверми?);
Ведмеді ревли басом, аж дуби тряслися. (Чи ведмеді ревли басом, що аж дуби тряслися?).

З усього вищевикладеного можна стверджувати, що успішне досягнення реалізації метапредметного підходу у навчанні української мови, на нашу думку, передбачає врахування наступних вимог:

- * заняття повинні мати мотивуючі на роботу початок і закінчення, що фіксує результати цієї роботи;

- * грамотно спланована діяльність учнів; тема, мета, завдання уроку мають бути не тільки сформульовані, але й усвідомлені учнями;

- * наявність проблемних питань й пошукових ситуацій, які б дозволяли активізувати діяльність учнів;

- * урахування рівня й можливостей учнів (такі аспекти, як профіль класу, прагнення учнів, настрої дітей);

- * створення ситуації, що вимагає особистісного самоврядування (тобто регулятивних універсальних дій): учитель створює умови, у яких учні можуть самостійно знайти розв'язання тих або інших поставлених завдань;

- * активізація інтересу й мотивації навчання учнів шляхом залучення до предмета уроку інших галузей знань із врахуванням досвіду кожного учня

Отже, дотримання цих вимог зробить навчання української мови продуктивним, сприятиме результативності процесу навчання, розвиткові особистості.

ЛІТЕРАТУРА

1. Васьківська Г.О. Метапредметний підхід до формування системи знань про людину як один із принципів сучасного підручникотворення/ Галина Олексіївна Васьківська // Проблеми сучасного підручника : зб. наук. праць. – К. : Педагогічна думка, 2012. – Вип. 12. – С. 42-50.
2. Громико Н.В. Метапредмет «Знання» / Ю.В. Громико. – М., 2001. – 540 с.
3. Хуторський А.В. Современная дидактика: учеб. пособ. – М. : Высш. шк., 2007. – 639 с.

SUMMARY

Alexandra Kravchenko. The implementation of the metasubject approach in the study of morphology

The article reveals the conceptual provisions of the metasubject integration, the views of scientists on the problem under study are presented, the conceptual and categorical apparatus are clarified, the examples of the implementation of the metasubject approaches in teaching the Ukrainian language are suggested.

Keywords: metasubject, the metasubject approach, sign, knowledge, problem, objective, activity, results, reorganization.

Лучинская Т.

*Науч. рук. – к. филол. н, доц. Ярошенко Н. А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ГЛАГОЛОВ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЛЮБИТЬ, ПРОЯВЛЯТЬ, ЗНАКОМИТЬСЯ И ПРИРУЧАТЬ

(по результатам направленного ассоциативного эксперимента)

В статье представлен анализ ассоциативных реакций на ряд слов из лексико-семантической группы глаголов межличностных отношений в современном русском языке, полученных в результате проведенного направленного ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, слова-стимулы, типы реакций, ассоциативное поле, лексико-семантическая группа.

Для лингвистики конца XX – начала XXI века актуальной является такая тенденция, как антропоцентризм, которая в свою очередь обуславливает интенсивное развитие когнитивных, коммуникативных, лингвокультурологических, психолингвистических исследований. В частности антропоцентрический подход в лексикологии и семасиологии проявляется в описании семантической структуры слова через призму метаязыкового сознания носителей языка, обращение к которому становится возможным при помощи психолингвистических экспериментов. При этом психолингвистический подход даёт возможность проанализировать взаимодействие языка и мышления.

По словам О. И. Блиновой, применение психолингвистического эксперимента изменяет роль носителя языка, который из пассивного информанта – объекта исследования его речевой деятельности – превращается в активного информанта – субъекта исследования [2, 3].

И. Г. Овичинникова, разграничивая лексикографическое и психолингвистическое значения, отмечает, что «под лексикографическим значением подразумевается словарное толкование, под психолингвистическим – интерпретация экспериментальных данных, позволяющая установить смыслы, связанные со словом в языковом сознании» (цит. по: [3, 54]).

В психолингвистических исследованиях для исследования семантики слова используется *ассоциативный эксперимент* (от лат. *associatio* ‘соединение’ и *experimentum* ‘опыт’), который, как известно, представляет собой приём, связанный с выявлением ассоциаций, которые формируются у человека в результате его жизненного опыта. Ассоциативный эксперимент получил широкое распространение в качестве метода исследования индивидуального и группового сознания человека. Основными разновидностями таких исследований являются свободный и направленный (контролируемый) ассоциативный эксперименты.

Данная статья посвящена анализу ассоциативных реакций на лексические единицы лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) глаголов межличностных отношений *любить*, *проявлять*, *знакомиться* и *приручать*. Согласно данным идеографического словаря Л. Г. Бабенко, названные глаголы относятся к разным подгруппам глаголов межличностных отношений:

1. Глагол эмоционально-оценочного отношения. *Любить* 1) ‘относиться к кому-л. (обычно лицу противоположного пола) с глубокой симпатией, испытывая чувство самоотверженной и глубокой привязанности, сердечного влечения, склонности’; *син. обожать*; 2) ‘относиться (отнестись) с симпатией, испытывая

расположение, склонность к кому-л.’; *син. жаловать* (разг.), *симпатизировать* [1, 594-595].

2. Глагол внешнего проявления отношения. *Проявлять* ‘выражать (выразить) чувства, отношение к кому-л. особым поведением, жестами, словами, обнаруживая у кого-л. наличие каких-л. качеств, свойств’; *син. высказывать* (разг.), *обнаруживать*, *показывать* [1, 602].

3. Глагол согласованного действия. *Знакомиться* ‘договариваться (договориться) друг с другом о последующих дружеских отношениях, обменявшись первоначальными сведениями друг о друге’ [1, 604].

4. Глагол расположения к контакту. *Приручать* ‘располагать (расположить) к себе животных, сделав их ручными, послушными’ [1, 606].

Нами был проведён направленный ассоциативный эксперимент с уточняющим, т. е. направляющим, заданием с использованием глаголов межличностных отношений *любить*, *проявлять*, *знакомиться* и *приручать*. Эксперимент был проведён в октябре 2018 г. во время прохождения производственной (педагогической) практики в 5-Б классе общеобразовательной средней школы № 45 г. Донецка, в нем были задействованы 24 ученика в возрасте от 9 до 11 лет (14 девочек и 10 мальчиков).

Испытуемым письменно предъявлялась инструкция: «Дорогой друг, спасибо за участие в лингвистическом эксперименте! Твои ответы помогут провести научное исследование. Задание. Составьте по три словосочетания «глагол + существительное» с каждым из глаголов». Далее предлагался перечень рассматриваемых глаголов, состоящий из четырёх лексических единиц. Следует отметить, что выбор именно такой конструкции словосочетания был продиктован как возрастом респондентов, так и методическим фактором (изучение темы «Имя существительное» на уроках русского языка в пятом классе). Как видим, было изначально наложено ограничение на выбор категории слова-реакции.

Перед тем, как перейти к непосредственным ответам на вопросы, испытуемым предлагалось указать свой возраст и пол.

Алгоритм обработки результатов направленного ассоциативного эксперимента следующий:

1. Обрабатываются ответы на вопросы по каждому из предложенных слов-стимулов, при этом подсчитывается частотность каждой реакции, т. е. каждая отличающаяся реакция записывается и учитывается отдельно.

2. Проводится обработка результатов, полученных в ходе ассоциативного эксперимента с направляющими вопросами-стимулами.

Результаты, полученные в ходе эксперимента, были обобщены и сформированы в ассоциативные поля исследуемых языковых единиц. Формирование ассоциативного поля каждой рассматриваемой единицы осуществлялось с помощью записи в иерархическом порядке всех реакций на вопросы-стимулы от более частотной реакции к менее частотной. Следует отметить, что в случае одинакового показателя частотности у разных реакций количество реакций указывается после группы слов с одинаковой частотностью, а реакции с одинаковой частотностью даются по алфавиту.

3. Далее подсчитывается совокупный индекс яркости значения (далее – СИЯ) как отношение совокупной частотности реакций, актуализирующих данное значение, к общему количеству участников эксперимента.

По мнению Н. Н. Казаковой, в ассоциативном поле слова отражается вся информация о нём: значение, функциональные особенности, коннотации, а также субъективные факторы восприятия этого слова [4]. При этом вся совокупность реакций, полученных в ассоциативном эксперименте, представляет собой вербализацию ассоциативных и ассоциативно-мотивационных полей слов-стимулов, использованных в эксперименте.

В ходе проведённого ассоциативного эксперимента были получены следующие реакции, отношение совокупной частотности которых к общему количеству участников эксперимента указано как совокупный индекс яркости значения после перечня всех полученных реакций для каждого глагола отдельно.

Любить – маму 12, школу 5, животных 4, кота 4, природу 4, учителя 4, еду 3, класс 3, папу 3, цветы 3, друга 2, лето 2, семью 2, сестру 2, весну 1, день рождения 1, друзей 1, занятие 1, землю 1, зиму 1, кита 1, книгу 1, конфеты 1, красу 1, кровать 1, лес 1, мир 1, птиц 1, родственников 1, страну 1, уроки 1, ученика 1, фитнес 1, шоколадку 1 – СИЯ (3).

Проявлять – доброту 8, любовь 8, интерес 5, уважение 4, силу 3, смелость 3, ум 3, храбрость 3, благодарность 2, внимание 2, дружбу 2, знания 2, радость 2, себя 2, сочувствие 2, талант 2, благополучие 1, дружелюбность 1, жалобу 1, жизнерадостность 1, качества 1, особенность 1, отвагу 1, ответственность 1, себя в учебе 1, симпатию 1, смекалку 1, страх 1, счастье 1, тягу к классу 1, уникальность 1, фантазию 1, чувства 1 – СИЯ (2,9).

Знакомиться – с учителем 13, с другом 6, с человеком 5, с людьми 4, с друзьями 3, с игрой 3, с классом 3, с учебником 3, с животными 2, с мальчиком 2, с котом 2, с местностью 2, со знаменитостью 2, с товарищем 2, со школой 2, с девушкой 1, с детьми 1, с директором 1, с животными 1, с заданием 1, с материалом 1, с новинками 1, с новым другом 1, с новым учителем 1, с орфограммой 1, с подружкой

1, с попугаем 1, с природой 1, с предметом 1, с ребенком 1, с руководителем 1, с темой урока 1, с учениками 1 – СИЯ (3).

Приручать – собаку 13, кота 6, дракона 5, птицу 4, животных 3, котёнка 3, льва 3, лошадь 3, попугая 3, животное 2, кошку 2, собачку 2, хомяка 2, волка 1, ворону 1, голубей 1, дельфина 1, дикую собаку 1, змею 1, к жизни 1, к себе слона 1, мустанга 1, обезьяну 1, птиц 1, себя 1, собак 1, сокола 1, сороку 1, тигра 1, тигренка 1, человека 1 – СИЯ (2,9).

Таблица 1

Наиболее частотные реакции на глаголы межличностных отношений *любить, проявлять, знакомиться и приручать*, полученные в ходе направленного ассоциативного эксперимента

№ п/п	Глагол	Реакция	Частотность реакции
1	любить	маму	12
2	любить	школу	5
3	любить	животных	4
4	любить	кота	4
5	любить	природу	4
6	любить	учителя	4
7	любить	еду	3
8	любить	класс	3
9	любить	папу	3
10	любить	цветы	3
11	проявлять	доброту	8
12	проявлять	любовь	8
13	проявлять	интерес	5
14	проявлять	уважение	5
15	проявлять	силу	3
16	проявлять	смелость	3
17	проявлять	ум	3
18	проявлять	храбрость	3
19	знакомиться	с учителем	13
20	знакомиться	с другом	6
21	знакомиться	с человеком	5
22	знакомиться	с людьми	4
23	знакомиться	с друзьями	3
24	знакомиться	с игрой	3
25	знакомиться	с классом	3
26	знакомиться	с учебником	3
27	приручать	собаку	13

28	<i>приручать</i>	кота	6
29	<i>приручать</i>	дракона	5
30	<i>приручать</i>	птицу	4
31	<i>приручать</i>	животных	3
32	<i>приручать</i>	котёнка	3
33	<i>приручать</i>	льва	3
34	<i>приручать</i>	лошадь	3
35	<i>приручать</i>	попугая	3

Как видим, для глагола **любить** наиболее частотной реакцией в нашем материале оказалась реакция *любить маму* (12), для **знакомиться** – *знакомиться с учителем* (13), для **приручать** – *приручать собаку* (13), для **проявлять** – сразу две реакции: *проявлять доброту* (8) и *проявлять любовь* – 8.

Второе место по критерию частотности среди реакций, полученных в ходе проведённого направленного ассоциативного эксперимента, для рассматриваемых глаголов межличностных отношений являются следующие: для глагола **любить** – *любить школу* (5); для глагола **знакомиться** – *знакомиться с другом* (6) и примыкающая к ней по частотности реакция *знакомиться с человеком* (5); для глагола **приручать** – *приручать кота* (6) и примыкающая к ней по частотности реакция *приручать дракона* (5); для глагола **проявлять** – *проявлять интерес* (5) и *проявлять уважение* (5).

На третьем месте по рангу частотности, как видно из таблицы 1, оказались следующие реакции на анализируемые глаголы межличностных отношений: для глагола **любить** – *любить животных* (4), *любить кота* (4), *любить природу* (4), *любить учителя* (4); для глагола **знакомиться** – *знакомиться с людьми* (4); для глагола **приручать** – *приручать птицу* (4); для глагола **проявлять** – *проявлять силу* (3), *проявлять смелость* (3), *проявлять ум* (3), *проявлять храбрость* (3).

Примыкающими к частотным реакциям среди реакций, полученных в ходе проведённого направленного ассоциативного эксперимента, оказались такие реакции: для глагола **любить** – *любить еду* (3), *любить класс* (3), *любить папу* (3), *любить цветы* (3); для глагола **знакомиться** – *знакомиться с друзьями* (3), *знакомиться с игрой* (3), *знакомиться с классом* (3), *знакомиться с учебником* (3); для глагола **приручать** – *приручать животных* (3), *приручать котёнка* (3), *приручать льва* (3), *приручать попугая* (3). Что касается глагола **проявлять**, то в нашем материале реакции с индексом три были нами отнесены к группе реакций предыдущего типа по критерию частотности на основе общей картины всех полученных в ходе эксперимента реакций на этот глагол.

Все остальные реакции на глаголы межличностных отношений **любить**, **проявлять**, **знакомиться** и **приручать**, полученные в ходе направленного ассоциативного эксперимента, как свидетельствуют систематизация и обобщение данных, оказались или низкочастотными (с индексом равным двум), или вообще единичными.

В целом, как понятно, полученные и проанализированные реакции отражают языковую картину мира школьников 9-11 лет и репрезентируют наиболее значимые для них в рассматриваемом аспекте понятия. Спецификой статуса участников эксперимента однозначно напрямую обусловлены такие актуальные для них реакции, как, например, *любить школу*, *любить учителя*, *любить класс*, *любить занятие*, *любить ученика*, *проявлять тягу к классу*, *знакомиться с учителем*, *знакомиться с классом*, *знакомиться с учебником*, *знакомиться со школой*, *знакомиться с директором*, *знакомиться с заданием*, *знакомиться с заданием*, *знакомиться с материалом*, *знакомиться с новым учителем*, *знакомиться с орфограммой*, *знакомиться с предметом*, *знакомиться с темой урока*, *знакомиться с учениками*. Данные реакции в целом связаны с концептом ШКОЛА, номинируют участников учебного процесса и его составляющие.

Возрастной категорией респондентов обусловлена, например, такая реакция на глагол **приручить**, как *приручить дракона*. Эта реакция ассоциативно связана с названием популярного среди школьников младших и средних классов мультфильма «Приручить дракона».

Среди полученных реакций частотны реакции, называющие членов семьи, родственников, друзей: *любить маму*, *любить папу*, *любить друга*, *любить семью*, *любить друзей*, *любить родственников*; *знакомиться с другом*, *знакомиться с друзьями*, *знакомиться с товарищем*, *знакомиться с новым другом*, *знакомиться с подругой* и др. Менее частотны в этих значениях реакции с абстрактными существительными, что обусловлено возрастными особенностями категории респондентов: *любить природу*, *любить страну*.

Вместе с тем реакции на глагол внешнего проявления отношения **проявлять** в нашем материале весьма разнообразны и охватывают широкую референтную область: 1) проявление положительных чувств по отношению к окружающим: *проявлять доброту*, *проявлять любовь*, *проявлять сочувствие*, *проявлять уважение* и др.; 2) проявление внимания и расположения к окружающим: *проявлять интерес*, *проявлять внимание*, *проявлять симпатию*, *проявлять дружбу*, *проявлять дружелюбность*, *проявлять тягу к классу* и др.; 3) проявление умственных способностей: *проявлять ум*, *проявлять смекалку*, *проявлять знания* и др.; 4) проявление таланта и уникальности: *проявлять талант*, *проявлять*

уникальность, проявлять особенность, проявлять фантазию, проявлять себя и др.; 4) проявление силы духа: проявлять смелость, проявлять храбрость, проявлять отвагу, проявлять силу и др.; 5) проявление положительного состояния: проявлять счастье, проявлять благополучие и др.; 6) проявлять качества и чувства как таковые: проявлять чувства, проявлять качества и т. д. В целом подавляющее число полученных реакций на глагол внешнего проявления отношения *проявлять* в нашем материале – это реакции с положительным значением, заложенным в семантических структурах слов, вербализирующих данные реакции. Исключением является реакция *проявлять страх*.

Также, условно говоря, широкозначную семантику в рамках ассоциативного поля полученных реакций имеет глагол согласованного действия *знакомиться*, в целом охватывающий такие концепты, как ШКОЛА и ПРИРОДА. Что касается глагола расположения к контакту *приручать*, то в нашем материале практически все полученные реакции соотносятся с концептом ПРИРОДА, что обусловлено семантикой данного глагола.

Провести направленный ассоциативный эксперимент с использованием глаголов межличностных отношений *любить*, *проявлять*, *знакомиться* и *приручать* с респондентами других возрастных категорий с последующим сопоставительным анализом полученных реакций – следующая задача нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л. Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
2. Блинова О. И. Лексико-семантическая категория и свойство слова / О. И. Блинова // Русские говоры Сибири: семантика. – Томск, 1995. – С. 3-21.
3. Виноградова О. Е. Интегральная методика углубленного описания значения слова (на материале семантического описания слов разных частей речи) : Дис. ... канд. филол. наук / Ольга Евгеньевна Виноградова. – Воронеж, 2016. – 304 с.
4. Казакова Н. Н. Лексическая образность по данным психолингвистического эксперимента : Дис. ... канд. филол. наук / Наталья Николаевна Казакова. – Томск, 2014. – 257 с.

SUMMARY

Tatyana Luchinskaya. The association field of the interpersonal relationships verbs *to love, to show, to meet and to tame* (according to the results of directed association experiment)

The article deals with the analysis of associations with words from the lexical and semantic group of the interpersonal relationships verbs in Modern Russian. The reactions had been obtained as a result of a linguistic experiment.

Keywords: association experiment, word-impulses, types of reactions, association field, lexical and semantic group.

Мамедова Ю.

Науч. рук. – к. филол. н., доц. Борисова Л. П.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР

РЕЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАК СРЕДСТВО ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ (на материале драмы А. Н. Островского «Гроза»)

В статье даётся определение термина *речевая характеристика (речевой портрет)* как части лингвистического анализа художественного текста, обосновывается значение речевых характеристик в процессе индивидуализации образов драматических произведений. В качестве иллюстративного материала используется языковая ткань драмы А. Н. Островского «Гроза».

Ключевые слова: лингвистический анализ, язык художественного текста, речевая характеристика, речевая маска, идиостиль А. Н. Островского, язык драмы «Гроза» А. Н. Островского.

В зависимости от аспекта исследования художественного текста понятие *речевая характеристика* может употребляться как в широком, так и в узком значениях. В контексте теории коммуникации и лингвистической прагматики, например, глубинный и всеобъемлющий анализ языка персонажей предполагается проводить тогда, когда их речь трансформируется в область изучения языковой личности самого автора, который в системе им же созданных персонажей выражает свой собственный взгляд на мир и на взаимоотношения людей в этом мире. Языковая личность автора в этом случае может изучаться как источник специфики речевых характеристик персонажей его произведения. Такой аспект исследования художественных текстов в последнее время становится очень актуальным, и количество научных работ в этом направлении заметно увеличивается.

Однако в процессе работы с текстом на уроках русской литературы, в ходе проведения его полного лингвистического анализа учитель может ограничиться упрощенным вариантом определения таких понятий, как *речевая характеристика* = *речевой портрет* = *речевая маска*, не разделяя их как три разных термина.

Под речевой характеристикой персонажа в узком значении принято понимать содержание его высказываний, то есть то, *что* персонаж говорит, какие мысли и суждения высказывает. Как писал М. Горький, не всегда важно, *что* говорят, но всегда важно, *как* говорят. Речевая характеристика персонажа и создается именно этим *как* – манерой речи, её стилистической окрашенностью, характером лексики, построением интонационно-синтаксических конструкций и т. п. Речевой портрет – это подбор особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений, которые выступают в качестве средств художественного изображения персонажей и способствуют их индивидуализации. Такая речь характеризует конкретное лицо не в какой-то конкретной, отдельно взятой ситуации, а является постоянной манерой его речевого общения с другими, объясняет каждый его шаг и поступок. Часто в таких случаях употребляют понятие *языковая маска*.

Особое усердие в работе над художественным словом и речью действующих лиц писатели проявляют тогда, когда создают драматическое произведение (драму или комедию), учитывая в процессе работы тот факт, что это самая трудная форма литературы, в которой, по словам М. Горького, «каждая действующая единица» должна характеризоваться «и словом и делом самосильно». Читатель (или зритель) контактирует с персонажами таких произведений без помощи автора, и их речь является прямым источником информации для тех, кто эту речь слышит. Такое изображение действующих лиц в драматургическом произведении связано с репродуктивным методом, под которым понимается оформление особенностей речи персонажей без авторской помощи. В таких случаях по отдельным выражениям и восклицаниям даже вне контекста мы узнаём героев произведений талантливых драматургов, к которым, без сомнения, относятся Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, М. Горький и др. («*Не хочу учиться, а хочу жениться*», «*Служить бы рад, – прислуживаться тошно*», «*С Пушкиным на дружеской ноге*», «*Человек – это звучит гордо*» и т. д.). Замечательным мастерством создания речевых характеристик обладал А. Н. Островский.

При использовании репродуктивного метода следует учитывать два важных направления оценки речи персонажей любого произведения, которая может носить ситуативный характер, при котором, с одной стороны, их речь наполняется особым эмоциональным содержанием, связанным с психологическим

состоянием героя. С другой стороны, в ряде случаев можно говорить об отражении в речи персонажа какого-то конкретного речевого момента, который демонстрирует определенные отклонения от привычной для нас речевой нормы. Это может объясняться по-разному. Для произведений, созданных в XVIII-XIX вв., такой причиной может стать специфика языка эпохи, установление которой требует от учителя обращения к принципу историзма, а значит – к основам истории русского языка, знание которой необходимо проявить в процессе проведения такого лингвистического анализа.

Пьеса А. Н. Островского «Гроза» была написана в 1859 году. В развитии национального русского литературного языка, в процессе его нормализации и становлении этот период был завершающим, и сам драматург оказался в числе тех, кто своим творчеством способствовал объединению разных социальных вариаций общенационального языка в один общий литературный язык. Оценивая изменения в литературном языке второй половины XIX века, академик В. В. Виноградов отмечал, что стили дворянской литературы в это время заметно «вытесняются и преобразуются воздействием речи широких народных масс» [1, 419]. Это нашло яркое подтверждение в творчестве А. Н. Островского. Привлекая внимание читателей к живому народному языку, драматург проявил себя мастером создания речевых характеристик своих персонажей – носителей купеческого, мещанского и даже церковного жаргона. Все действующие лица его драмы «Гроза» говорят на общенародном языке, но набор языковых средств для каждого персонажа позволяет говорить о строгой индивидуализации каждого из них при помощи подбора автором специфических фраз, особого лексического материала, необычных синтаксических конструкций и т. д.

Например, главная героиня драмы – Катерина, тонкая, очень романтическая натура, попавшая в сети хозяев «тёмного царства», но воспринимаемая читателями «лучом света» в этом затхлом, застойном мире купеческой жизни. Её речь – это чистый родник певучего народного просторечия, это связь не только с устной народной поэзией, но и с церковно-житийной литературой. Эти три источника отражаются и в лексике, и в синтаксисе речи героини, характеризуя её как нравственную, искренне и глубоко верующую личность: «*Чтоб не видеть мне ни отца, ни матери*»; «*души не чаяла*»; «*успокой ты мою душу*»; «*долго ли в беду попасть*»; «*быть греху*» (в смысле несчастья). Речь Катерины образна и выразительна, в ней много (более двадцати) ярких сравнений: «*точно голубит меня*», «*точно голубь воркует*», «*точно гора с плеч свалилась*», «*руки-то жжет, точно уголь*» и др. На свидании с Борисом она называет его погубителем («*Зачем ты пришел, погубитель мой?*») точно так же, как в народном свадебном обряде невеста величает своего жениха:

«Вот идёт погубитель мой». Язык Катерины иногда приобретает характер народного причитания: «Ах, беда моя, беда! (Плачет) Куда мне, бедной, деться? За кого мне ухватиться?». И в этих своих степенях она становится похожей на сказочную Лебедушку, попавшую в сети злых разбойников. С лингвистической точки зрения речь Катерины разнообразна и интересна, каждая речевая деталь подчеркивает неповторимость этого образа, имеющего при помощи языковых средств четко выраженную речевую характеристику. Её вопрос «Отчего люди не летают, как птицы?» входит в число тех выражений, по которым имена персонажа и писателя угадываются безошибочно.

Речь Катерины резко противопоставлена речи представителей «тёмного царства». Дикой – «значительное лицо» в городе, купец, которого окружающие называют *ругателем*, *пронзительным мужиком*, *воином*. Эти характеристики также помогают созданию речевого портрета очень яркого персонажа драмы. По тому, как и что говорит Дикой, можно понять, что он малограмотен. Например, в разговоре с Борисом он произносит: «*Провались ты! Я с тобой и говорить не хочу с езуитом*». В такой искаженной форме звучит слово *иезуит*. Речь Дикого содержит грубую брань, которая часто сопровождается плевками: «*Ты ещё что тут! Какого ещё тут чёрта водяного!*» и под. Под стать ему и Кабаниха – убежденная защитница старого строя, властная и грубая хозяйка «тёмного царства», обладающая властной силой над окружающими. Все эти особенности чётко закреплены и в её речевом портрете. Социальный статус каждого персонажа, их личностные характеристики определены их же языковой манерой поведения, а характеры и нравы индивидуализированы. И это тоже находит отражение в их речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XI-XIX веков / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1982. – 328 с.
2. Островский А. Н. Полное собрание сочинений / А. Н. Островский. – Т. 2. Пьесы 1856–1861. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1950.

SUMMARY

Juliya Mamedova. Speech characteristics as means of individualization of artistic images (on the material of drama «Thunderstorm» by A. N. Ostrovsky)

The definition of the term *speech characteristic* (speech portrait) is given in the article as parts of literary text linguistic analysis, asserts

their role in the process of individualization of images of dramatic works. The linguistic fabric drama «Thunderstorm» by Ostrovsky is used as an illustrative material.

Keywords: linguistic analysis, language of literary text, speech portrait, speech mask, Ostrovsky's idiostyle, language of drama «Thunderstorm» by Ostrovsky.

Мысягина С.

Науч. рук. – к. филол. н, доц. Царегородцева С. С.
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского»,
г. Ялта, РФ

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА (на примере миниатюры «Запленный мастер» из автобиографической повести «Взвихренная Русь»)

В статье даётся лингвостилистический анализ миниатюры «Запленный мастер» из автобиографического романа А. М. Ремизова «Взвихренная Русь». Особое внимание уделяется стилистическим особенностям ремизовской прозы.

Ключевые слова: орнаментальная проза, ритмомелодика прозы, стилизация народнопоэтической речи, тропы, инверсия, ретордация, графон.

Русская художественная проза первой половины 20-х годов XX в. – одно из ярчайших и своеобразных явлений отечественной литературы – сформировалась как особая разновидность словесного искусства. Переломная эпоха в истории развития общества требовала новой формы поэтической изобразительности. Особое место в контексте творческих исканий советской повествовательной прозы этого периода занимает орнаментальная проза. Родоначальниками этого направления в русской литературе по праву считаются Андрей Белый и Алексей Михайлович Ремизов. В 20-е годы представителями орнаментализма были Борис Пильняк, Артем Веселый, Всеволод Иванов, Исаак Бабель, Леонид Леонов и другие. «Писатели-орнаменталисты создали своеобразную модель отношений между человеком и миром, выработали стиль, соответствующий динамике эпохи» [5].

Суть орнаментальной прозы (в широком понимании) – в стремлении к предельной поэтической изобразительности,

максимально допустимой концентрации образов в тексте. Слово становится самоценным, обретает множество смысловых оттенков. «Орнаментальная проза создала оригинальную «орнаментальную» метафорику, от которой и взяла свое название» [4].

Каждый писатель использовал орнаментализм для своих задач. Ремизовская узорная словесная вязь – сложный, до конца еще не изученный социокультурный феномен. Она оборачивалась и столь характерным для эпохи Серебряного века жизнотворчеством, и восходящим корнями к культуре Древней Руси «юродством», в котором элемент театральности был связан с обличением и осмеянием несправедного «мира сего». В своей орнаментальной прозе Ремизов соединил фольклор с символическими и экзистенциальными мотивами, что наглядно представляет и анализируемый текст.

Прозаическая миниатюра «Запленный мастер» впервые вышла в 1920 г. в издании «Красный балтиец» под заглавием «О запленном мастере память ярославская». Позже Ремизов включил миниатюру в цикл «Заяц на пенёке» автобиографического повествования «Взвихренная Русь», полностью опубликованного в Париже в 1927 году (в русской эмигрантской литературе 20-50-х годов книга получила высокую оценку).

«Взвихренная Русь» – это «сложнейшая мозаика подробностей, фактов, снов», это образ Петербурга 1917-1921 годов, «образ города голодного, промёрзшего <...> сползающего в стихию жестокости и варварства, в то же время зажегшего «огни негасимые над Россией»» [11, 17]. В своей книге Ремизов описал смятение в человеческих душах, подхваченных вихрем революции, смятых, потерянных, но все же не утративших веру... 1917-й год Алексей Ремизов воспринял как метафорический пожар, в огне которого рождается новый мир. С описания последствий сильнейшего пожара, но уже настоящего, который произошел в Ярославле в июне 1768 года, начинается миниатюра, рассказывающая о событиях, казалось бы, совсем не связанных с вихрем революционной России.

Сюжет «Запленного мастера» основан на исторических событиях, нашедших отражение в русской литературе. В журнале «Русский архив» за 1868 год был напечатан рассказ Леонида Николаевича Трефолева «Запленный мастер», и Ремизов очень коротко и ёмко пересказал его сюжет. По-своему о ярославских событиях поведал современник Ремизова Михаил Осоргин, включив одноименный рассказ в сборник «Старинные рассказы». С ярославского пожара 1768 года начинается миниатюра Валентина Пикуля «Ярославские страдания». Данную историю (пожар и поиск запленного мастера), ссылаясь на архивное дело, описывает профессор Ж.Я. Гернет в «Истории царской тюрьмы» (1951).

Один сюжет стал основой произведений разных авторов, которые и описывают события по-разному. Ремизов в рассказе ёмкостью 263 слова очень точно передал суть произошедшего. В этом существенная особенность орнаментальной прозы – значимость слова и вложенный в него смысл.

Писатель большое значение придавал факту своего рождения в ночь на Ивана Купалу, что приближало его к купальским огням, к языку «прапамяти». Мотив огня присутствует во «Взвихренной Руси», пожар становится отправной точкой повествования и в анализируемой миниатюре. Стихия огня предстаёт как враждебная сила, несёт потери (*погибло в огне много Божьих церквей, честных монастырей, белостенных купеческих домов, Гостиный двор и все лавки с товарами*).

Ремизов маркирует время посредством русских православных и народных праздников (*На Петра и Февронию, Иван-Купала*). Каждый праздник в народном мирозерцании соотносен с определенными стихиями (Иван Купала – с водой и огнём). Важное значение приобретают повторы образов, лейтмотивы – *на другой день Купалы* (вспомним образ купальского огня), *запылал пожар, запаленье, погибло в огне, погорели, да сгорели*.

Автор дает и другую трактовку огня – огонь-освободитель, огонь очищающий (считалось, что ритуальный купальский костёр выполняет очищающую функцию): *«А как нет худа без добра – погорели остроги и канцелярии с делами и кляузой, да сгорели и кнуты с клеймами, штемпеля колодницкие, щипцы, чем ноздри рвут – «снасти, подлежащие ко учинению колодникам экзекуции»»*. Высказывание, усиленное противительным союзом *а*, поднимает социальную проблему – применение жестокого наказания.

Нравственные проблемы озвучены автором в прямой речи героя: *«Брызжет кровь из спины – а не дрогнет рука»*. Профессор М.Н. Гернет, цитируя описанный в архивном деле случай, особо отмечает, что в те годы запленные мастера уже вызывали к себе не только ужас, но и отвращение. Поэтому не находится в Ярославле охотников на должность палача. Интересен и факт «выручила Московская розыскная экспедиция, приславшая 30 кнутов, стоимостью по 20 коп. каждый, и щипцы со штемпелем за 1 р. 20 коп. Для уяснения этой стоимости кнута и щипцов скажем, что дневное прокормление арестанта в остроге стоило одну копейку» [2]. Последнее пояснение важно для толкования выбора автором фамилии приезжего мастера – Хлебосолов. Сравните: *Хлебосолов – хлебосольный – щедрый*. Приезд мастера Хлебосолова – это и несказанная щедрость Московской розыскной экспедиции по отношению к погорельцам.

Одна из особенностей ремизовской прозы – наличие большого количества тропов (метофоры, сравнения, эпитеты), служащих для усиления эмоциональности слова, для пояснения его смысловых оттенков. Автор использует эпитеты (*утеклецы изловленные, не биты, не сечены, не клейменные; красную рубаху, рукавицу цветную, черный помост, у черного столба, в кафтанишке смуром, мятая шапка*), метафору (*сердце унылое*), сравнение (*побреду, как вор*) и олицетворяющее сравнение (*вонзаются клейма, как кошка*) для создания яркого «зримого» образа персонажа и действия.

Этому же способствует стилизация устной, народнопоэтической речи героя (*Кабы мне, заплечнику, лет десяток с плеч, я пошёл бы охотою, день-деньской пьян, веселил бы мастерское сердце унылое*). Народная речь во всём многообразии её территориальных разновидностей (*черти осетили* – псковское неодобрительное, то же, что *чёрт попутал* [1]) создаёт «живой» разговор, привлекает внимание к рассказчику, к его речи, окрашенной не только интонационно-синтаксическими, но и лексическими оттенками.

К числу сильных компонентов относятся слова со стилистической окраской, воспринимаемые современными носителями русского языка как устаревшие (*запаленье, канцелярии с кляздой, штемпля колоднички*, «снасти, подлежащие коучинению колодникам экзекуции», *тюремная изба, утеклецы изловленные, подмастерья, заплечный мастер, кабы мне, заплечник, в кафтанишке смуром, осетили, Розыскная экспедиция*), просторечная лексика (*сыпятся, нету*). Созданию народно-поэтического стиля содействуют фразеологические обороты (*нет худа без добра, день-деньской, черти осетили*).

Для Ремизова все его лингвистические изыски обретают философско-нравственный смысл. Автор использует эмоционально окрашенную лексику, акцентируя внимание на жестокости, палаческой удали: «*рвут*», «*ожгу*», «*брызжет*», «*вонзаются*»; передаёт внутреннее состояние героя: «*дрожит*», «*в кафтанишке смуром, мятая шапка*», «*озираясь, побреду, как вор*». Мотив смирения «*стану в церкви в сторонке*» и покаяния звучит в его обращении: «*Господи! чудотворцы муромские!*». Герой, однако, не преминул возможностью переложить вину на потусторонние силы: «*пес замуренный – черти осетили*». На сильные позиции вынесены значимые символы в православной культуре – упоминание Петра и Февронии, *чудотворцев муромских* (в начале текста и в заключение прямой речи героя), и обращение к Богу.

Немалую роль в создании индивидуального авторского стиля играют окказионализмы – неузусные речевые единицы, создаваемые намеренно. «Лексические, в том числе словообразовательные окказионализмы выполняют разные функции в контексте так называемой языковой игры» [10, 194]. Примеры

таких слов мы находим и в данном тексте: *поддозорцы, замуренный* (не найдено в словарях).

Автор словно плетёт узорную словесную нить, то ускоряя темп речи, то замедляя повествование, умело играя на частеречной принадлежности слова.

Глаголы придают повествованию динамичность, передают тонкие смысловые и экспрессивные оттенки при описании движения и образа в целом (*было, запылал, погребло, погорели, сгорели, рвут, посылали, сидят, не пожелает, быть, растосковался, пошел бы, веселил бы, зазвонят, надену, возьму, пойдут, взойду, стану, берегись, ожгу, засвистит, сыпятся, брызжет, не дрогнет, вонзаются, видеть стал, ослаб, дрожит, зазвонят, побреду, стану, осетили, прислала, пожаловал*). Обилие глаголов является одним из преимуществ образной речи.

Прилагательные, напротив, замедляют ритм повествования (*муромских, другой, питейного, ведерной, Божьих, честных, белостенных, купеческих, Гостиный, тюремной, заплечного, зашитный, мастерское, унылое, Мокрого, красную, цветную, воловьих, сыромятными, черный, у черного, железным, смуром, мятая, муромские, замуренный, Розыскная*).

Т.В. Цивьян в своей книге «Семиотические путешествия» отмечает, что Ремизов «не выдумывает ничего несообразного, но: он вводит в письменную речь принципиально иной строй – строй разговорной речи» (здесь и далее в цитируемом тексте курсивом и разрядкой выделено автором). «В каком бы значении ни употреблял Ремизов языковую единицу *слово* (лексема, текст, язык, речь), основой для него является з в у к» [10, 151]. Эту особенность ремизовской прозы отмечал и Ф. Степун, говоря о том, «что Ремизова нужно читать только вслух, очень медленно. При обычном торопливом чтении вся прелесть ремизовской прозы, узорный подбор его слов, особая конструкция фразы, всё это теряется для читателя» [10, 151].

Установка на «глаз и ухо» является спецификой изложения автора, ритмомелодика прозы — это важный аспект орнаментальности. Среди факторов ритмизации ремизовской прозы выделяется повтор, являющийся актуальной составляющей поэтики сказа. Риторические фигуры прибавления включают различные повторы:

1) Звуковой повтор у Ремизова – это один из способов создания на письме звучащей, «живой» речи:

Аллитерация (повтор согласных): *На Петра было и Февронию, чудотворцев муромских, на другой день Купалы, запылал пожар в Ярославле*.

Ассонанс чередуется с аллитерацией: *Погребло в огне много Божьих церквей, честных монастырей, белостенных купеческих домов, Гостиный двор и все лавки с товарами*.

2) Морфемный повтор: *На Петра было и Февронию, чудотворцев муромских, на другой день Купалы, запылал пожар в Ярославле. Началось запыление с питейного дома – с верной да чарошной продажи* (Здесь же анафора, или единоначалие).

3) Морфологический (повтор грамматических словоформ) – «А как нет худа без добра – *погорели остроги и канцелярии с делами и кляузой, да сгорели и кнуты с клеймами, штемпеля колоднические, щипцы, чем ноздри рвут – «снасти, подлежащие ко учинению колодникам экзекуции»*».

4) Позиционно-лексический повтор служит средством выделения ремы: «Зазвонят у Николы Мокрого, я надену красную рубаху, рукавицу цветную на руку, возьму плетъ воловьих жил; два подмастерья пойдут за мной с веревкой и ремнями сырмятными; на черный помост взойду, стану у черного столба с железным кольцом: «Берегись, ожгу!» Засвистит мой кнут – под кнут деньги сыпятся. Брызжет кровь из спины – а не дрогнет рука. И вонзаются клейма, как кошка: «*в о р*». А теперь – худо видеть стал, ослаб, рука дрожит. Зазвонят у Николы Мокрого – в кафтанишке смуром, мятая шапка, озираясь, побреду, как вор, на площадь, стану в церкви в сторонке: «Господи! чудотворцы муромские! пес замуренный – черти осетили, Господи!»».

Первая часть описывает героя, когда он был молод и был «при штате» (*надену красную рубаху, рукавицу цветную на руку*), как показывал свою палаческую удаль (*засвистит мой кнут*). Образность и эмоциональность речи героя подчёркивают повторы: *на черный помост, у черного столба; Засвистит мой кнут – под кнут деньги сыпятся. стану у черного столба, стану в церкви в сторонке*.

Автор использует развёрнутое противопоставление «А теперь – *худо видеть стал, ослаб, рука дрожит*. Зазвонят у Николы Мокрого – *в кафтанишке смуром, мятая шапка, озираясь, побреду, как вор, на площадь, стану в церкви в сторонке: «Господи! чудотворцы муромские! пес замуренный – черти осетили, Господи!»*». Характеристику персонажа дополняет повтор, выраженный антонимами: *не дрогнет – дрожит*. Смена позиций слов в словосочетании, вынесение глагола на конец второго предложения акцентирует внимание на изменении внутреннего состояния героя (*Брызжет кровь из спины – а не дрогнет рука; А теперь – худо видеть стал, ослаб, рука дрожит*). Описание героя на контрасте дополняет мейозис (от греч. – уменьшение – приём, определяемый учёными то как разновидность гиперболы – так называемая обратная гипербола, то как противоположность гиперболы, заключающаяся в преуменьшении какого-либо качества, свойства предмета или процесса, явления) [12, 175]

«в кафтанишке», уничижительную характеристику усиливают эпитеты «в смуром», «мятая шапка». Роль своеобразной композиционной скрепки выполняет упоминание «чудотворцев муромских» в начале повествования и в предпоследнем абзаце, в прямой речи героя.

Средством эмфатического подчёркивания в данном отрывке выступили все стилистические фигуры. Эмоциональность речи героя передаётся за счёт повторов, восклицаний (*Берегись, ожгу!*), риторических обращений или восклицаний (*Господи! чудотворцы муромские!*), усиленных повтором (*пес замуренный – черти осетили, Господи!*), инверсии (*лет десятков с плеч, рукавицу цветную на руку, два подмастерья пойдут за мной, засвистит мой кнут, худо видеть стал, брызжет кровь, в кафтанишке смуром*), графона («*в о р*»).

Е.Р. Обатнина отмечает, что «практически во всех произведениях Ремизова присутствуют кодовые сигнатуры: имена, малоупотребительные слова, понятия и символы, настраивающие на нужный регистр литературных, мифологических, исторических ассоциаций и специально выделенных разрядкой. Разрядка выполняет здесь функцию «смысловой ловушки», которая так или иначе заставляет любознательного читателя задержать взгляд, приостановить быстротечное чтение, чтобы при необходимости взять словарь или другую книгу, оживить память литературным сопоставлением, постараться понять внутреннюю причину адресованного ему сигнала» [6].

«И вонзаются клейма, как кошка: «*в о р*»», – что Ремизов хотел сказать в данном случае? Какую роль отводит автор графону? На поверхности лежит прямое разъяснение – «в указе 10 февраля 1637 года царь Михаил Федорович заменил для подделывателей монеты смертную казнь кнутом и пожизненным заключением, а для улики велел клеймить их на щеках словом «вор», дабы эти воры были «знатны»» [2]. *Кошкой* называлась также тонкая треххвостая плетъ для битья, позже была заменена кнутом, также отмененным [3].

Но ведь у Ремизова всё не так просто! В орнаментальной прозе слово приобретает тайный смысл. Фразу «И вонзаются клейма, как кошка: «*в о р*»» составляют олицетворяющее сравнение (клейма действительно вонзались, как кошка, так как на пластине для клеймения были иглы) и графон (по определению А.П. Сковородникова – «стилистический приём, представляющий собой стилистически значимое отклонение от графического стандарта и / или орфографической нормы», включающий необычные написания слов («разные шрифтовые выделения, разрядка, дефисация, введение в основной текст инородных знаков») и «фигурное расположение на плоскости листа» [12, 106].

Слово «в о р», выделенное автором факультативными кавычками, разрядкой и курсивом, – это не только указание на факт клеймения вора, основная функция графона в приращении смысла, в данном случае это конденсация нескольких смыслов: писатель намекает на обвинение его в плагиате, а ведь и данный сюжет был описан ранее в одноимённом рассказе Леонида Николаевича Трефолева.

Ремизов довольно часто использовал приём пересказа, близкого к источнику, он пересказывает сюжет трефелевского рассказа и при помощи приёма реминисценции, состоящего во включении в текст чужого, иногда несколько изменённого текста, без указания его заглавия и автора [12, 261], даёт отсылку на переработанный текст. Через приём реминисценции проявляется интертекстуальность – связь между текстами. Елена Рудольфовна Обатнина в своём исследовании «Алексей Ремизов: Личность и творческие практики писателя» отмечает, что «самый распространенный прием указания на первоисточник, к которому прибегал Ремизов, – кавычки или же сдвиг текста вправо» [6]. В данном случае Ремизов использует оба эти приёма, причём дважды. В первом случае это точное цитирование: «снасти, подлежащие ко учинению колодникам экзекуции». Фигурное расположение текста на плоскости листа выглядит так:

А как нет худа без добра – погорели остроги и канцелярии с делами и кляузой, да сгорели и кнуты с клеймами, штемпеля колодницкие, щипцы, чем ноздри рвут – «снасти, подлежащие ко учинению колодникам экзекуции».

Ремизов использует абзацное членение предложения, удвоенный интервал для усиления смысловой значимости слова, и приём цитации для отсылки к архивному документу. Эту же цитату используют и Леонид Николаевич Трефелев [15], и Михаил Осоргин [12], и проф. Ж.Я. Гернет [4].

Во втором случае кавычками и сдвигом текста вправо отмечена прямая речь ремизовского героя, не являющаяся, в отличие от основного текста, пересказом; она разворачивается как импровизация, как новый сюжет. «Для учинения означенному разбойнику и тюремному утеклецу пойманному **Григорию Кузьмину** надлежащей экзекуции, заплечный мастер прислан был», читаем мы у Трефолева [9]. «Озираясь, побреду, **как вор**», – повторяет Ремизов как обвинение себе и своему герою – заплечному мастеру **Григорию Кузьмину**, используя имя персонажа как указание на текст, послуживший источником авторской переработки. Трефелевский персонаж – вор, которому был прислан палач – у Ремизова становится заплечным мастером.

Повторы, которыми автор наполнил прямую речь героя, и графические средства (графоны) стали характерным признаком

идиостиля писателя. Графически Ремизов пытался передать интонацию – «не выразимое словами», по его собственному признанию. В настоящее время графон является широко используемой фигурой речи как средство привлечения внимания (рекламные тексты), как способ создания смысловой многоплановости текста.

Интонационное значение имеют и авторские знаки пунктуации. Не мотивированные правилами современной пунктуации, они являются средством зрительного выделения акцентированного отрезка речи:

*«Посылали в Романов, Пошехонье и в Кинешму –
– У самих нет!»*

Абзацное членение сопровождается удвоенным тире – приём, характерный для орнаментальной прозы Ремизова.

Стремление Ремезова к поэтической изобразительности ярче всего проявляется в синтаксисе. Автор использует чередование предложений разного типа, например:

1) *Нету и заплечного мастера.*

2) *Засвистит мой кнут — под кнут деньги сыпятся.*

3) *А теперь – худо видеть стал, ослаб, рука дрожит.*

4) *И вонзаются клейма, как кошка: «вор».*

5) *Погибло в огне много Божьих церквей, честных монастырей, белостенных купеческих домов, Гостиный двор и все лавки с товарами.*

6) *Не пожелает ли кто из вольных людей в заплечные мастера: быть в штате при Ярославской Провинциальной канцелярии?*

7) *Зазвонят у Николы Мокрого – в кафтанишке смуром, мятая шапка, озираясь, побреду, как вор, на площадь, стану в церкви в сторонке: «Господи! чудотворцы муромские! пес замуренный – черти осетили, Господи!».*

8) *А как нет худа без добра — погорели остроги и канцелярии с делами и кляузой, да сгорели и кнуты с клеймами, штемпеля колодницкие, щипцы, чем ноздри рвут – «снасти, подлежащие ко учинению колодникам экзекуции».*

Эффект присутствия живого звучащего голоса создают повторы, риторические восклицания, обращения и приём инверсии (нарушение общепринятой грамматической последовательности речи; перестановка частей фразы, придающая ей особую выразительность; необычная последовательность слов в предложении). Приведём некоторые примеры инверсии в анализируемом тексте:

1) *На Петра было и Февронию, чудотворцев муромских, на другой день Купалы, запылал пожар в Ярославле.*

2) *Началось запаленье с питейного дома – с ведерной да чарошной продажи.*

3) *Сидят поддозорцы в тюремной избе, утеклцы изловленные: не биты, не сечены, не клейменные.*

Повтор ключевых слов в небольшом отрывке:

Сидят поддозорцы в тюремной избе, утеклцы изловленные: не биты, не сечены, не клейменные. Нету и заплочного мастера.

– Не пожелает ли кто из вольных людей в заплочные мастера: быть в штате при Ярославской Провинциальной канцелярии?

Растосковался заштатный мастер Григорий Кузьмин:

«Кабы мне, заплочнику, лет десяток с плеч, я пошел бы охотой, день-деньской пьян, веселил бы мастерское сердце унылое.

И заключительная фраза подводит итог рассказа: «А вслед и сам мастер пожаловал – Хлебосолов Никита Иванович».

Таким образом, лингвостилистический анализ миниатюры «Заплочный мастер» позволил нам выделить особенности индивидуального авторского стиля, являющиеся неотъемлемым признаком орнаментальной прозы Алексея Михайловича Ремизова: обилие элементов устной, народнопоэтической речи, особая роль тропов (метафоры, сравнения, эпитеты), которые служат для усиления эмоциональности слова, для пояснения смысловых оттенков слова, использование ритмико-синтаксические приемы.

Среди факторов ритмизации ремизовской прозы выделяется повтор, являющийся актуальной составляющей сказового изложения. Ориентация на поэтическую речь проявилась в использовании выразительных возможностей звукописи (аллитерационно-ассонансных рядов) и разновидностей повтора: звукового, морфемного, морфологического, лексического. Графические средства (факультативные кавычки, курсив, разрядка) и фигурное расположение на плоскости листа – удвоенный межстрочный интервал, смещение текста, обрамляют словесную ткань повествования в причудливую узорную рамку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Олма Медиа Групп, 2007. – Режим доступа : http://1slovar.ru/rus_proverbs/52790/ (дата обращения: 27.12.2016)
2. Гернет Ж. Я. История царской тюрьмы / проф. Ж. Я. Гернет. Том 1. – Изд. 2-е, доп. и пересм. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1951. – [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://lawbook.online> (дата обращения: 20.01.2017)
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского словаря : в 4 томах. / В. И. Даль. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – Т. 2. – 779 с.

4. Зими́на Н. Ю. Формирование русской орнаментальной прозы как особой разновидности словесного искусства (об истоках русской орнаментальной прозы) / Н. Ю. Зими́на // Вестник ИРГТУ. – 2012. – № 12. – С. 299 – 303.
5. Крючков В. П. Орнаментальная проза. Творчество Бориса Пильняка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [<http://helpiks.org/7-62202.html>]. (дата обращения: 27.12.2016)
6. Обатнина Е. Р. Алексей Ремизов : Личность и творческие практики писателя [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://litresp.ru/chitat/ru/O/obatinina-elena-rudolfjovna/aleksej-remizov-lichnostj-i-tvorcheskie-praktiki-pisatelya> (дата обращения: 15.10.2018)
7. Осоргин М. А. Заплочный мастер / М. А. Осоргин // Сивцев Вражек : Роман. Повесть. Рассказы. – М. : Моск. рабочий, 1990. – (Литературная летопись Москвы). – [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://knigolubu.ru/russian_classic/osorgin-ma/starinnyie_rasskazyi.10910/?page=22 (дата обращения: 27.12.2016)
8. Ремизов А. М. / А. М. Ремизов; сост., вступ. ст. и прим. В. А. Чалмаева // В розовом блеске : Автобиографическое повествование. Роман. – М. : Современник, 1990. – 750 с. – С. 246-247.
9. Трефолев Л. Н. Заплочный мастер / Л. Н. Трефолев // Русский архив, 1866. – [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://az.lib.ru/t/trefolew_l_n/text_1866_zapl_master.shtml (дата обращения: 25.04.2017)
10. Цивьян Т. В. Семиотические путешествия. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. – 248 с.
11. Чалмаев В. «Вся моя жизнь прошла с глазами на Россию...»: Судьба и «автобиографическое пространство» А. М. Ремизова / В. Чалмаев // А. М. Ремизов. В розовом блеске : Автобиографическое повествование. Роман / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. В. А. Чалмаева. – М. : Современник, 1990. – С. 3-30.
12. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А. П. Сковородникова. – 4-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. – 480 с.

SUMMARY

Svetala Mysyagina. Linguistic-stylistic peculiarities of the ornamental prose of Alexey Remizov

The article highlights a linguistic stylistic analysis of the miniature “Zaplechnyi master” from the autobiographical novel of A. M. Remizov

“Raising Rus”. Special attention is paid to the stylistic peculiarities of Remizov’s prose.

Keywords: ornamental prose, rhythm-melodic prose, stylization of folk-poetic speech, trails, inversion, retordation, grafon.

Пивень А.

*Науч. рук. – д. филол. н., проф. Герасименко И. А.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ТЕКСТ КАК КОМПОНЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ ИЗВЕСТНОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается история возникновения письма как жанра эпистолярия, характеризуется его поэтапное развитие, а также показана значимость письма. Письмо, как жанр эпистолярия, находится в непрерывном развитии. Разрабатывая жанр личного письма, писатели вывели жанр на новый уровень – уровень художественного произведения.

Ключевые слова: эпистолярный, эпистолография, письмо.

Письмо как литературный жанр получило свое распространение в античные времена в греческой и римской лингвистической культуре. Уже в то время письма философов и деятелей культуры (Цицерона, Плиния Младшего, Сенеки) считались образцами ранней эпистолярной литературы [1].

М. Б. Токтагазин в своей статье «Жанрово-стилистические особенности русской эпистолярной публицистики в исторической ретроспективе и современности» пишет, что письмо считалось способом общения «между двумя субъектами при невозможности осуществить его напрямую» [3]. Поэтому в ряде стран искусство написания письма достигает высокого развития. Римляне относили этот вид деятельности к изящным и свободным искусствам, оно составляло часть воспитания.

В античных эпистолярных теориях письмо называли «половиной без диалога» (т. е. диалогом без собеседника), но при этом подчеркивали отличие письма как письменной формы речи от речи разговорной [3, 16].

С точки зрения риториков и письмовников основной задачей письма являлась достоверная передача информации, при этом письмо должно оставаться документом, но в искусном оформлении. Уже тогда существовали правила и образцы переписки, в которых

сказано, что общий сюжет письма может отсутствовать, а также не существует обязательной последовательной композиции письма, так как построение письма зависит от намерений адресата, который может оборвать письмо на полуслове, если это будет необходимо, и вернуться к началу повествования [1].

Эпистолярный пользовался особой популярностью в России в различные времена – от существования Древнерусского государства до наших дней. Однако в современном мире в журналистике и публицистике мы можем наблюдать падение популярности этого жанра по причине вытеснения эпистолярия со страниц публицистических изданий и бытовой жизни людей виртуальным пространством компьютерных сетей [3].

Эпистолографией, а также изучением эпистолярной публицистики и её жанрово-стилистических особенностей занимались такие исследователи, как А. И. Акопов, С. Д. Гуревич-Лицинер, Е. П. Прохоров, А. А. Тертычный и др. [3]. «С нашей точки зрения, письмо, его особенности, его язык, психологические и жанрообразующие признаки явственно свидетельствуют о том, что эпистолярный – жанр отдельный, но, как мы уже сказали, обладающий высокой степенью пластичности – в СМИ письмо обретает черты социальной проблематики и контекста обращения к социуму, в художественной литературе модифицируется в зависимости от сюжета. Таким образом, можно говорить о жанрово-стилевой трансформации и порождении вторичного жанра – художественной эпистолярной, публицистической эпистолярной. Но суть в том, что эпистолярный жанр способен трансформироваться и «приспосабливаться» к требованиям «неродной» для него дискурсивной ситуации» [3].

Первое русское письменное упоминание об эпистолярной М. Б. Токтагазин относит к периоду берестяных грамот, которые считаются одним из памятников письменности Древней Руси XI-XV вв. [3]. «В истории Древней Руси мы находим примеры нравоучительных посланий в форме писем (наиболее яркий пример – письмо Владимира Мономаха детям)» [3]. «В качестве наиболее яркого примера начала светской переписки он приводит пример переписки царя Ивана IV Грозного и А. Курбского как наиболее известный пример публичной переписки времён X-XIV вв.» [3].

«Такие ученые, как А. И. Акопов, Е. П. Прохоров, А. А. Тертычный и другие авторы указывают на то, что эпистолярный жанр следует признать одним из первых и старейших жанров публицистики в русской литературе и публицистике» [3].

Широкое употребление эпистолярный текст получает в конце XIX – начале XX вв., в эпоху революций и восстаний. В это время публицистика рассматривается «как инструмент публичной

коммуникации». Письмо в это время получает окончательную оформленность. Письма В. М. Васнецова, И. В. Нестерова, Ф. И. Шаляпина, М. И. Цветаевой могут послужить образцом оформления писем того времени. В письмах мы можем наблюдать «затрагивание социальной, творческой и экзистенциальной проблематики вкупе с личными трагедиями и переживаниями» [3].

Ближе к середине XX в. мы можем наблюдать изменение тенденций написания письма – они приобретают меньшую эмоциональность и экспрессивность, «социальная оценочность стала переходить больше в оценочность философскую», поскольку русские авторы задумываются «о месте русской нации в мире». «В письмах же, которые публиковались в СМИ в тот момент, эпистолярный имел несколько другой оттенок – это была либо похвала, либо поднятие острого социального вопроса на страницах СМИ» [3].

С конца XX в. письмо не пользуется такой популярностью в публицистике, переходя в состав художественных произведений и памятников литературы. «В целом в письме начинает постепенно преобладать разговорный жанр, а количество деловой переписки медленно увеличивается» [3]. «Конец XX – начало XXI в. выводит эпистолярный на уровень элиты русской интеллигенции, поскольку СМИ в основном переходит на разговорно-бытовой язык, и художественность эпистолярного публицистического текста сдает позиции в пользу разговорного языка, и вместе с тем вновь нарастает градус экспрессии, эмоциональности и социальной оценки» [3].

Письма писателей представляют большую лингвистическую ценность, а также раскрывают личность писателя посредством языка, обращения и стиля написания. Благодаря эпистолярию мы можем узнать о времени и нравах, в которых жил писатель, о его личной жизни и, например, семейных отношениях, что дает наиболее полную картину личности писателя.

Литературоведы, занимающиеся вопросом изучения писем авторов художественных произведений, внесли неоценимый вклад в изучение эпистолярных текстов, а писатели, в свою очередь, подняли письмо на один уровень с художественными произведениями. Некоторые писатели даже включали их в состав литературных и публицистических произведений. Примером этому служат статьи Н. В. Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями», которые представляют собой часть личной переписки автора. Личными письмами П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина зачитывались на собраниях литературных кружков и в салонах, приравнивая их к художественным произведениям. До наших дней дошли оригиналы писем известных людей, которые являются иллюстрацией тщательного отбора языковых средств и старательной работы со слогом и над содержанием [3, 6].

Подводя итоги, мы можем сказать, что письмо как жанр эпистолярного стиля прошло длительный путь становления и развития. История письма берет своё начало во времена античности, а в России на более современном этапе становление и оформление письма приходится на XI-XV вв. Обретает свою популярность письмо в России XIX – начале XX в., а сейчас письмо переходит в состав художественной литературы, а также является памятником культуры. Жанр письма имеет большую лингвистическую и эстетическую ценность. В ходе своего развития жанр письма поднимается на одну ступень с художественными произведениями. В процессе прочтения произведений данного жанра читателю раскрывается личность автора, его мировоззрение и ценностные ориентиры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белунова Н. И. Категория речевого общения и особенности ее реализации в тексте дружеского письма (на материале писем творческой интеллигенции конца 19 – начала 20 в.) / Н. И. Белунова // Филологические науки. – 1998. – № 2. – С. 79-81.
2. Логунова Н. В. Эпистолярный жанр в русской литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв. / Н. В. Логунова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1999. – 15 с.
3. Токтагазин М. Б. Жанрово-стилистические особенности русской эпистолярной публицистики в исторической ретроспективе и современности / М. Б. Токтагазин // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1 (часть 2).

SUMMARY

Anna Piven. Epistolary text as a component of the artistic heritage of a famous person

The article considers the history of the letter as a genre of epistolary, it deals with its gradual development, and also shows the significance of the letter. Letter, as a genre of epistolary, is in continuous development. Developing the genre of personal writing, the writers brought the genre to a new level – the level of artistic work.

Keywords: epistolary, epistography, letter.

Полухина А.
Науч. рук. – д. филол. н., проф. Кочетова С. А.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ А. ЧЕХОВА

Работа посвящена исследованию жанрового своеобразия прозы А. Чехова. Автор анализирует жанровые признаки чеховского рассказа, выявляет новаторство писателя в области жанровых поисков.

Ключевые слова: жанр, рассказ, поэтика, анекдот, притча.

До появления рассказов А. Чехова считалось, что малая эпическая форма является частью большой (романной) формы. Так, например, В. Белинский, рассуждая о жанре повести, называл её «главой, вырванной из романа». По такому принципу и создавались известные рассказы и повести крупнейших русских романистов – И. Тургенева, Л. Толстого, Ф. Достоевского – в полном соответствии с рассуждением В. Белинского о том, что различие между романом и рассказом заключается не в качестве, а в количестве. Другими словами, критик исходил из того, что рассказ «ловит» определенные события и случаи и «заключает» их в свои рамки.

Чеховский рассказ, на фоне складывающихся десятилетиями норм соотносительности большой и малой романых форм, выделяется своим качественным своеобразием. Л. Толстой отмечал: «Чехов создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы написания... Чехова как художника, нельзя уже сравнивать с прежними русскими писателями – с Тургеневым, с Достоевским или со мною» [2, 65]. Такие нововведения, по мнению великого русского писателя, не могут ограничиться только лишь стилем написания, поскольку они, в целом, уже характеризуют специфику жанра.

Своеобразная заслуга А. Чехова заключается в его понимании сущности жанра рассказа как малой эпической формы. Писатель довел этот жанр до совершенства, добиваясь того, чтобы рассказ в своем малом объеме отражал как можно с большей силой и максимальной правдивостью существенные стороны жизни. В начале своей творческой деятельности А. Чехов придавал большее значение сжатости рассказа, что было позаимствовано у редакторов небольших журналов, в основном юмористических, так как для них короткий рассказ был самым оптимальным вариантом публикаций. Вскоре писатель пришел к выводу, что такое требование, которое ограничивает творческий потенциал писателя, имеет свои плюсы: оно содействует

силе, выразительности и лаконичности текста. Не случайно одним из принципов Чехова-писателя стало стремление совершенствовать искусство композиционной сжатости, умение не только писать, но переделывать, исправляя и вычеркивая, на взгляд мастера словесности, всё, без чего можно обойтись. Сам же писатель в своем письме к А. Суворину, написал: «Краткость – сестра таланта» [1, 5].

Требую максимального сокращения написанного, но без потери сути и мысли, которую хочет донести читателю писатель, А. Чехов создал и отшлифовал поэтику короткого рассказа, в которой по-новому решал вопросы о языке автора, героях рассказа, о сюжете, композиции, соотношении формы и содержания. В письме к А. Суворину он пишет: «Художник выбирает, догадывается, komponует, – уже одни эти действия предполагают в своем начале вопрос; если с самого начала не задал себе вопроса, то не о чем догадываться и нечего выбирать» [1, 6]. По мнению А. Чехова, в основе творческого процесса лежит постановка жизненно важных проблем. В его рассказах прослеживаются многочисленные эпитеты и метафоры, сюжет и развитие действия, монологи, диалоги, т. е. те элементы произведения, которые присущи и роману, и повести, и прочим литературным жанрам. Но писатель уточнил роль всех этих элементов, опираясь на установку создания сжатого рассказа и полагаясь на целевую аудиторию.

Писателя отдельно интересует вопрос об авторе и читателе. Читатель, на которого ориентировался А. Чехов, – не буржуа и не обыватель, который увлекается бульварной литературой. В представлении писателя читатель – выходец из слоя интеллигенции и поэтому способен понять идейный смысл рассказов, увидеть в них большое и сложное.

А. Чехов в своих рассказах не предлагает пространный сюжет, биографию и развернутую характеристику героя, именно поэтому читатель должен о многом догадываться сам, самостоятельно включаться в отслеживание хода повествования. Чехов-писатель стимулирует творческую работу своего читателя, держит его в напряжении. Автор считает, что он не должен нагружать рассказ обилием проблем и героев. Прежде всего, это касается действующих лиц. А. Чехов неоднократно отмечал, что действующих лиц в рассказе не должно быть много, а их характеры должны быть уже готовыми, сформировавшимися и заведомо контрастными. По А. Чехову, сюжет в рассказах должен строиться на одном эпизоде, период от завязки до развязки должен быть кратким, что, в свою очередь, может предопределять развертывание энергичного и стремительного сюжета.

С целью достижения лаконичности повествования и максимального раскрытия проблемы писатель отделяет внимание

уделял вопросу о языке произведения. Он утверждал, что в языке необходимо соблюдать строжайшую экономию выразительных средств – поэтический язык должен быть простым и доходчивым. А. Чехов советовал избегать всяческих шаблонных речевых оборотов, приемов, так как считал, что именно бездарные писатели любят растягивать и усложнять свои описания, при этом, не достигая своей цели. Очевидно, что писатель не был ярким противником поэтических приемов. Но только в том случае, если они не являются шаблонными, «заезженными», которые только портят впечатление, что особо проявляется в рассказе, где, по мнению писателя, каждое слово ценно и дорого.

В речи действующих лиц А. Чехов заботился о максимальной типизации языка, о его соответствии характеру и статусу героя. В его рассказах было важно, чтобы ни одно слово не проходило мимо читателя, язык повествования, в целом, должен быть гибким, а речь героя – неоднобразной.

Чеховский рассказ своими корнями уходит в традиции жанров анекдота и притчи. Рассмотрим понятия анекдота и притчи, которые дает Н. Тамарченко в Словаре актуальных терминов и понятий: «Анекдот – полуфольклорный-полулитературный малый эпический жанр, отличительные черты которого – предельный лаконизм, схематичность изображения действующих лиц, сосредоточенность на одной ситуации, которая переосмысливается и переоценивается посредством резкой смены точки зрения (остроумного поворота или пунта)» [4, 22]; «Притча – один из малых эпических жанров переходной – от фольклора к литературе природы – иносказательная история о случае, представляющем собою не странный казус, а наглядный пример всеобщей закономерности, которой, согласно притче, необходимо следовать» [4, 187]. Оба жанра, по замыслу авторов, должны предлагать читателю развернутые положения, характеризующие общественные нравы или отдельного героя.

В творчестве А. Чехова широко представлены жанровые признаки анекдота, в особенности, в ранних рассказах, которые публиковались под псевдонимом «Антоша Чехонте». И даже такие произведения как «Тоска», «Хористка», «Ванька», «Скорая помощь» и другие ранние рассказы, будучи предпосылками новой модификации малой эпической формы, являются интересным литературным явлением, обозначенным писателем как «слезный анекдот» [5, 14].

В период перелома от раннего творчества Антоши Чехонте к зрелому творчеству А. Чехова, который датируется 1887 – 1888 года, писатель обращается к жанру притчи, наблюдается переплетение и взаимодействие признаков двух жанров – притчи и анекдота. То есть, неприятная история, которая начиналась как анекдот, в своем финале неожиданно завершается притчеобразным микроэпизодом.

Иллюстрацией могут служить такие рассказы, как «Лев и солнце», «Шампанское», которые можно назвать анекдотической притчей, а рассказ «Удав и кролик», в свою очередь, – притчевым анекдотом.

Как известно, анекдот и притча противоположны друг другу по смысловому и идейному содержанию, но, тем не менее, их жанровая совместимость объясняется тем, что между ними также много общего – лаконичность, четкость, ситуативность, незамысловатая композиция, сжатость характеристик и описаний. Подчеркнём, такие критерии являются основными в чеховском рассказе. На фоне общих признаков анекдота и притчи, еще более ярко выделяются и их противоречия. Слово притчи – авторитарно, нравоучительно, «монологично». В то время как слово анекдота – легковесно, диалогично, анекдот всегда нуждается в слушателе, его невозможно рассказать самому себе. А. Чехов всегда находился в поиске лучшего способа активизировать мыслительные процессы у читателя, «запустить» его воображение и заставить вникнуть в суть проблемы.

На протяжении всего творчества писателя в рассказах доминирует анекдотическое слово. Жанровое своеобразие зрелого чеховского рассказа в том и состоит, что он одновременно сочетает в себе признаки как одного жанра – притчи, так и анекдота. Эти два жанра в результате взаимодействия, взаимодополнения и взаимозамещения преобразуются, придавая новое свежее звучание произведению, формируя, например, притчевый анекдот «Человек в футляре» или анекдотическую притчу «Студент».

Характерной чертой чеховской малой прозы является то, что повествователь «рисует всегда только контурами, давая не всего человека, не все положение, а только существенные их очертания...не столько портреты, сколько силуэты» [3, 201]. Такая особенность также восходит к притче и анекдоту. И тому, и другому жанру в равной степени присущи «свёрнутость» характеров персонажей, их силуэтная характеристика, которую А. Чехов в предысториях его героев, рассказывает вскользь, мимоходом, по касательной. Очевидно, что ключом к осмыслению своеобразия проблематики и поэтики чеховской прозы является указанная взаимообусловленность характера повествования признаками одновременно двух жанров – анекдота и притчи, – естественным образом повлиявших на специфику формирования именно чеховского рассказа.

Итак, А. Чехов стал новатором в разработке жанра рассказа. Писатель усовершенствовал жанр так, что чеховский рассказ воспринимается в истории литературы как отдельная жанровая разновидность рассказа. Жанр короткого рассказа А. Чехова не оставался неизменным на протяжении всей его литературной деятельности, он видоизменялся в зависимости от мастерства,

авторского настроения, событий, взглядов, изменения художественного замысла автора. Писатель виртуозно использовал сходства и различия таких жанров как анекдот и притча для усовершенствования ранее существовавшего в литературе жанра рассказа. Его основной принцип, о котором было сказано выше, – «Краткость – сестра таланта» [1, 5], но это не мешает А. Чехову побуждать читателя к активной мыслительной деятельности, передавая главную мысль через сюжет, речь и образы героев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубков В. В. Мастерство Чехова / В. В. Голубков. – М. : Учпедгиз, 1958. – 198 с.
2. Корман Б. О. Практикум по изучению художественного произведения / Б. О. Корман. – Ижевск, 1977. – 65 с.
3. Пospelов Г. Н. Теория литературы / Г. Н. Пospelов. – М. : Высш. шк., 1978. – 351 с.
4. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тamarченко]. – М. : Издательство Кулагинoй; Intrada, 2008. – 358 с.
5. Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа / В. И. Тюпа. – М. : Высш. шк., 1989. – 135 с.

SUMMARY

Antonina Polukhina. Genre system of A. Chekhov's prose

The article is devoted to the research of the genre singularity of the stories of A. Chekhov. The author analyzed the genre system of A. Chekhov's creativity, revealed the writer's novelty in the field of genre searches.

Keywords: genre, story, poetics, anecdote, parable.

Решетарова А.

*Науч. рук. – д. филол. н., проф. Герасименко И. А.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

В данной статье предпринята попытка обобщить существующие точки зрения на историю развития понятия «коммуникативная личность» в современной лингвистике в разрезе исследований юмористического дискурса на примере личности автора комедийных произведений в жанре стендап-комедии.

Ключевые слова: языковая личность, речевая личность, коммуникативная личность, стендап-комедия.

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ СТЕНДАП-КОМИКА

В данной статье предпринята попытка обобщить существующие точки зрения на историю развития понятия «коммуникативная личность» в современной лингвистике в разрезе исследований юмористического дискурса на примере личности автора комедийных произведений в жанре стендап-комедии.

Ключевые слова: языковая личность, речевая личность, коммуникативная личность, стендап-комедия.

Благодаря утвердившейся в современной лингвистике антропоцентрической парадигме вопросы исследования языковой личности занимают одно из центральных мест. Среди работ учёных, посвятивших свои поиски анализу различных аспектов этого явления, особое место занимают фундаментальные труды В.В. Виноградова, Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова, Е.А. Селивановой, А.Б. Бушева, В.И. Карасика, Н.В. Юдиной и др.

Само понятие «языковая личность», приобретшее в современном языкознании некоторые признаки термина, продолжает привлекать внимание исследователей, особенно в области межкультурной коммуникации и лингвокультурологии, что свидетельствует об актуальности дальнейших обращений к исследованию проявлений «человеческого фактора» в языке и речи.

Углубление и расширение антропологического направления языковедческих поисков привело к обновлению и переосмыслению устоявшихся научных позиций и выделению (наряду с понятием «языковая личность») понятий «речевая личность» и «коммуникативная личность» (например, исследования В.В. Красных, Л.П. Клобуковой, А.А. Гуреевой).

Так, целью данной статьи является обзор понятия «коммуникативная личность» на примере личности автора произведений комедийного жанра Stand Up.

Сегодня в общей теории коммуникации языковую личность определяют следующим образом: «имманентный признак личности – носителя языка и коммуниканта, который характеризует её языковую и коммуникативную компетенцию и их реализацию в процессах продуцирования, восприятия, понимания и интерпретации вербальных сообщений, текстов и коммуникативного взаимодействия» [4, 107].

Языковая личность реализуется в сфере, которую Т.М. Дридзе описывает «... новым, весьма обширным полем научных изысканий, открывающемся на стыке целого ряда областей знания о человеке и обществе и позволяющем при изучении знакового общения перенести акценты с языка как системы и текста как единицы языка на

текст как подлинно коммуникативную единицу наиболее высокого порядка, являющую собой не только продукт, но также образ и объект мотивированной и целенаправленной коммуникативно-познавательной деятельности» [1, 46-47].

Личность человека – явление многогранное. Она выступает предметом исследований в различных областях знаний: биологии, психологии, социологии, философии, лингвистики и т. д. Таким образом, принимая во внимание достижения междисциплинарных разработок, разграничение понятий языковой, речевой и коммуникативной личности представляется достаточно обоснованным.

Согласно В.В. Красных [3, 49-52] человек триедин в качестве субъекта коммуникации. Он является языковой личностью и, соответственно, обладает совокупностью языковых знаний и представлений. В качестве речевой личности, реализующей себя в коммуникации, он выбирает и использует определенные тактики и стратегии общения (лингвистические и экстралингвистические). И как коммуникативная личность человек выступает реальным участником реальной коммуникации.

В.П. Конецкая [2, 106] в своей книге «Социология коммуникации» определяет коммуникативную личность как «одно из проявлений личности, обусловленное совокупностью её индивидуальных свойств и характеристик, которые определяются степенью её коммуникативных потребностей, когнитивным диапазоном, сформировавшимся в процессе познавательного опыта, и собственно коммуникативной компетенцией – умением выбора коммуникативного кода, обеспечивающего адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации».

Иными словами, один и тот же человек может владеть языком как системой (языковая личность), но быть неуспешным в реализации своих знаний на речевом уровне. Речевая личность предполагает участие человека говорящего в речевой деятельности, да и сам термин «речевая» предусматривает использование вербальных средств. В это же время личность коммуникативная предполагает использование как вербальных средств, так и невербального кода. Кроме того, речевая личность не обязательно ожидает ответной реакции – ведь человек говорящий может иметь разнообразные цели, а коммуникация всё-таки нацелена на партнера, то есть включает обратную связь.

Стендап-комик – автор комедийных произведений в жанре Stand Up или стендап-комедия (англ. stand-up comedy) выступающий перед живой аудиторией и вступающий в коммуникацию со зрителем напрямую. В таких выступлениях традиционны шуточные монологи с элементами импровизации и без (спонтанная и псевдоспонтанная

сценическая речь), обыгрывание смешных коротких жизненных историй, зачастую с элементами взаимодействия со зрителем, привлечение актёрских миниатюр, музыкальных инструментов и/или видео сюжетов. Юмор комика может быть «чёрным» т.е., его монолог может касаться щекотливых или даже запретных тем, он также может быть абсолютно циничным или наполненным сарказмом, иронией и сатирой. В словаре Мирриам-Вебстер [5] чёрный юмор определяется как юмор, «отмеченный использованием болезненных, иронических, абсурдных комических эпизодов». В другом словаре [6] его определяют как «вид юмора, в котором к страданию людей относятся, как к абсурду, нежели чем выражают сожаление; либо же считают существование людей бессмысленным, ироничным, но все равно комическим». В любом случае, отличительной чертой стендапера является интеллектуальная игра, его способность подметить в обыденных явлениях комическую составляющую и придать ей словесную форму.

Таким образом, коммуникативная личность автора произведений комедийного жанра Stand Up в нашем понимании определяется его коммуникативной компетенцией, то есть его умением выбрать правильный коммуникативный код (как на уровне вербальных средств, так и невербальных), обеспечивающий адекватное восприятие его сообщения аудиторией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология : Учеб. пособие / Т. М. Дридзе ; ред. А. А. Леонтьев. – М. : Высш. школа, 1980. – 224 с.
2. Конецкая В.П. Социология коммуникации : Учеб. – М. : Междунар. ун-т Бизнеса и Управления, 1997. – 304 с.
3. Красных В. В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
4. Селиванова О. О. Основи теорії мовної комунікації : Підручник / О. О. Селиванова. – Черкаси : Видавництво Чабаненко Ю.А., 2011. – 350 с.
5. Merriam-Webster Unabridged Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/black%20humor> (дата обращения : 19.11.2018)
6. The Random House Unabridged Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.dictionary.com/browse/black-humor> (дата обращения : 20.11.2018)

SUMMARY

Anna Reshetarova. To the Question of the Communicative Personality of a Stand-Up Comedian

The article attempts to summarize the existing points of view on the history of the concept of “communicative personality” in the modern linguistics. It explores the specific features of research of this phenomenon with respect to the humorous discourse studies on the example of the personality of the author working in the genre of stand-up comedy.

Keywords: language personality, speech personality, communicative personality, stand-up comedy.

Решетько Е.

*Науч. рук. – к. филол. н., доц. Лешкова Н. В.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ЗВ'ЯЗОК СУБСТАНТИВІВ SINGULARIA TANTUM З КАТЕГОРІЄЮ ЧИСЛА

У статті робиться спроба аналізу субстантивів класу singularia tantum, з'ясування їх співвідношення з граматичною категорією числа іменників. Порівнюються одининні іменники з множинними щодо їхнього вживання в художній літературі.

Ключові слова: іменники, граматичні категорії, число іменників, лексеми.

Усі іменники поділяються на лексеми, що мають форми однини і множини, а також слова, що можуть вживатися або лише в однині, або лише у множині. У дослідженні «Русская грамматика» за редакцією Н. Ю. Шведової наводиться твердження, що найбільш послідовним є позначення одиничності і множинності у субстантивів-назв конкретних предметів [5, 471]. Такі іменники чисельно переважають в українській мові. У цих лексемах форми однини і множини є корелятивними словоформами одного і того ж слова. Ця думка є найбільш поширеною у мовознавстві.

Значення числа має власні граматичні реалізатори. Зокрема, значення числа в іменниках найчастіше виражається за допомогою відмінкових флексій: *ніч – ночі, інструмент – інструменти*. Допоміжним засобом може виступати наголос (*місто – міста*), також мають місце суплетивні основи: *дитина – діти*.

Предметом нашого дослідження є іменники класу singularia tantum, їх лексичні та граматичні особливості.

О.В. Бондарко розглядає зв'язок і відмінності граматичної категорії та ЛГР, зокрема збірних, абстрактних і речовинних субстантивів, які, «на відміну від морфологічних категорій не являють собою опозицій рядів граматичних форм з однорідним

значенням» [2, 33]. Дослідник зазначає, що ЛГР не спираються на спеціальні синтаксичні форми, але при цьому вони мають певне граматичне вираження в межах тієї чи іншої частини мови, і можуть впливати на парадигму морфологічних категорій. Результатом такого впливу можемо вважати вживання тільки в однині лексем, що належать до ЛГР абстрактних, речовинних і збірних субстантивів.

А.П. Загнітко стверджує, що семантично мотивовані форми числа диференціюються у три етапи. На першому етапі значущим виступає протиставлення числової членованості / нечленованості, в яке органічно включена ознака рахованості / нерахованості; другий етап реалізує розподіл словоформ за ознакою одиничності / множинності; на третьому етапі простежуються внутрішні розподіли у кожній окремій групі (одиничності / множинності) і визначаються функціональні зміщення граматичної форми числа в межах актуальних одиниць. Як вважає мовознавець, «поетапна членованість семантично означених форм числа відображає складний процес еволюції й категорійних заміщень у структурній організації граматичного числа» [3, 32].

Як результат еволюції у граматиці і семантиці в межах категорії числа виникають форми singularia tantum.

Зауважимо, що причина вживання іменників лише в однині полягає у їхній семантиці. Одининні субстантиви виражають назви предметів, понять, явищ, дій, що їх у практиці мовлення не потрібно або неможливо визначити і уявити у певній кількості. На думку О. Єсперсена, таким іменникам не властиво викликати у нас уявлення про який-небудь предмет, що має відповідну форму і точні межі.

О.К. Безпояско причиною відхилень у вираженні числа справедливо називає відсутність ознаки обчислюваності у вираженні категорії числа [1, 15]. Тобто денотати цих лексем (особливо це стосується абстрактних іменників) немає сенсу «рахувати».

А.П. Загнітко зазначає, що «предметно-смісловим змістом категорії числа є порушення чи певний розлад граматичної співвідносності, що сприяє розвитку лексичних відмінностей між формами числа». Так, втрачається співвідношення між формами *вода – води* і под. Множина виступає у вужчому значенні (значенні сорту), це не граматичний реалізатор кількості, а спосіб диференціації у багатозначному слові його окремих значень. На погляд лінгвіста, досліджувані семантичні групи субстантивів позбавлені співвідносних форм числа, тому що не асоціюються з уявою про облік [3, 171].

Важливо звернути увагу на випадки, коли іменники класу singularia tantum мають форми множини (*вино – вина, вода – води, масло – масла, сніг – сніги*). Це пов'язано з особливостями категорії

числа як граматичної категорії. За визначенням О.К. Безпояско, граматична категорія числа іменних частин мови «відтворює кількісні співвідношення предметів і явищ навколишньої дійсності і належить до категорій із семантичною домінантою» [1, 72]. Саме тому транспозиційні процеси, які відбуваються в межах цієї граматичної категорії, стосуються більше семантико-стилістичних модифікацій. У нашому дослідженні ми мали можливість простежити такі процеси на конкретному матеріалі, напр.: *Цілий всесвіт – змістовна мить: / Пульсування його гаряче Ренесансами струменить* (Ю. Ковалів). Щодо граматичних показників, варто зауважити, що флексія виконує «морфолого-дериваційну функцію», оскільки водночас утворює корелятивну форму граматичної категорії числа. При цьому певною мірою модифікується лексичне значення слів, зокрема, вони втрачають відтінок конкретизації і сприймаються узагальнено, як ряд, сукупність подібних явищ, речовин, субстанцій і т. ін.

Отже, більшість мовознавців погоджується з тим, що іменники *singularia tantum*, які вживаються у множині, набувають іншого або відмінного, зміненого лексичного значення, саме тому у цих випадках категорія числа є не словозмінною, а класифікаційною.

Найчастіше наявність форм множини у цих іменників є комунікативною потребою, тобто це зумовлено ситуацією позамовної дійсності (різні конотації або відмінні денотати у форм однини і множини), напр.: *вода – води, сік – соки, температура – температури, швидкість – швидкості* та ін.

До того ж іменники *singularia tantum* можуть набувати множинних форм, підлягаючи закону аналогії, у тому випадку, якщо «асоціюються за змістом подібно до корелятивних форм назв рахованих предметів», відбувається лексикалізація граматичної форми, і флексія починає виконувати функцію словотворчого афікса.

Отже, зі структурно-граматичного погляду від них можна утворити форми множини. Але з семантичного боку відбуваються певні зміни, що не дозволяють денотати обох числових форм вважати однаковими, тотожними. Розглянемо подібні явища на конкретних прикладах, зафіксованих у літературі. Абстрактний субстантив *мовчання*, який у словнику пояснюється так: Дія за знач. *мовчати*, (напр.: *І мовчання мембрана клекотить* (Ю.Ковалів) може мати форму множини: ... *і квітодоторк топиться у ополонці губ, аж глибина медовина мовчаннями розквітла* (В. Рябий). У другому реченні іменник виступає у множині як результат поетичного переосмислення. Лексема *трава*, що є однинним іменником і означає: «Рослина з однорічними зеленими м'якими пагінцями, які не дерев'яніють ... // Зелений покрив землі з таких рослин» [4], може мати форму множини. При цьому вона означає велику кількість цих рослин або їх різновиди, так, у реченні *Адже вона трохи розумілася*

на *травах* і *вміла лікувати* (Є. Кононенко) маються на увазі різновиди лікарських трав.

Отже, лексеми *singularia tantum* є іменниками з потенційно повною числовою парадигмою, але практично для них характерна тільки однина. Важливо відзначити, що однинні субстантиви не можна назвати повними відповідниками іменників *pluralia tantum*, для яких переважно форми однини навіть теоретично не уявляються. Це явище варто простежити на прикладах слів *радість* і *радощі*. Великий тлумачний словник української мови подає такі пояснення: *радість* – *почуття задоволення, втіха, приємність* і *радощі* – *мн. Те саме, що радість*. Отже, субстантиви, що входять до цієї пари слів, не можуть бути корелятивними формами одного і того самого слова.

ЛІТЕРАТУРА

1. Безпояско О.К. Формально-семантична кореляція у системі іменних граматичних категорій / О.К. Безпояско // Мовознавство. – 1992. – № 1. – С. 33 – 38.
2. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, ЛО, 1971. – 114 с.
3. Загнітко А.П. Морфологічні категорії іменника в синтагматичі і парадигматичі : навч. посіб. для студ. спеціальності «Мова і література народів СРСР» / А.П. Загнітко ; Донецький держ. ун-т. – К. : УМК ВО, 1989. – 61 с.
4. Сучасний тлумачний словник української мови : 65 000 слів і понять / за ред. д-ра філол. наук, проф. В.В. Дубічинського. – Х. : ВД «Школа», 2006. – 1008 с.
5. Шведова Н.Ю. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 789 с.

SUMMARY

Catherine Reshetko. Communication substantive Singularia Tantum with the category of number

The article attempts to analyze the substance of the class *singularia tantum*, to clarify their relationship with the grammatical category of the number of nouns. Compares *ognennye* nouns with plural relatively *ionnogo* use in the literature.

Keywords: nouns, grammatical categories, number of nouns, lexemes.

Рязанова В.
Науч. рук. – д. филол. н., проф. Теркулов В. И.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ГИБРИДНЫХ ГРУППАХ СЛОЖНЫХ СЛОВ

В работе предлагается описание методики прогнозирования отношений эквивалентности, применённой для сложных слов с гибридным конструктом. На материале эмпирически отобранных словосочетаний-эквивалентов обнаруживаются лакуны, которые предлагается заполнить словосочетаниями, смоделированными по принципу аналогии.

Ключевые слова: гибридный конструкт, дешифровальный стимул, лемма, токен.

Студенческая Экспериментальная лаборатория исследований тенденций аббревиации (ЭЛИТА) при кафедре русского языка Донецкого национального университета работает над созданием «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка». Объектом описания словаря, кроме собственно аббревиатур, стали также сложные слова с гибридными конструктами.

Гибридный конструкт – это часть сложного слова, которая совмещает в себе свойства аббревиатурного и композитного или юстапозитного конструкта. В соединении с базисным компонентом гибридный конструкт формирует слово, которое может одновременно трактоваться как результат аббревиации, словосложения или сращения. Например, гнездо эквивалентности (совокупность всех эквивалентных слову расчлённых единиц – словосочетаний) слова *спорттовары* отражает аббревиатурно-композитные отношения: сравним эквивалентные словосочетания *спортивные товары* и *товары для спорта*, в которых конструкт равен части основы слова *спортивный* или совпадает с основой слова *спорт*. В свою очередь, сложное слово *киносъёмка* реализует аббревиатурно-юстапозитные отношения: слово трактуется эквивалентом *съёмка кино* как юстапозитное, а эквивалентом *съёмка кинофильма* – как сложносокращённое.

В словник создаваемого словаря вошли гнёзда эквивалентности, которые на современном этапе существования отражают аббревиатурные отношения (такие единицы относятся к ядру и

аббревиатурной периферии гибридной группы) [1]. В связи с этим ограничением, составителям словаря необходимо выработать систематический подход к поиску эквивалентов, позволяющий в итоге максимально точно разграничить ядро и периферию гибридной группы. Этим обусловлена **актуальность** исследования.

Целью статьи является проверка действенности методики прогнозирования отношений эквивалентности, разработанной В. И. Теркуловым [2], для сложных слов с гибридным конструктом.

Первичный отбор эквивалентов происходит путём обработки текстов и фиксирования в них словосочетаний, которые используются в качестве эквивалентов сложного слова. Обнаруженные в обработанных текстах модели расчлённых эквивалентов – дешифровальные стимулы – объединяются в схемы и представляют собой базу для дальнейшего прогнозирования отношений эквивалентности.

При построении схемы эквивалентности дешифровальные стимулы приводятся в тех конкретных формах, в которых они были обнаружены в контекстах (такие формы обозначаются термином токен). Для объединения однотипных токенов в схемах приводятся леммы – заголовочные слова.

Прогнозирование отношений эквивалентности осуществляется в три этапа:

- внутреннее прогнозирование, при котором сопоставляются друг с другом обнаруженные в текстах токены одной леммы и по аналогии выводятся смоделированные единицы;
- прогнозирование токенов смежных лемм, возможное при параллельном использовании для расшифровки конструкта слов одной лексико-семантической группы, при котором сопоставляются позиции их токенов;
- прогнозирование лемм одной номинатемы в случаях перенесённой эквивалентности, когда для расшифровки конструкта используется сложное слово, входящее в словосочетание; на этом этапе словосочетания разной структуры сопоставляются как варианты развёртывания сложного слова.

Для проверки методики использовались гнёзда эквивалентности аббревиатурно-композитных групп *жиро*, *газо*, *нефте*, аббревиатурно-юстапозитной группы *кино*.

1. При внутреннем прогнозировании используются два принципа: аналогический и семантический.

Во-первых, дешифровальные стимулы с простой структурой часто применяются для расшифровки сложного слова по аналогии с другими словами одной аббревиатурной группы. Также сама структура дешифровального стимула может быть заимствована для развёртывания слова.

Для леммы *жир* в гибридной группе «жиро» обнаруживаем токены модели $y-x^2$ в единственном и множественном числе – *жира* и *жиров* (*жироуловитель* – *уловитель жира*; *уловитель жиров*). По аналогии с такой схемой отношений эквивалентности для словосочетания *жировой массы* (ед. ч.) смоделирован токен *жировых масс* (мн. ч.):

а) эталонное: Если **отложение жировой массы** составляет (в зависимости от возраста) более 25 %, то оно (**жироотложение**) считается избыточным (<http://sbmpei.ru/files/uplfiles/TOM-3.pdf>);

б) смоделированное: Если вес начинает расти, но происходит не наращивание мышц, а **отложение жировых масс**, то добавка для организма не подходит – Зачастую, такую публику представляют спортсмены, уровень **жироотложения** в теле которых минимальный (<https://wiarts.ru/sport/how-many-grams-of-geyner-need-to-take-a-day-gainer-drink-before-or-after-exercise-when-is-it-better.html>).

Обнаружение текстов, в которых прогнозируемый токен используется в качестве эквивалента сложному слову, подтверждает целесообразность данной методики поиска дешифровальных стимулов.

Иногда семантика базисного компонента предопределяет модель расшифровки признакового компонента. По семантическому принципу для токена *жировой ткани* был обнаружен базис *накопление* (по модели эталонного эквивалента *отложение жировой ткани*, обнаруженного эмпирическим путём). В силу того, что данное словосочетание является медицинским термином и имеет ономаσιологический статус «аллатив», оно может сочетаться с базисом «действие»: *Эти продукты характеризуются хорошей усвояемостью, способствуют **жиронакоплению**, дают большое количество энергии – Помимо защиты тела от устойчивости к инсулину **накопление жировой ткани** служит защитой от накопления токсинов как у людей, так и у животных* (<http://vipv.ru/ratcionalnoe-pitanie/maks-lis-minimum-zhira-maksimum-myshtc>).

2. В некоторых группах для расшифровки конструкта параллельно используются синонимы или слова одной лексико-семантической группы и идентичной ономаσιологической структуры. В ходе сопоставления эмпирических схем параллельно используемых лемм обнаруживаются лакунные позиции, которые заполняются по аналогии.

Лемма *кино* в аббревиатурно-композиционной группе «кино» имеет несколько значений: 1. Произведение искусства, предназначенное для демонстрации на экране (в этом значении лемма *кино* соотносится с леммой *кинофильм*). 2. Совокупность отраслей деятельности, связанных с производством, прокатом и т.п. кинофильмов (в этом

значении лемма *кино* соотносится с леммой *кинематограф*). 3. Театр для демонстрации, показа кинофильмов (лемма *кино* соотносится с леммой *кинотеатр*). Сопоставив леммы *кино*, *кинематограф*, *кинотеатр*, мы обнаружили как совпадающие позиции токенов (например, *в кино* – *в кинематографе* – *в кинотеатре*; *о кино* – *о кинематографе* – *о кинотеатре*), так и лакуны в некоторых позициях.

Например, обнаружена лакуна для леммы *кинематограф* в паре *по кино* – **по кинематографу*. Для сложного слова *киноэксперт* прогнозируется эквивалент *эксперт по кинематографу*. Находим параллельные эквивалентные тексты для ряда *киноэксперт* – *эксперт по кино* – *эксперт по кинематографу* (параллельные эквивалентные тексты – такие тексты, в которых компоненты одного гнезда эквивалентности используются по отдельности): *Сегодня Сергей Шолохов продолжает выступать как **эксперт по кинематографу** и давать развернутый анализ новым картинам* (<https://24smi.org/celebrity/3074-sergei-sholokhov.html>) – *В свою очередь израильский **эксперт по кино** Марат Пархомовский провел встречу на тему «Люди, которые придумали израильское кино»* (<https://oiff.com.ua/ru/festival/news/oiff-2018-day-6.html>) – *Директор Международного кинофестиваля Docaviv, член жюри Конкурса европейских документальных фильмов Галиа Бадор и израильский **киноэксперт** Марат Пархомовский провели мастер-классы на тему израильского кинематографа* (<https://www.048.ua/news/2101407>).

3. В ряде сложных слов конструкт развёртывается не в простое слово, а в аббревиатуру или композитное слово. В этом случае функцию конструкта рассматриваемого сложного слова выполняет часть сложного слова в составе эквивалентного словосочетания. При этом эквиваленты разной структуры могут использоваться в аналогических позициях.

Для сложных слов группы «газо» эмпирическим путём был обнаружен токен *газового конденсата* (*газодобыча* – *добыча газового конденсата*). Следует отметить, что словосочетание является дешифровальным стимулом в гнезде эквивалентности сложного слова *газоконденсат*. В этом случае и само сложное слово, и его эквиваленты (*газоконденсат*, *газовый конденсат*, *конденсат газа*) могут выступать в качестве токенов для других сложных слов: *Газодобыча Узбекистана в первом квартале текущего года выросла на 6,4% по сравнению с первым кварталом 2017 года и составила 14,71 млрд кубометров «голубого топлива» – В сообщении также отмечается, что **добыча газоконденсата** увеличилась на 19,4%, до 534,5 тыс. тонн* (<https://teknoblog.ru/2018/04/09/88504>): *Деятельность осуществляется в отрасли добычи газа и газопереработки – Деятельность по переработке конденсата газа*

осуществляется на одном из структурных предприятий Группы – Пузовский завод (<http://zarabotay.biz/aktsii-novatek>).

Следует отметить, что не все прогнозируемые токены и позиции актуализируют гнездо эквивалентности: часть смоделированных словосочетаний не набирают достаточного количества употреблений или вовсе не фиксируются в поисковой системе Google. Однако в некоторых случаях методика позволяет скорректировать структуру гнезда эквивалентности гибридной группы, реализовав формальную двойственность конструктора, а как следствие – пополнить содержание разрабатываемого словаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рязанова В. А. Дешифровальный стимул как фактор образования мутантной группы / В. А. Рязанова // Новые горизонты русистики: научный журнал. – Донецк, 2017. – Т. 2. – С. 33-37.
2. Теркулов В. И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложносокращённых слов / В. И. Теркулов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: Материалы I Международной научно-методической конференции (21 мая 2018 г.). – Донецк, ДонНТУ, 2018. – С. 69-79.

SUMMARY

Valeria Ryazanova. Forecasting of equivalency relations in hybrid groups

The paper proposes a description of the method for forecasting of equivalency relations applied to complex words with a hybrid construct. On the material of empirically selected phrases-equivalents are found lacunae, which are proposed to be filled with phrases modeled on the principle of analogy.

Keywords: hybrid construct, decryption stimulus, lemma, token.

Саенко А., Блюмина О. В.

*Науч. рук. – д. филол. н., проф. Теркулов В. И.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДОНЕЦКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В работе предпринята попытка описать основные черты современной Донецкой публицистики. На наш взгляд, характерными её чертами является русскоязычность, существующая в силу

языковых и культурных особенностей региона; языковая, тематическая и т.д. близость к украинской публицистике, поскольку более 20-ти лет она являлась частью медиaprостранства Украины; особенность публицистики последних четырёх лет состоит в том, что её существование приходится на исторический излом, военное время, изменение государственного строя, слом прежних идеологических стандартов, серьёзные аксиологические сдвиги в ментальных установках жителей Донбасса; полиэтничность и поликультурность региона влияет на формирование своеобразного языкового и мировоззренческого содержания публицистической сферы человеческой деятельности.

Ключевые слова: публицистика, стиль, жанр, поджанр, художественная публицистика.

Публицистика – род литературы и журналистики, которая рассматривает актуальные политические, экономические, литературные, правовые, философские и другие проблемы современной жизни с целью повлиять на общественное мнение и существующие политические институты, укрепить или изменить их в соответствии с определенным корпоративными установками, либо в соответствии с социальным или нравственным идеалом.

Предмет публицистики – вся современная жизнь в ее величии и малости, частная и общественная, реальная или отраженная в прессе, искусстве, документе. Такое определение даёт «Краткая литературная энциклопедия» [5, 72].

Основными лексическими чертами публицистического стиля являются: обилие общественно-политической лексики (*общество, гражданин, патриотизм, реформа, демократия*); использование книжной лексики абстрактного значения, часто имеющая торжественную, риторическую или поэтическую окраску (*милосердие, благотворительность, держава, отчизна, служение, восторжествовать, воздвигать*); собственные имена (*В. В. Путин*); газетные клише, т. е. устойчивые словосочетания (*сложная политическая обстановка, гуманитарная помощь, служба занятости населения, работники бюджетной сферы, коммерческие структуры*); употребление разговорной лексики, просторечных слов, жаргонизмов содержащаяся в ней оценка способствует демократизации стиля, обеспечивает необходимый публицистике контакт с адресатом, воздействие на него (*шумиха, коммунальщики, дармовщина, забегаловка, небось, запросто, круто*), в качестве оценочного средства выступают слова пассивного лексического запаса (*кончина, страж, ниспадать, воззвать, зиждется, ратный*), тропы (*предвыборный марафон* – метафора, *золото досталось нашим спортсменам* – метонимия), клише экспрессивно-воздействующего

характера (люди доброй воли, политика агрессии и провокации, пиратский курс, с глубоким удовлетворением) и др.

Характерными морфологическими особенностями публицистического стиля является подчеркнутая роль собирательности (использование единственного числа в значении множественного) (*Предприятие ориентируется на покупателя со средним уровнем дохода. Как помочь фермеру?*); формы превосходной степени прилагательных как выражение экспрессии, высшей оценки (*самые решительные меры, наивысшие достижения, строжайший запрет*), повелительное наклонение глагола, инфинитив (*Призвать клеветников к ответу! Будьте достойны памяти нагих!*); экспрессивное использование форм настоящего времени глаголов при описании событий прошлого: автор стремится представить себя и читателя как бы участниками этих событий. (*Вот, например, во Владивосток **приходит** китобойная флотилия «Слава». Весь город гудит. Собирает начальство всех моряков и **говорит**: «Если ты, подлец, завтра придешь и скажешь, что тебя ограбили, то лучше не приходи.» Утром кто-то **является**, конечно, ограбленный, и **винится**...*) и др.

В синтаксис из разговорной речи пришли в публицистику всевозможные эллиптические предложения (то есть предложения, с намеренным пропуском какого-либо члена предложения): *Москвичам – новое жилье*; номинативные предложения, антитеза, градация (*Наши чиновники давно забыли, что обязаны беречь народное добро, сохранять, приумножать, драться за каждую копейку!*); инверсия, параллелизм (***Каждый день** пенсионер приходил в администрацию района. **Каждый день** пенсионера не принимали. В понедельник завод не работал – делили полученные на заказ **деньги**. Во вторник тоже не работал – делили **деньги**. И сейчас, через месяц, тоже не до работы – **делят** еще не заработанные **деньги!***); присоединительные конструкции, то есть такие, в которых фразы не умещаются сразу в одну смысловую плоскость, но образуют цепь присоединения (*Я признаю роль личности в истории. Особенно, если это президент. Тем более Президент России*); риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение, а также вопросно-ответное изложение материала как имитация диалога; введение в текст прямой речи (*Получи, инспектор, синий прикид! Вчера министр внутренних дел подписал рапорт ГУ ГИБДД о введении в России новой формы для ее сотрудников*); именительный представления, то есть изолированный именительный падеж, называющий тему последующей фразы и призванный вызвать особый интерес к предмету высказывания (*11 сентября 2001 года. Этот день стал черным днем в жизни всей планеты*); многосоюзие или напротив, бессоюзие в сложных и осложненных предложениях

(*Команду перетряхивали не один раз. И тренера меняли. И центрального перебросили на правый фланг. И защиту разогнали*) и др. [7, 35–36].

Обычно считается, что публицистический стиль находится как бы на пересечении научного и художественного. Во всяком случае, он действительно использует приемы и средства этих стилей (особенно художественного, отчасти официально-делового и разговорного) и оказывается областью живых межстилевых взаимодействий, что приводит к усложнению его структуры. [4, 348].

Отличительной чертой отечественной журналистики с самого момента появления была её взаимосвязанность с литературой. Истоки этого, мы полагаем, кроются в специфичности самого возникновения русской журналистики. Поскольку первая печатная газета «Ведомости» появилась, можно сказать, для обслуживания государственных интересов с целью широкого освещения Петровских реформ и, как следствие, возникло давление государственной цензуры, неразлучной спутницы печатного слова в России. Такой надзор отточил словесное мастерство журналистов, которые научились говорить о самых злободневных проблемах иносказательно, используя неисчерпаемые ресурсы собственно художественного русского слова. Подобной тесной близости литературы и журналистики не было ни в одной стране. Литература и журналистика смешивались, дополняли друг друга на протяжении длительного периода своего существования. История серьёзной русской журналистики связана с такими именами как Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин. Их журналистика была журналистикой и художественным творчеством одновременно в рамках публицистического стиля.

Поэтому при описании современной Донецкой публицистики нам представляется важным помнить об историчности этого стиля и его изменчивости, поскольку одно из постоянных его качеств – актуальность с одной стороны, и связь с языком художественной литературы – с другой, обусловило доминирование произведений художественной публицистики в Донецком регионе. По-видимому, этот жанр «писательской» журналистики, который помимо повышенной образности, субъективной эмоциональной окрашенности, имеет черты, сопрягающие его с художественной литературой, например, тенденция к типизации, обобщению, установка на создание психологически достоверной картины действительности, многообразие реализаций авторского присутствия в произведении, наиболее соответствует современному читательскому спросу и целевым установкам донецких авторов.

На наш взгляд, современная донецкая публицистика существует как правопреемница нескольких публицистических традиций.

Во-первых, русскоязычной традиции, в силу языковых и культурных особенностей региона, во-вторых, украинской публицистики, поскольку более 20-ти лет ретранслировала идеологические установки государства, частью которого она являлась, в-третьих, особенность публицистики последних четырех лет состоит в том, что её существование приходится на исторический излом, военное время, изменение государственного строя, слом прежних идеологических стандартов, серьёзные аксиологические сдвиги в ментальных установках жителей Донецкого региона, в-четвёртых, Донбасс всегда был полиэтничным и поликультурным регионом, поскольку является территорией позднего заселения, это также влияло на формирование своеобразного языкового и мировоззренческого содержания публицистической сферы человеческой деятельности. Например, книга нашего земляка Егора Воронова «Быть горловчанином», которую он сам определил как хронику социальных, военных и духовных событий в Горловке 2014-2015 гг. – во многом отражает стилистические, языковые, жанровые изменения, которые произошли в художественной публицистике современного Донбасса. В очерке «Он был ополченцем» объективация концепта «война» позволяет говорить ещё и о существовании особой разновидности социолекта – региональном военном жаргоне, характеризующим особенности нашей социокультурной ситуации и существующий в системе донецкого региолекта, концепт «война» объективирован лексическими единицами, которые репрезентируют тематическую группу «Воин». Данные лексемы номинируют реалии горловской жизни сочетаниями: «*в камуфляже*», «*с автоматом на плече*», «*человек с автоматом*», «*человек в камуфляже*», «*он был ополченцем*», «*ополченец*», «*срочников жалко*».

«*Нельзя хотеть воевать*», «*как попал на войну*» (выражена особенность сегодняшней войны, где жители Донбасса – жертвы политических обстоятельств), «*воевал не за какие-то там тысячи...*, *а за людей*», «*возьмем оружие и всех победим*», «*под пули лезу*» – данными синтаксическими конструкциями объективировано выражение особого конфликта на нашей территории. Языковыми средствами «*не видел я героев*», «*не нужно воевать*» эксплицировано:

1. Война как негативное явление с негативными последствиями;
2. Языковые сочетания «*что не пошли на войну*», «*арта шмалает*», «*окопы рыть*», «*этих стрелять нужно*», «*выворотило половину живота*», «*подорвался на ведьме*», «*второй час шел артобстрел*», «*стрелять, ребят хоронить, не сдаваться*» присущи исключительно нашему региону.

Следовательно, концепт «война» объективируется не только как абстрактное понятие, но и как привычная реалья жизни.

Подбор лексических и синтаксических средств Е. Вороновым свидетельствует о функционировании анализируемого концепта в нашем, донецком, сознании.

Автор воплощает концепт «война» с помощью абстрактных существительных в языковых средствах «*нет тут геройства*», «*это не мужество – это вот такая жизнь*», «*нет тут доблести, нет геройства, нет справедливости. Нет.*», «*война – это не по-людски*», «*воевал не ради наград, не ради государства, а за людей*», «*война – это не по-людски*», «*много и светлого, и ужасного*», которые объективируют особенности жизни в условиях войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М. 1958. – 459 с.
2. Горохов В.М. Критика и библиография в газете / – В.М. Горохов. – М., 1970. – 108 с.
3. Дзялошинский И.М. Проективная деятельность в структуре журналистского творчества / И.М. Дзялошинский // Деловая пресса России : настоящее и будущее. – М., 2008. – С. 185 – 227.
4. Кожина М.Н. Стилистика русского языка : учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.
5. Маслова Н.М. Путевые заметки как публицистическая форма / Н.М. Маслова. – М. : Знание, 1977. – 115 с.
6. Наер В.Л. Функциональные стили английского языка / В.Л. Наер. – М. : МГПИИЯ, 1981. – 122 с.
7. Русакова Н.А., Любезнова Н.В. Пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 034700.62 «Документоведение и архивоведение» (профиль «Документоведение и документационное обеспечение управления») / Н.А. Русакова, Н.В. Любезнова : [Электронный ресурс] – Саратовский государственный социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова». – Саратов, 2015. – 124 с. – Режим доступа : <http://www.seun.ru/content/learning/7/doc/%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0%20%D1%83%D0%BF.pdf> (Дата обращения: 14.11.2018)
8. Розенталь Д.Э. Стилистика газетных жанров / Д.Э. Розенталь. – М. : МГУ, 1981. – 229 с.
9. Серпикова М.Б. Язык и стиль СМИ: курс лекций / М.Б. Серпикова. – М. : РУТ (МИИТ), 2017. – 333 с.

10. Солганик Г.Я. Стилистика текста / Г.Я. Солганик. – М. : Наука, 1997. – 256 с.

SUMMARY

Anastasia Saenko. The basic features of publicistic style and features of their implementation in the works of Donetsk journalism

The paper attempts to describe the main features of modern Donetsk journalism. In our opinion, its characteristic features are the Russian-speaking, which exists due to the linguistic and cultural characteristics of the region; language, thematic, etc. proximity to Ukrainian journalism, since for more than 20 years it has been a part of the media space of Ukraine; the peculiarity of the journalism of the last four years is that its existence falls on a historical break, wartime, a change in the state system, a breakdown of previous ideological standards, serious axiological shifts in the mental attitudes of the residents of Donbass; polyethnicity and polyculturality of the region influences the formation of a peculiar linguistic and ideological content of the journalistic sphere of human activity.

Keywords: journalism, style, genre, subgenre, art journalism.

Седова А.

Науч. рук. – к. филол. н., доц. Юрьева Е. В.

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»,
г. Донецк, ДНР*

КИНОНИМЫ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОЙ ИНТЕНЦИИ

В данной статье кинонимы рассматриваются как эффективное средство реализации речевой интенции заводчика.

Ключевые слова: ономастика, зооним, киноним, речевое воздействие.

Ономастика (в переводе с греческого языка – «искусство давать имена») – наука об именах собственных; совокупность имен собственных. Термин утвердился, начиная с 1930-х годов, когда стали проводиться Международные ономастические конгрессы, создаваться научные организации и журналы, в название которых входит этот термин: Ономастический комитет при ЮНЕСКО, журналы «Revue Internationale d'Onomastique» (Париж), «Onomastica» (Вроцлав – Краков – Варшава) [3, 148].

Большинство исследователей выделяет следующие разделы ономастики:

Антропонимия – совокупность антропонимов, которые, в свою очередь, являются именами собственными человека. Основным

принципом русской антропонимии является ее раздвоение на официальную (зафиксированную в документах) и неофициальную, обиходную (известную в кругу близких людей). Русская формула официальной антропонимии выглядит следующим образом: фамилия + имя + отчество. В этом трёхэлементном именовании человек как индивидуум получает только имя, а два остальных компонента ему достаются, так сказать, автоматически: отчество – как ребёнку своего отца, а фамилия – как члену семьи [3, 14].

Топонимика – совокупность топонимов – имен собственных какого-либо участка пространства. Топонимика теснейшим образом связана с географией и историей, и является самой богатой и разветвленной из всех разделов ономастики. Русская топонимика не ограничена русским языком и территорией России, так как она адаптировала иноязычные топонимы народов, с которыми пришлось сосуществовать в разное время. Также стоит отметить, что топонимия постоянно меняется, какие-то точки мирового пространства и даже территории нашей страны, известные только небольшому числу людей, вдруг становятся предметом всеобщего внимания, в медиа появляются всё новые и новые тексты об этих местах – и топоним входит в ономастикон многих языков, в том числе в интересующий нас русский [3, 64].

Астронимия – совокупность астронимов. Астроним – имя собственное небесного объекта – звезды, планеты, созвездия. Это, пожалуй, самая молодая отрасль ономастики. Она еще не получила общепринятого обозначения [1].

Теонимия – раздел ономастики, посвященный именам Богов. Теоним – имя собственное бога в античной мифологии (Зевс, Афродита, Гермес, Меркурий) или славянском язычестве (Перун, Сварог); происходит от греческого корня теос «бог» в латинской огласовке, встречающегося в терминах теология, теократия, известного также в греческой огласовке в составе личных имён Феофил, Федот, Фёдор (ср. европейские имена Теодор, Тодор) [3, 150].

Зоонимия – совокупность зоонимов – имен собственных или кличек животных. Существует типология зоонимов в зависимости от различия кличек разных животных в языковом плане. Иппонимы – клички коней, кинонимы – клички собак, фелинонимы – клички кошек [3, 57].

По отношению ко всем видам зоонимов интересны прежде всего три вопроса: чем мотивируются клички, откуда черпаются лексические ресурсы и какая языковая техника при этом используется [3, 56-57].

Проанализировав фактический материал (более 700 кинонимов), мы пришли к выводу, что некоторые клички мотивированы внешними признаками животного, а некоторые являются отражением

внутреннего «Я» заводчика и могут быть эффективным средством речевой интенции.

Выбор удачного кинонима – результат напряженной творческой работы заводчика. Повышенное внимание со стороны заводчика к выбору кинонима объясняется тем, что в некоторых случаях киноним является заголовком к тексту объявления о продаже щенка.

Так как мотивом стратегического подхода к созданию кинонима является в большинстве случаев стремление заводчика повлиять на чувства потенциального покупателя, он использует для этого наиболее эффективные (по его мнению) речевые средства. Опираясь на результаты лексико-семантического анализа, мы попытались построить классификацию кинонимов, которая выглядит следующим образом:

1. **Кинонимы, в состав которых входят слова с семантикой высокого социального статуса.**

1.1 **Клички с приставками в виде аристократических титулов, званий.** Подобные клички «говорят» об уникальности животного, заводчик использует их для подчеркивания особого, привилегированного положения питомца. *Айленстиль Уэльский Принц, Ал-Виши Принц Орландо, Алан Арабский Шейх, Алмазный Источник Принцесса Нифиртити, Альто'з Хауз Императрица Белой Стаи, Артур Король Минипутов.*

1.2 **Клички питомцев в честь знаменитостей.**

Часто домашние любимцы получают «громкое имя» в честь известных политиков, общественных деятелей, артистов, актеров, писателей или шоуменов. Иногда причиной этого является желание заводчика назвать питомца именем своего кумира, реже это происходит из-за внешнего сходства животного с тем, в честь кого его называют, а иногда «громкое имя» может быть способом привлечь внимание покупателя (имя известного, уважаемого человека вызывает доверие, помогает отвести от себя критику, а в некоторых случаях создает в сознании покупателя красивый образ). Кличку в честь знаменитости получили: *Айринс Флаффи Джессика Альба, Айседора Дункан, Ален Делон, Алмазная Колесница Винстон Черчилль, Алми Юрнис Глюк'оза, Алми Юрнис Деми Мурр, Алми Юрнис Линда Евангелиста, Алми Юрнис Пенелопа Круз, Арт Симпатия Элизабет Тейлор.*

2. **Клички в честь мифологических героев.** Клички собак как крупных, так и мелких пород удобно брать из мифологии, героического эпоса разных стран. Такие клички, как *Абсолют Велирис Галатей, Абаронски Аполлон Мечта Дам, Арт Симпатия Афина, Афродита Аурика, Афродита Эмбер Стоун, Ахилл Храброе Сердце*, популярны своей звучностью и скрытой в них мощью.

Таким образом, отразить величие животного можно, позаимствовав имена мифологических героев.

3. **Клички с приставками, указывающими на местность или город, откуда родом собака:** *Абсолют Из Солнечного Севастополя, Айс Лира Тверь, Шанель Жемчужина Из Полтавы, Американ Стар Жемчужина Кавказа.*

4. **Клички с приставками, указывающими на питомник, в котором родилась и выросла собака** (наименования питомников также имеют свою специфику): *Аврора Из Каскада Грез, Ада Из Усадьбы Андреевых, Адажио Из Русского Камелота, Адамс Антонио Из Города Лип, Айн Юта Из Цветной Капели.*

5. **Кинонимы, в которых отражается актуальная в данный момент лексика** (характеристическая и предметная). К ним относятся клички, которые выражают оценку и передают субъективное отношение заводчика: *Агнес Гламурная Штучка, Алекса Летис Эксклюзив, Алмазный Источник Шик Блеск Красота, Алирикон Иоланта Прекрасная, Алмазный Источник Камушек Драгоценный, Асти Алмазная Роскошь, Абсолют Натали Астон Мартин* (английский производитель престижных спортивных автомобилей), *Аморе Мио Лексус Стар, Ангел Пом Порше Кайен, Ангел Пом Роллс Ройс.* В эту группу входит как собственная, так и заимствованная лексика: *Олярия Милада Бьюти* (в переводе с английского языка – «красивая») *Леди, Абель Петит Мервей* (в переводе с французского – «маленькое чудо»). Лексемы «шик», «блеск», «красота» и др. являются символом роскоши, благородства, достатка, создают в сознании потенциального покупателя положительный образ приобретения (собаки).

6. **Кинонимы, в состав которых входят существительные и прилагательные с семантикой цвета.** Очень часто в кинонимах «используется» прилагательное «золотой». Золотой цвет считается символом роскоши, благородства, достатка и аристократизма: *Абсолют Натали Голден Бой, Авалон'с Гард Елле Голден Лайн, Айринс Флаффи Золотая Леди, Алекс Мини Пом Золотой Амулет, Алмазный Источник Денежка Златая, Ая-Золотая.* В некоторых случаях кличка указывает на цвет шерсти собаки: *Алмазный Источник Желтый Одуванчик* (окрас – крем или оранжевый), *Алмазный Источник Зайчик Серенький* (серый оттенок шерсти, т.е. окрас – соболевый), *Акварелька Капелька Солнца* (рыжий оттенок шерсти), *Авалон'с Гард Зефирантес* (белый оттенок шерсти), *Айлюми Белая Сказка* (белый оттенок шерсти).

7. **Кинонимы, в состав которых входят наименования звезд, планет** (возможно, даже несуществующих): *Старпом Урсула, Алми Юрнис Эммануэль Ла Луна, Звезда Бохая Сан Ремо, Амига Асторио Звездная Надежда, Ангел Пом Рэй Оф Сириус.* В словаре

Т. Ф. Ефремовой находим следующие значения слова «звезда»: «небесное тело, по своей природе сходное с Солнцем, вследствие огромной отдаленности видимое с Земли как светящаяся точка на ночном небе»; перен. «тот, кто прославился в какой-л. области деятельности (в искусстве, литературе, спорте и т.п.)» [2]. Исходя из этих определений, мы можем сделать вывод, что заводчиком используется переносное значение лексемы. Заводчиком создается положительный образ. Метафорическое значение слова «звезда» подвергается смысловой модификации в вышеприведенных кинонимах: собака – это «звезда» яркая как, например, Сириус (ярчайшая звезда ночного неба), не только видимая, но и достигаемая. То есть приобретение собаки, расценивается в данном контексте, как приближение к мечте.

8. **Кинонимы с лексемой «мечта»:** *Абаронски Аполлон Мечта Дам, Дамерино Адамас Лакиери Дрим, Авеопом Меджик Дрим.* В вышеперечисленных примерах заводчик использует такой эффективный прием воздействия, как апелляция к мечте/желаниям потенциального покупателя. Приобретая собаку, человек, по мнению заводчика, становится обладателем того, о чем многие другие люди только мечтают. Используя лексику «мечта», заводчик создает позитивный образ животного, возможность приобретения которого сулит покупателю счастье и успех.

9. **Кинонимы с лексемами «удача», «счастье», «успех» и их синонимами:** *Звезда Удачи Белый Клык, Айкуайвен Фортуна, Лаки Смайл Хепинесс, Амбер Хэппинесс Амелия, Амулет Счастья Из Княгинино.* У носителей языка слово «счастье» / «успех» может соотноситься с разными образами, т. е. факторы, образующие «причину желаемого настоящего» у всех свои. Одним из таких факторов, по мнению заводчика, является собака.

10. **Клички, в которых упоминаются сладкие продукты питания/наименования различных десертов:** *Айривер Джем Тирамису, Аланси Крем Брюле, Алмазный Источник Карамель В Шоколаде, Алмазный Источник Мятная Карамелька, Алмазный Источник Шоколадный Пряник, Амулет Десерт Крем.* Десерт – это сладкие блюда, фрукты или конфеты, подаваемые в конце обеда [2]. Заводчик использует переносное значение слова «сладкий» (приятный, нежный, доставляющий удовольствие), создавая положительный образ животного.

11. **Кинонимы, в состав которых входят слова с уменьшительно-ласкательным значением:** *Малыш И Ко Шелли, Малышка Айрис, Крошка Ляля Из Русского Двора, Крошка Хорошка Адель.* В словаре Т. Ф. Ефремовой находим следующие значения слова «малыш»: «ребенок (обычно о маленьком мальчике)»; «детеныш животных»; перен. «человек

маленького роста» [2]. Исходя из данных определений, можно сделать вывод, что заводчик использует лексику «малыш», чтобы создать образ собаки, которая даже став взрослой особью, будет миниатюрной и игривой как щенок. Такие клички заводчик использует, чтобы передать ласку, нежность, восхищение, умиление животным.

12. **Комбинированные клички** – кинонимы, которые представляют собой смешанный тип. Несмотря на то, что многие кинонимы лаконичны, они могут быть семантически емкими. Обратимся, например, к кинониму *«Золотая Кроха Орфея Отта»*. Это словосочетание имеет не одно, а, по меньшей мере, четыре значения. *Отта* отсылает к имени шведского композитора, скрипача и хорового дирижера *Отто Линдблада*, автора музыки Шведского королевского гимна + *«Песнь Орфея»* (на стихи Шекспира) – одна из наиболее известных работ композитора + *Орфей* в древнегреческой мифологии – легендарный певец и музыкант – исполнитель на лире, чье имя олицетворяет могущество искусства (часто изображаемый художниками с золотой лирой в руках) + *Золотая* – данная лексема является символом роскоши, благородства, достатка и аристократизма + *Кроха* – крайне малое по размеру, крохотное существо, которое вызывает умиление.

В вышеперечисленных кинонимах находят отражение национальные особенности, культурная и общественная жизнь.

Итак, заводчик в целях максимального воздействия на покупателя использует для создания кинонима наиболее действенные приемы: лексические единицы, порождающие положительные ассоциации, вызывающие положительные эмоции, апелляцию к мечте, метафорический перенос и др.

Повышенное внимание со стороны заводчика к выбору кинонима объясняется стремлением максимально эффективно повлиять на сознание потенциального покупателя и побудить его к действию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М. : Русский язык, 2000. [Электронный ресурс] – Режим доступа : https://www.efremova.info/word/malysh.html#_W_p6QDgzbiV
3. Шмелева Т. В. Ономастика : учеб. пособие / Т. В. Шмелева ; Филиал ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани. – Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. – 161 с.

Источники фактического материала

1. https://olyaria-spitz.ru/oliariiia_milada_biuti_liedi_rodoslovnaya
2. http://pomeranskies.ru/lily_pom.html
3. <http://spitz.su/race/eng/pomeranian-spitz/%D0%B0/1>

SUMMARY

Anastasia Sedova. Kinonyms as a mean of realization of speech intension

In this article kinonyms are considered as an effective mean of realization of the breeder's speech intention.

Keywords: onomastics, zoonym, kinonym, speech influence.

Соловцова Е.

*Науч. рук. – д. филол. н., проф. Теркулов В. И.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ПОЛИСЕМАНТИЗМ ИЛЛОКУТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

В предлагаемой работе рассматриваются особенности функционирования полисемантических иллокутивных глаголов; анализируется лексико-семантическая и коммуникативно-прагматическая специфика предложений с иллокутивными глаголами.

Ключевые слова: теория речевых актов, иллокутивные глаголы, полисемия.

Речевой акт (РА) – минимальная единица коммуникации. В формальной структуре РА можно выделить три компонента: логико-семантический, синтаксический, коммуникативно-прагматический. РА реализует интенцию говорящего, а также осуществляет темпоральную, модальную, пространственную локализацию речевого воздействия. Наибольший интерес для нас составляет именно прагматический аспект, в котором раскрывается функциональная сторона реальной коммуникации. Иллокутивные глаголы (ИГ) (как компонент, формирующий иллокутивный РА) представляют основу для изучения и классификации высказываний согласно прагматическим типам, их рассмотрение является одной из важнейших задач коммуникативно-прагматического подхода современного языкознания.

Цель работы заключается в изучении полисемантических иллокутивных глаголов, определении соотношения между семантическим и коммуникативным наполнением высказывания.

Объект исследования – полисемантические иллокутивные глаголы. **Предмет** – зависимость между типами речевых актов и репрезентирующими их иллокутивными глаголами.

Основным элементом любого РА как разновидности человеческой деятельности является цель, то есть коммуникативная интенция речи, понятие, введенное в категориальный аппарат теории речевых актов последователями Дж. Остина с целью уточнения его идей относительно иллокутивного уровня анализа РА [7].

Иллокутивная сила (ИС) как одна из важнейших составляющих речевого акта характеризует коммуникативное намерение говорящего – прямое или косвенное (скрытое) – и поэтому для собеседника имеет эксплицитный или имплицитный характер.

Отличительной особенностью некоторых иллокутивных глаголов является наличие в их семантической структуре нескольких семем. Такая полисемантность является языковым явлением, то есть виртуально закреплена в глубинной структуре глагола [3, 67]. В процессе речевой деятельности в соответствии с коммуникативной интенцией адресанта происходит отбор нужной иллокутивной семемы, которая, реализуясь в речи одновременно с локутивной, определяет прагматический тип РА. Набор иллокутивных семем полисемантического глагола закреплён в языке, а в речи только отбирается из этого набора нужная семема.

По мнению Н. Н. Болдырева, целесообразно изучать многозначные единицы языковой системы в функциональном аспекте, поскольку предложенная Дж. Остином парадигма значения, в соответствии с которой прагматическое значение является функцией контекста, дополняет парадигму Ф. де Соссюра, в которой значение выступает как языковая сущность (семантическая ценность) [1, 15]. Лингвистическая природа полисемии объясняется асимметрией знака и значения, их шатким равновесием [2, 446].

Иллокутивная сила высказывания может быть выражена имплицитно. Поэтому снижение частотности употребления ИГ приводит к вариативности форм употребления перформативных высказываний. Те РА, которые имеют в своей структуре ИГ, отмечены большей стилистической окрашенностью, большей эмоциональностью [4, с. 12]. Рассмотрим полисемантизм ИГ *приказывать*, *доносить*, *утверждать* на материале русскоязычных иллюстративных источников.

Приказывать 1. Директивное значение – «отдавать приказ, приказание»: [Малик] **приказал** готовиться к бою, огнем автоматов отсек пехоту от танков (Б. Полевой); Секретарь **приказал** ему арестовать портного и того, кто у него находится в избе (А. Толстой).

Приказывать 2. Ассертивное значение – «*поручать, отдавать на попечение*»: *Накануне хозяин к начальству за деньгами в город ездил, а ребят Лизуну приказал* (Л. Толстой).

Приказывать 3. Комиссивное значение – «*завещать*»: *[Андрей] отдал двум другим братьям по несколько сел и волостей, приказал некоторые села в монастыри* (Н. Полевой).

Приказывать 4. Экспрессивное значение (форма 2-го лица будущего времени) – употребляется при вопросе, когда как бы желают выяснить мнение собеседника, хотя ответ ясен заранее: *И что прикажете делать с некоторыми фактами?* (А. Слаповский); *А как прикажете понимать строчку о полученном образовании?* (И. Ефимов).

Для глагола иллюкутивной семантики *приказывать* общим компонентом значений выступает побуждение со стороны адресанта к тому, чтобы адресат выполнил что-либо. Когнитивно-функциональный портрет семантической зоны глагола имеет грамматическое оформление, она ситуативна и направлена на другое лицо.

4. *Приказать долго жить* – ассертивное переносное значение («*умереть, прекратить свое существование*»). В данном случае эквивалентом ИГ является фразеологический оборот как выразительный семантический дериват номинативно-языковых единиц: *Приехала, а там новость: весточку получили – старый барин приказал долго жить* (П. Бажов); *Пора и нам подводить итоги: гусь Тимоша приказал долго жить на операционном столе, после того как военные медики для разгадки тайны попытались вживить в мозг несчастной птицы специальные чипы* (И. Бояшов).

Доносить 1. Ассертивное значение – «*делать/сделать донесение о чем-либо, т.е. сообщить, доложить*»: *Мой главный министр донёс мне, что ты спас его от неизбежной и жестокой смерти* (А. Погорельский); *Начдив шесть донес о том, что Новоград-Волыньск взят сегодня на рассвете* (И. Бабель).

При употреблении глагола *доносить* в ассертивном значении главная цель продуцента высказывания – передача информации, при этом статус субъекта речи всегда ниже, чем статус адресата.

Доносить 2. Декларативное значение – «*делать/сделать донес на кого-либо, т.е. обвинить кого-либо, сообщив о проступке, ошибке, намерении, умысле; пожаловаться*»: *Артамонову стало ясно: Тихон наконец все-таки донес на него, и вот он, больной, арестован* (М. Горький); *Естественно, купчина трусит и сейчас же донесет полиции, а полиция засядет к шести часам в кусты – и цап-царап его, голубчика, когда он за письмом ползет!* (А. Чехов).

В декларативном значении действие анализируемого глагола направлено против того лица, о котором сообщается. Обвинение предусматривает наказание, то есть наступление перлокутивного эффекта. При этом говорящий не вовлечен в перлокутивный акт, он осуществляет лишь иллюкутивный акт, сочетая его с локутивным актом в части произнесения.

Утверждать 1. Ассертивное значение – «*говорить, доказывая что-либо*»: *Другими словами, можно было утверждать, что милиционеров куда больше, чем ожидаемого изобилия на прилавках* (А. Моторов); *Прошедший войну дед Яков утверждал, что, когда он прибыл на побывку с фронта, с едой в Москве ситуация была куда лучше* (А. Моторов).

Утверждать 2. Декларативное значение – 1) «*решать (решить) вопрос о назначении кого-либо кем-либо*» (синоним *назначать*): *Меня утвердили командиром резервистов, поименованных как Шалинский истребительный батальон* (Г. Садулаев); *Я помню, как не хотели утверждать Кириенко в Государственной думе* (Ч. Абдуллаев); 2) «*определять что-либо как установленное законом или правилами*»: *Сенат, окруженный решительными преобразованиями, утвердил неограниченные полномочия Некитаева* (П. Крусанов); *Акционеры должны были получить прекрасный дивиденд и, благодушно настроенные, утвердили крупные наградные членам правления* (В. Обручев); 3) «*решать окончательно вопрос о соответствии нормам каких-либо документов*»: *Сначала утвердили план строительства, два раза поздравляли с перевыполнением, а теперь топят* (И. Эренбург).

Следует отметить, что в случае подобной прагматической полисемии именно интенциональность выступает основным смысловым (семантическим) критерием, определяющим тип иллюкутивного акта.

Категория полисемантической ИГ является актуализацией речевых намерений адресанта на уровне текстовой ситуации. В языке полисемантический ИГ – виртуальный знак, характеризующийся потенциальной совокупностью семантических значений. В речи полисемантический ИГ – актуализированный знак, индикатор ИС, который, в зависимости от ситуации и коммуникативной интенции говорящего, определяет прагматическое значение высказывания, его коммуникативную направленность.

Итак, в практике речевого взаимодействия используются различные функционально направленные элементы РА, в том числе ИГ. Они определяют прагматическую ориентацию речевого взаимодействия и классифицируются по семантическому признаку с выявлением тех или иных доминирующих семем. Прагматическое значение полисемантического ИГ зависит от коммуникативного

намерения РА. Перспективой дальнейшего исследования является рассмотрение ситуативного варьирования значений иллокутивных глаголов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Категориальное значение глагола : системный и функциональный аспекты / Н. Н. Болдырев. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1994. – 176 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.
3. Максимов С. Е. Прагматическая доминанта текста и дейксис / С. Е. Максимов // Высказывание и дискурс в прагмалингвистическом аспекте. – К. : КГПИИЯ, 1989. – С. 62–67.
4. Нагайчук В. В. Эволюция иллокутивных глаголов в английской речи 16–20 вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. В. Нагайчук. – Киев, 1993. – 20 с.
5. Остин Дж. Слова как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. XVII : Теория речевых актов. – С. 22–129.
6. Серль Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. XVII : Теория речевых актов. – С. 151–169.
7. Searle J. Foundations of illocutionary logic / J. Searle, D. Vanderveken. – Cambridge : Cambridge University Press. – 240 p.

SUMMARY

Elena Solovtsova. Polysemantic illocutionary verbs

The paper is devoted to the study of the functioning of the polysemantic illocutionary verbs; the lexical-semantic and communicative-pragmatic specificity of sentences with illocutionary verbs is analyzed.

Keywords: theory of speech acts, illocutionary verbs, polysemy.

Талалаенко Д.

Науч. рук. – ст. преп. Могила Н. Н.

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

КРОС-КУЛЬТУРНИЙ ПІДХІД У НАВЧАННІ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ В УМОВАХ ДВОМОВНОСТІ

У статті з позиції крос-культурного підходу розглядається проблема вивчення української мови в умовах двомовності (міжкультурного спілкування), розкривається методика формування лексичних умінь і навичок учнями 5 класу у школах з російською мовою навчання.

Ключові слова: крос-культурний підхід, компетентність, мовленнєва діяльність, комунікативний акт.

Етнічна структурованість людства є базовим поняттям мовної концепції О.Потебні, найвидатнішого українського лінгвіста другої половини ХІХ-го століття, який продовжив розробки Вільгельма фон Гумбольдта щодо «внутрішньої форми» слова. Вчений розглядав мовні одиниці як символи національної культури, продукти творчої духовної діяльності народу. Наголошуючи, що існування мови відбувається виключно у мовленнєвому акті, учений акцентував увагу на її динамічному аспекті. На його думку, мовна діяльність ґрунтується на єдності етносу-культури-мови [5, 614].

Сьогодні на Донеччині перед учителями-словесниками гостро постала проблема викладання української мови у навчальних закладах, формування у молодого покоління мовленнєвої компетенції, яка позначає наявність умінь виражати думки через залучення мовних засобів, що уможлиблює планування та здійснення мовленнєвого акту. Це сприяє кращому розумінню інформації й спонукає до висловлювання власних думок в усній чи писемній формі під час здійснення комунікативного акту. Допомогти розв'язати це питання, на нашу думку, може крос-культурний підхід.

Слід зауважити, що проблема формування крос-культурної компетентності в українській лінгводидактиці сьогодні недостатньо досліджена, та все ж із кожним днем вона привертає все більше уваги з боку вчених, методистів і учителів-словесників. Такий інтерес до проблеми крос-культурної взаємодії, а також пошук нових підходів і методів для реалізації крос-культурної освіти пояснюється гуманістичною спрямованістю освітнього процесу, де особистісні якості, культурна обізнаність, суб'єктна взаємодія стають дедалі важливішими, аніж просто знання мови. У цьому і вбачається актуальність дослідження.

Метою роботи є висвітлення поглядів вчених на проблему міжкультурного спілкування, розглянути методику формування крос-культурної компетентності у школярів у процесі вивчення української мови у школах з російською мовою навчання.

Завдання: показати, що впровадження крос-культурного підходу у навчання української мови російськомовних учнів, дасть змогу учителю-словеснику на кращому рівні сформувати в учнів комунікативну компетенцію.

Проблему визначення крос-культурної компетентності досліджували Т. Артемчук, В. Дороз, Е. Ганиш, Г. Ферапонтов, А. Щукін та інші. Особливостям формування міжкультурної компетенції присвячені праці Н. Алмазової, Р. Гришкової, Г. Копил, І. Плужник, В. Сафонової та ін.

В. Дороз визначає крос-культурну компетентність як інтегральну якість особистості, до складу якої входять знання про особливості іншої культури, уміння інтерпретувати іншопольовну інформацію, досвід комунікативної діяльності [2, 14].

Г. Ферапонтов зауважує, що оволодіння другою мовою поряд із отриманням фонетичних, лексичних і граматичних знань, умінь і навичок повинно також передбачати засвоєння культурологічної інформації, що в результаті являє собою набуття крос-культурної компетентності. Під останньою науковець розуміє «здатність суб'єкта культурного розвитку орієнтуватися в самоцінних культурах різних етносів» [5, 57].

На думку Т. Артемчука, крос-культурна компетентність – це усвідомлення ідейних, обрядових, кульових і традиційних відмінностей, що властиві тій чи тій культурі, здатність визначити спільні та відмінні риси в різних культурах і поглянути на традиції власного народу очима іншого етносу [1, 47]. Виходячи із такого розуміння міжкультурної компетентності, Е. Ганиш [3, 305-310] пропонує поділити її зміст на три категорії знань: афективні, когнітивні і процесуальні. До першої групи належать емпатія і толерантність, що створюють психологічне підґрунтя для продуктивної міжкультурної співпраці. До складу другої входять етноцентризм та етнопольовний релятивізм, що є важливою умовою адекватної інтерпретації іншомовної поведінки для запобігання міжкультурних бар'єрів та зміни власної поведінки під час спілкування. До останньої групи входять процесуальні складники крос-культурної компетентності, які являють собою стратегії, що використовуються під час міжкультурної взаємодії та спрямовані на її ефективне установлення, спонукання до мовленнєвої дії, пошук спільних культурних компонентів, розуміння та розпізнавання непорозумінь, упровадження досвіду попередніх контактів. Вони також спрямовані на збагачення суб'єкта відомостями про культурну своєрідність співрозмовника.

Рівень здатності до адекватного міжкультурного спілкування визначаємо як сукупність таких умінь: уміння використовувати специфічні для певної культури мовні одиниці, що вивчаються при побудові мовного акту, зокрема уміння використовувати лексичні одиниці, що містять у собі соціопольовну інформацію в ситуації міжкультурного спілкування, враховуючи при цьому національно-культурну специфіку вербальної й невербальної комунікативної поведінки, а також уміння запобігати культурним конфліктам, викликаним відмінностями ціннісних систем і етносоціопольовних настанов у власній культурі та культурі носіїв різних мов.

Зауважимо, що провідна роль у формуванні крос-культурної компетенції належить комунікативній спрямованості процесу навчання української мови в школі, водночас велике значення мають когнітивні процеси, що відбуваються у свідомості учнів.

Ми підтримуємо думку вчених, що крос-культурна компетенція учасника міжкультурного спілкування українською мовою має лінгвістичний та культурний компоненти. Які містять: знання, навички, уміння, здібності. До її змісту входять лінгвістичний, культурний та психологічний компоненти, що знаходять своє відображення у таких видах компетенцій, як лінгвістична, мовленнєва, соціопольовна, соціальна, дискурсивна та предметна. Слід зазначити, що формування крос-культурної компетентності проходить кілька етапів: оцінний, зіставний та дослідницький, під час яких суб'єкт ознайомлюється з культурою інших народів, зіставляє зразки поведінки й особливості світосприйняття їхньої культури із власною та намагається застосувати набуті знання на практиці.

Пропонуємо кілька вправ-завдань для 5 класів, які дозволять сформувати крос-культурну компетенцію в учнів молодших класів. Вправа 1. Прочитайте, випишіть із тексту іменники і визначте їх рід. Українці любили ластівку і вважали її Божою пташкою. У колядках ця пташка віщує господареві добробут, а сім'ї обіцяє благополуччя та щастя. Ластів'їне гніздечко під стріхою вважалося за добру прикмету. Зруйнувати його – великий гріх. На обличчі винного з'явиться невивідне ластовиння. Ластівка може і помститися. Вона літатиме до корови і псуватиме молоко. Довідка: віщує – (рос.); предвещає; добробут – (рос.) благосостояние; прикмета – (рос.) примета. Для встановлення необхідної комунікації із рецепієнтами (тими, хто вивчає українську мову) треба опиратися на їх «живий» досвід спілкування українською мовою: спілкування в школі, в сім'ї, за межами навчального закладу (театр, транспорт, магазин тощо).

Вправа 2. Переписати речення, ставлячи подані в дужках іменники в потрібній формі.

Індик зробив перестановку кадрів, він Селезня направив до (курча), а Півня до (качєня) (П. Ключина). Орле! Зглянься над моїми (совєня) малими, що zostались там у гаю, не займай ти їх, благаю! (О. Пчілка). Изнемігся старий Вовк, Ледве що плетється, Аж з (ягня) Вівця На полі пасється (С. Руданський). Не доручай (лисєня) курей стерегти, а (зайченєя) моркву берегти (Нар. творч.).

* До якої відміни належать іменники утёнок, циплёнок, ягненок, совенок у російській мові?

При створенні навчальних ситуацій спілкування українською мовою акцентувати увагу учня на значенні слів, які використовуються ним при вислові, а не тільки на їх фонетичній формі. Пояснення можуть даватися як російською, так і українською в залежності від рівня знань української мови.

У дослідженнях Є. Верещагіна читаємо: «при актуалізації поняття, зв'язаного із кількома лексемами, актуалізується та лексема, яка зв'язана із ним більш стійко. В умовах білінгвізму це означає, що під час мовлення однією мовою актуалізується іншомовна лексема, якщо вона зв'язана з поняттям, що попередньо актуалізувалось більш стійко, ніж відповідна лексема зазначеної мови». Тобто працює така модель: «потреба назвати предмет російською» – «впізнавання предмету» – «переживання володіння інформацією (є думка)» – «якщо не відшукується російська лексема, то суб'єктивно переживається «виразити думку за допомогою засобів іншої мови». У певних умовах іншомовна лексема в мовлення не вводиться, а шукається її переклад. Оскільки в експериментальних умовах відтворити спонтанне мовлення неможливо, тому досліджується номінація. Опустимо деталі, зробимо опис тільки експериментального ланцюжка: «інформант спостерігає предмет» – «вводить в обсяг відповідного поняття» – «впізнавання» (перший етап) – «актуалізація асоційованої із поняттям лексеми» – «номінація» (другий етап). Робиться вимір часу між етапами (є чи нема труднощів).

Процес асоціювання білінгвами поняття із лексемами здійснюється переважно через засоби першої мови, а оперування лексемами другої мови опосередковано лексемами першої мови. Дана закономірність досить чітко відображає механізм розподілу мов на першу та другу в мовленні білінгва і є, на наш погляд, універсальною як для психологічного, так і для психолінгвістичного та лінгвістичного визначення «переходу» між поняттям та лексемою при білінгвізмі.

Таким чином, масштаб крос-культурної компетентності є дуже великим і ми маємо погодитися з тим, що вона має прямий вплив на щоденні комунікації та діяльність кожного індивіда. Вивчення питання крос-культурності є актуальним абсолютно для всіх

організації, які хочуть розвиватися в умовах постійного нарощування рівня глобалізаційних процесів.

ЛІТЕРАТУРА

1. Артемчук Т.О. Про сучасні підходи до вивчення і викладання іноземних мов // Рідна школа. – 2003. – № 9. – 47 с.
2. Дороз В. Крос-культурне навчання української мови як дидактична система / В. Дороз // Українська мова і література в школі. – 2009. – № 1. – С. 12 – 17.
3. Едіт Ганиш Українська мова в контексті теорії крос-культурної комунікації : до питання про пріоритетні напрямки лінгвістичних досліджень. // Серія філол., 2004. – Вип. 34. – Ч. I. – С. 305-310.
4. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. / А. А. Потебня. – М., 1976. 614 с.
5. Ферапонтов Г. А. Понятийный аппарат социо-кросс-культурного гражданского воспитания // Кросс-культурный подход в науке и образовании : материалы ежегодного семинара. – Вып. 5. – Новосибирск : НГПУ, 2010. – С. 56–58.
6. Щукин А. Н. Компетенция или компетентность : Взгляд методиста на актуальную проблему лингводидактики / А. Н. Щукин // Рус. яз. за рубежом. – 2000. – № 5. – С. 14–20.

SUMMARY

Daria Talalaenko. A cross-cultural approach in teaching Ukrainian language in conditions of bilingualism

The article considers the problem of studying the Ukrainian language in the conditions of bilingualism (intercultural communication) from the point of view of cross-cultural approach, reveals the method of formation of lexical skills of pupils of the 5th grade in schools with the Russian language of instruction.

Keywords: cross-cultural approach, competence, speech activity, communicative act.

Ткач О.

*Науч. рук. – к. филол. н., доц. Любимцева-Наталуха Л. Н.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

МОНОДРАМА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФАКТ

Монодрама – один из наиболее востребованных жанров современной драматургии, представленный как творчеством И. Вырыпаева и Е. Гришкова, так и драматургов, работающих в технике «вербатим» (Е. Исаева, О. Дарфи, А. Волошина и др.), остается недостаточно исследованным явлением, нуждающимся в теоретическом осмыслении. В статье монодрама анализируется как театральный факт и литературный жанр.

Ключевые слова: монодрама, автор, реципиент, монолог, диалог.

Монодрама как самостоятельный драматургический жанр начала развиваться еще в начале XX столетия, однако расцвет ее приходится на рубеж XX – XXI веков. Обновление техники создания драматургических произведений привело к переосмыслению жанра «монодрама». Базовой работой, посвященной исследованию монодрамы как театрального факта, считается труд Н. Н. Евреинова «Введение в монодраму» (1909). Среди немногочисленных современных работ выделяется исследование Н. А. Агеевой «Жанр монодрамы в современной отечественной драматургии» (2016). Таким образом, монодрама как жанр, находящийся в стадии развития, нуждается в научном осмыслении и теоретическом описании не только как театральный факт, но и как литературный жанр драматургии.

Цель исследования – рассмотреть монодраму как литературное явление в сопоставлении с её театральной репрезентацией.

Задачи: выделить черты монодрамы как театрального факта и литературного явления; продемонстрировать жанровые особенности монодрамы на примере пьесы Е. Гришкова «ОдноврЕмЕнно».

Характеризуя особенности драматургии рубежа XX – XXI вв., литературоведы нередко отмечают, что такой жанр, как монодрама, является важной составляющей не только отечественного, но и зарубежного литературного процесса. Монодрама – произведение литературного рода «драма», разыгрываемое с начала до конца одним актером. В литературоведческих работах, посвященных монодраме как литературному факту (И. М. Болотян, С. П. Лавлинский, А. М. Павлов), либо дается обобщенная описательная характеристика,

либо акцентируются отдельные аспекты данного жанра, к примеру, внутренний конфликт как способ отражения кризиса идентичности, свойственного современной драматургии в целом и своеобразия героя произведения.

Немаловажно, что монодрама рассматривается многими современными исследователями как продукт театральной теории Н. Н. Евреинова. «Монодрама – принцип театральной теории, развёртывание сценических событий, словно проецируемых через сознание главного героя или одного из действующих лиц. Подразумевает драматическое представление, которое преподносит окружающий мир таким, каким он воспринимается действующим лицом “в любой момент его сценического бытия”, и заставляет каждого из зрителей стать в положение этого лица, “зажить его жизнью”» [4, 3].

Н. Н. Евреинов выдвигал на первое место внутреннюю централизацию действия, превращение «чуждой мне драмы» в «мою драму», то есть драму самого зрителя, сопереживающего центральному «действующему» персонажу пьесы. Этого «действующего» персонажа он называет «субъектом действия» или просто «я». Характер действия в монодраме определяется отношением «я» к миру, субъективным восприятием людей и вещей. Монодрама является «проекцией души» центрального персонажа на внешний мир; «остальных участников драмы зритель монодрамы воспринимает лишь в рефлексии их субъектом действия, и, следовательно, переживания их, не имеющие самостоятельного значения, представляются сценически важными лишь постольку, поскольку проецируются в них воспринимающее „я“ субъекта действия» [4, 15].

По мнению Н. А. Агеевой, монодраму следует рассматривать не как самостоятельный драматургический жанр, а как поджанр / субжанр / жанровый вариант драмы по аналогии с номинациями подобного рода неклассических драматургических текстов (мелодрама, лирическая драма, драма абсурда и т. п.). Основным структурным признаком монодрамы является миметическое изображение в сценическом пространстве одного сознания и презентацию его представлений о себе и мире посредством монологического высказывания. Одиночество / единичность не только в аспекте сценического бытия, но и как универсальную категорию, лежащую в основе поэтики таких драматургических произведений, следует рассматривать как ключевой детерминант жанра монодрамы. Именно он обуславливает специфику хронотопа, конфликта, сюжета и развития действия. Герой монодрамы пребывает в напряженном эмоциональном и / или ментальном состоянии, вызванном ситуацией, которая вынесена за пределы сценического времени. В монодраме реализуется внутренний конфликт между

разными составляющими «Я» героя («Я» – «Я другой»). Смена эмоциональных и / или ментальных состояний героя в процессе развития действия и составляет сюжет монодрамы [1].

Одним из наиболее известных авторов монодрамы XXI века является Е. Гришковец. За основу анализа взята монодрама Е. Гришкова «ОдноврЕмЕнно». В целом его тексты – это сочетание ассоциаций, воспоминаний героя, которые возникают по мере того, как он рассказывает основной сюжет, если таковой присутствует. Монопьесы Е. Гришкова – это лирические монологи, в которых происходит самораскрытие чувств героя, выражение личного восприятия и душевного состояния.

В монодраме можно выделить несколько логических центров. Первый центр – это старая философская проблема. Что такое «я» и где оно находится.

Второй центр – одновременность жизни, в которой существует человек и миллиарды других людей, а также животных, растений, планет. Здесь одновременно одни люди ведут войну, вторые умирают, а третьи рождаются в эту секунду и в голове каждого человека происходит своя жизнь – эмоции, воспоминания и чувства. Третий центр – важность чувств. И собственно последний центр – «...хочется, чтобы было хорошо. <...> в этой жизни, а не в той» [3]. Вокруг этих центров строится повествование монодрамы Евгения Гришкова. Автор вспоминает какие-то истории, ощущения и рассказывает о своих мыслях. Одни из них кажутся интересными и необычными, другие – знакомыми, а третьи – это то, о чём думаем и мы сами.

«ОдноврЕмЕнно» – одна из лучших монодрам Е. Гришкова, в которой герой размышляет о возможности или невозможности обретения гармонии и понимания в окружающем мире, монодрама не только лирична, но и полна грустного юмора. Автор, выступая в роли исполнителя, не ставил задачу прославиться как актер и режиссер. Он стремится быть услышанным, найти собеседника в зрителе. И каждый раз, когда он представляет текст, это происходит сиюминутно, импровизационно. Это цельный процесс жизни, который и есть театр Е. Гришкова. Монодрама «Одновременно» – это своеобразная попытка объяснить, что такое – мгновенно что-то понять, точнее, почувствовать, и не просто мгновенно, а одновременно.

Язык Е. Гришкова критики часто называют «косноязычием». Таким образом, драматург передает попытки героя выразить какое-либо ощущение, чувство. И этот особый язык создаёт ощущение, что происходящее не отрепетировано и сыграно, а проживается в данный момент.

Текст, создаваемый заново при каждом исполнении, существенно обогащается, расширяется и углубляется: «Тут вот какое дело, ...я

себе представлял, что... ну, это устроено одним образом, а оказалось, что оно устроено совершенно иначе. Точнее, не представлял, ...у меня не было об этом никакого представления, ...у меня было, скорее, ощущение... Хотя нет... У меня было больше, чем ощущение, но меньше, чем представление... О том, о чем я сейчас скажу. Короче...» [3]. Автор использует элементы разговорной речи, чтобы создать сказовую манеру высказывания героя.

Сам автор не любит лишь перенесенный на бумагу текст, так как он лишен дополнительных «спецэффектов». А напечатанные произведения, соответственно, стали материалом для литературоведческой критики и анализа. И теперь уже преимущества моноспектакля отделились от самой монодрамы. Но неожиданно разговорный текст оказался удобочитаем, приятен и даже художественно ценен. Способ, которым автор доносит свои мысли, – это небольшие сюжеты, которые то и дело вплетаются в канву текста. Многие критики называют их не то байками, не то анекдотами или же вариантом американской “stand-up comedy” [2].

«Событие рассказывания» в повествовательном тексте само по себе не обладает свойствами сюжета, излагаемой историей здесь становится последовательность озвучиваемых повествователем ситуаций. В монодраме же перед читателем / зрителем предстает развернутый монолог единственного героя, который не представляет собой единое и неделимое высказывание. Речь героя прерывается паузами, во время которых он либо просто молчит, либо совершает какие-либо действия и манипуляции с окружающими его предметами, что отмечается в тексте пьес соответствующими ремарками. Исходя из всего выше сказанного, можно сказать, что монодраматический монолог – это цепь объединенных сверхтемой высказываний, в каждом из которых, в свою очередь, имеется своя тема. Каждое из высказываний становится в данном случае своеобразным маленьким событием, изображающим одно из состояний героя.

Таким образом, современная монодрама – явление динамически развивающееся, находящееся в стадии становления, в одной из своих жанровых разновидностей синтезирует драматургический текст и его театральную репрезентацию, что является новаторским в области новейшей драматургии и оставляет перспективу для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Н. А. Жанр монодрамы в современной отечественной драматургии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 – Теория литературы. Текстология [Электронный ресурс] / Наталья Анатольевна Агеева. – Новосибирск, 2016. – Режим доступа: https://www.nspu.ru/upload/nauka/obyav_zaw/AKD_Ageeva.pdf

2. Болотян И. М. Гришковец: автор, феномен, синдром // гзт. «Литературная Россия» – № 42 от 20.10.2006 [Электронный ресурс] / И. М. Болотян. – Режим доступа : <https://litrossia.ru/item/1263-oldarchive/>
3. Гришковец Е. ОдноврЕмЕнно [Электронный ресурс] / Е. Гришковец. – Режим доступа : <http://lib.ru/PXESY/GRISHKOWEC/together.txt>
4. Евреинов Н. Н. Введение в монодраму / Н. Н. Евреинов. – СПб.: Изд. Н. И. Бутковской, 1909. – 31 с.
5. Исследование жанра монодрамы как формы самопрезентации (на примере монодрамы Евгения Гришковца «ОдноврЕмЕнно») / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=812794>

SUMMARY

Olga Tkach. Monodrama as a literary and theatrical fact

The monodrama is one of the most popular genres of modern drama, represented by the works of I. Vyrypaev and O. Grishkovets, as well as playwrights working in the technique of «verbatim» (H. Isaeva, O. Darfi, A. Voloshina etc.). It remains insufficiently investigated phenomenon in need of theoretical understanding.

Keywords: monodrama, author, recipient, monologue, dialogue.

Устинова И.

*Науч. рук. – д. филол. н., проф. Теркулов В. И.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

ДЕШИФРОВАЛЬНАЯ МАТРИЦА ГНЕЗДА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ «АВТОМАГАЗИН»

В предлагаемой статье описывается гнездо эквивалентности слова «автоматизация». В работе рассмотрены дешифровальные стимулы и дешифровальные матрицы как средства формирования гнезд эквивалентности.

Ключевые слова: дешифровальный стимул, дешифровальная матрица, гнездо эквивалентности, сложносокращённое слово.

Цель данной работы – определить дешифровальную матрицу гнезда эквивалентности «автоматизация». В связи с этим нам необходимо решить следующие **задачи**: дать общую характеристику гнезда эквивалентности (ГЭ) «автоматизация», определить дешифровальные стимулы (ДС) и формальные модели

соответствия, формирующие данное ГЭ, и определить структуру дешифровальной матрицы (ДМ) гнезда. **Актуальность** нашего исследования определяется необходимостью создания и апробации методики анализа ГЭ, которая используется при составлении «Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов русского языка».

Ранее в статьях сотрудников Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого национального университета [1; 2; 4; 7; 8] уже были обоснованы возможности как синхронного, так и диахронного подходов к трактовке сложносокращённого слова. Если объектом синхронного подхода выступают текстовые эквиваленты сложносокращённых слов (ССС) и их отношения друг с другом и с СССР, то диахронный – предполагает установление первичности/вторичности эквивалентного словосочетания по отношению к СССР.

Мы уже писали [1; 2; 4] о том, что «на синхронном срезе языка сложносокращённым является не слово, образованное в результате компрессии / универбализации словосочетания (так аббревиатура трактуется при диахронном подходе), а слово, имеющее текстовые эквиваленты, т.е. словосочетания, которые употребляются как абсолютные синонимы (дубликаты) аббревиатуры в эквивалентных текстах и включают в свой состав компоненты, воспринимаемые носителями языка как эквиваленты её конструкторов» [6, 83].

Обычно в словарях сложносокращённых слов приводятся аббревиационные пары (сокращение + расчленённый эквивалент), но разработанный новый подход позволил группе по составлению «Толково-эквивалентный словарь сложносокращённых слов русского языка» обнаружить возможность существования множественности синтаксических эквивалентов (СЭ) сложного слова [3, 543]. Появление множества эквивалентов позволяет говорить о возникновении на синхронном срезе языка гнезд эквивалентности [9, 570].

ГЭ – группа, связанных между собой деривационными отношениями эквивалентных единиц, могущих взаимозаменяться в одном контексте. При этом СССР является вершиной данного гнезда.

В некоторых случаях при развёртывании СССР их трактовка сложна. Трудности при определении значения слова могут возникать на уровне дешифровальных стимулов (ДС). ДС – имплицитные знания, которые стимулируют возможность разного дешифрования сложного слова [5, 20].

В данной статье для анализа мы выбрали гнездо эквивалентности «автоматизация». Данное ГЭ относится к тематической группе «учреждение» – некоммерческая организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-

культурных или иных функций некоммерческого характера и финансируемая им полностью или частично. В ГЭ «автомагазин» входит 12 синтаксических эквивалентов.

Рассмотрим формальные модели эквивалентности и ономаσιологические модели (ОМ), представленные в данном ГЭ.

Ономаσιологическая модель – описание словообразовательной структуры лексического значения, включающая указание на тематическую группу базисного конструкта ССС (ономаσιологический базис) и актантный статус абброконструкта (ономаσιологический признак).

В исходных конструкциях нами отмечаются слова следующих частей речи:

1. Существительные (символ «**Сущ**»), например, глоссы *авария* и *аренда* в конструкциях *авария автомобиля* и *аренда автомашины*.

2. Прилагательные (символ «**Прил**»), например, глосса *автомобильная* в конструкции *автомобильная авария*.

3. Предлоги (символ «**предл**»), например, *для* в конструкции *кресло для автомобиля*.

Рядом с частеречным символом указывается падежный номер глоссы (1 – именительный, 2 – родительный и т.д.). На парадигматическую активность указывает комбинация падежного номера и символы числа (ед. – единственное, мн – множественное). Например, словосочетание *автомобильный дизайн* реализует схему Прил1ед+Сущ1ед.

Абброконструкт ССС представляет собой усечённую основу компонента исходного словосочетания. Для его обозначения используется символ (**Чосн**), например: *авто-* (ЧоснПрил1ед) в аббревиатуре «автомагазин» (<автомобильный магазин). Нами обнаружены такие модели формальной эквивалентности в ГЭ *автомагазин*:

1. Прил1ед+Сущ1ед = ЧоснПрил1ед+Сущ1ед

Автомобильный магазин – ОМ «учреждение + qualificative».

2. Сущ1ед+Сущ2ед(кп) = Чосн1Сущ2ед(кп)+Сущ1ед

Магазин автотехники – ОМ «учреждение + possessive», *магазин автоавтомобилей* – ОМ «учреждение + possessive», *магазин автоавтомобилей* – ОМ «учреждение + possessive», *магазин автоавтомобилей* – ОМ «учреждение + possessive».

3. Сущ1ед+Сущ2мн = ЧоснСущ2мн+Сущ1ед

Магазин автомобилей – ОМ «учреждение + possessive».

4. Сущ1ед+предл+Сущ3ед+Сущ2ед = ЧоснСущ2ед+Сущ1ед (-предл-Сущ3ед)

Магазин по продаже автотехники – ОМ «учреждение + destination».

5. Сущ1ед+предл+Сущ3ед+Сущ2мн = ЧоснСущ2мн+Сущ1ед (-предл-Сущ3ед)

Магазин по продаже автоавтомобилей – ОМ «учреждение + destination», *магазин по продаже автоавтомобилей* – ОМ «учреждение + destination», *магазин по продаже автоавтомобилей* – ОМ «учреждение + destination», *магазин по продаже автоавтомобилей* – ОМ «учреждение + destination».

6. Сущ1ед+предл+Сущ3ед+СущНескл = СущНескл+Сущ1ед (-предл-Сущ3ед)

Магазин по продаже авто – ОМ «учреждение + destination».

Совокупность дешифровальных стимулов формирует дешифровальную матрицу ССС. Дешифровальная матрица (ДМ) – это схема ДС одного гнезда эквивалентности.

Для классификации нами используются такие символы дешифровальных стимулов: у – базисный компонент; х – признаковый, то есть, собственно, дешифровальный стимул абброконструкта; а – это существительное, которое появляется в словосочетании, но не отражается в сложном слове; z – конструкт сложного слова, который при развертывании становится компонентом сложного слова.

Эквиваленты, реализующиеся в ДМ данного ГЭ, формируются по следующим схемам ДС:

у-х(ад): *автомобильный магазин*. ДС – простое прилагательное, образованное от существительного

у-х-а: *магазин автотехники, магазин автоавтомобилей, магазин автоавтомобилей, магазин автоавтомобилей*. ДС – сложное существительное.

у-х: *магазин автоавтомобилей*. ДС – простое существительное.

у-(предл)х-z(сущ): *магазин по продаже автоавтомобилей, магазин по продаже автоавтомобилей, магазин по продаже авто*. ДС – атрибутивное адъективное словосочетание с предлогом.

у-(предл)х-а-z(сущ): *магазин по продаже автоавтомобилей, магазин по продаже автоавтомобилей, магазин по продаже автоавтомобилей*. ДС – атрибутивное адъективное словосочетание с предлогом.

В аббревиатурной группе «авто» (*автомобильный*) похожая ДМ встречается в ГЭ:

1) *автоаренда*: у-х(ад) – *автомобильная аренда*; у-х – *аренда авто, аренда автомашины, аренда автоавтомобилей, аренда автомашины, аренда автоавтомобилей*; у-х-а – *аренда автотранспорта*;

2) *автозавод*: у-х(ад) – *автомобильный завод*, у-х – *завод автоавтомобилей, завод автоавтомобилей*, у-(предл)х-а-z(сущ) – *завод по производству автоавтомобилей*;

3) *автоклуб*: у-х(ад) – *автомобильный клуб*, у-х – *клуб автоавтомобилистов, клуб автоавтомобилистов*, у-х-а – *клуб автотранспорта*, у-(предл)х-z(сущ) – *клуб для любителей автоавтомобилей*;

4) *автомастерская*: у-х(ад) – *автомобильная мастерская*, у-х – *мастерская автомобилей*, у-(предл)х-з(сущ) – *завод по ремонту автомобилей*.

Итак, система дешифровальных стимулов, реализованная в одном гнезде эквивалентности, формирует дешифровальную матрицу этого гнезда. Можно предположить, что структура такой дешифровальной матрицы обусловлена ономастологической структурой сложносокращенного слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аламайрех Е. Ю. Формальная эквивалентность сложносокращенного слова в синхронии и диахронии // Русский язык в поликультурном мире : I Междунар. симпозиум (8-12 июня 2017 г.) : сб. науч. ст. : в 2 т. – Симферополь, 2017. – Т. 2. – С. 157–161.
2. Блюмина О. В. Мутантный аббревиатурно-композиционный ономастологический класс процессуальности // Русский язык в поликультурном мире: I Междунар. симпозиум (8-12 июня 2017 г.) : сб. науч. ст. в 2 т. – Симферополь, 2017. – Т. 2. – С. 162–165.
3. Рязанова В. А. Сопоставительный анализ гнезд эквивалентности мутантных групп «нефте» и «газо» // Наука и мир в языковом пространстве : сб. науч. тр. II Республиканской очно-заочной научной конференции. – Макеевка : ДонНАСА, 2016. – С. 544–548.
4. Теркулов В. И. Гнездо эквивалентности аббревиатуры в синхронном освещении // Русский язык в поликультурном мире : I Междунар. симпозиум. – Том 2. – Симферополь, 2017. – С. 140–147.
5. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология : сб. науч. тр. – Вып. 3(29). Языкознание. – Горловка: Изд-во ГИИЯ, 2016. – С. 13–24.
6. Теркулов В. И. Отношения эквивалентности в синхронном гнезде эквивалентности аббревиатуры // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2017. – № 9. – С. 82–87.
7. Теркулов В. И. Текстовая эквивалентность сложносокращенного слова // Язык. Текст. Дискурс : науч. альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г. Н. Манаенко. – Выпуск 13. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2015. – С. 69–77.
8. Теркулов В. И. Универбализация: постановка проблемы // Учёные записки Забайкальского гос. ун-та. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2010. – № 3. – С. 135–142.

9. Устинова И. А. Аббревиационная группа «авто» (автоматический) в русском языке // Наука и мир в языковом пространстве: сб. науч. тр. II Республиканской очно-заочной науч. конф. – Макеевка: ДонНАСА, 2016. – С. 568–573.

SUMMARY

Inna Ustinova. Decryption Matrix nest is equivalent to «Autoshop»

The proposed article describes the nest of equivalence of the word “autoshop”. In the work, deciphering stimuli and deciphering matrices are considered as the causes of the emergence of equivalence nests.

Keywords: deciphering stimulus, deciphering matrix, equivalence nest, compound-abbreviated word.

Хайтул В.

*Науч. рук. – д. филол. н., проф. Теркулов В. И.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

АДЪЕКТИВНАЯ АББРЕВИАТУРА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В работе обосновывается существование на синхронном срезе языка адъективных аббревиатур. Сформировано определение адъективных аббревиатур, рассмотрены структурные типы эквивалентности.

Ключевые слова: аббревиатура, диахрония, синхрония, адъективная аббревиатура, текстовая эквивалентность.

Целью предлагаемого исследования является описание особенностей аббревиатурной трактовки имён прилагательных. **Задачи**, которые способствуют достижению данной цели: провести описание синхронного и диахронного подходов трактовки аббревиации; дать определение адъективной аббревиатуры; выявить структурные типы эквивалентности адъективных аббревиатур.

Аббревиацию традиционно рассматривают в контексте словообразования имён существительных: *Аббревиатуры – это существительные, состоящие из усечённых отрезков слов, входящих в синонимичное им словосочетание, последний из которых (опорный компонент) может быть целым, неусечённым словом* [1, 84]. А. Н. Тихонов указывает, что аббревиатура является очень продуктивным образованием имён существительных из усечённых (сокращённых) частей слов, составляющих словосочетание [4, 148].

В процессе работы Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации «ЭЛИТА» и создания Толково-эквивалентного словаря сложносокращенных слов русского языка были обнаружены адъективные аббревиатуры. Например: *Агропромышленный комплекс Украины сегодня генерирует прибыль и способен обслуживать кредиты* (<https://www.apk-inform.com/ru/exclusive/topic/1027484>). *Старое бензонасосное или бензонаправочное устройство* (https://ru.123rf.com/footage_91072581_stock-footage.html).

Гнездо эквивалентности определяется как совокупность актуально сосуществующих словосочетаний, связанных отношениями формально-семантической эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с ней в эквивалентных текстах [2, 76]. Гнездо эквивалентности адъективных аббревиатур представляет абсолютную адъективную трактовку сложносокращенного слова, при которой компоненты эквивалентного словосочетания обычно выражаются именами прилагательными (*армвоенный – армейский военный*).

Значительную роль в определении статуса адъективных сложносокращенных слов имеет разграничение диахронного и синхронного подходов к описанию аббревиатур.

В диахронии аббревиатуры представляют собой сложносокращенные слова, возникшие на основе словосочетаний (*госархив, газонакопление, жилотдел*, образованные, соответственно, от словосочетаний *государственный архив, газовое накопление, жилищный отдел*). Основной целью диахронного подхода является разграничение формирующей и формируемой эквивалентностей, а также установление деривационных связей между элементами гнезда эквивалентности [2, 86]. Диахронным аббревиатурам противопоставляются квазиаббревиатуры (*газоанализатор, авиабилет, госальбом*), которые образуются присоединением аббреконструкта к производящему слову или калькированием из других языков (соответственно, к словам *анализатор, билет, альбом*). Впоследствии возникает формируемая эквивалентность – квазиаббревиатуры обрастают вторичными словосочетаниями (соответственно, от *газовый анализатор, авиационный билет, государственный альбом*). Этот процесс, который в работах ЭЛИТА определяется как псевдоунивербализация, не ограничивается квазиаббревиатурами: формирование вторичных словосочетаний возможно и на основе аббревиатур.

Адъективные аббревиатуры с точки зрения диахронного анализа не относятся к аббревиации. Развертываемые на их базе словосочетания вторичны, возникли в результате псевдоунивербализации. В то же время такие лексемы отвечают запросам синхронной трактовки аббревиации.

С точки зрения синхронии аббревиатурами могут выступать как диахронные аббревиатуры, так и квазиаббревиатуры. Главным принципом синхронного подхода является наличие для сложносокращенного слова в эквивалентных текстах эквивалентных словосочетаний. Таким образом, синхронному восприятию соответствуют аббревиатуры с актуальными синтаксическими эквивалентами.

В процессе анализа адъективных аббревиатур были выявлены структурные типы эквивалентных трактовок:

1. Словесная дискретная эквивалентность может быть представлена:

1. Согласованными неоднородными определениями, когда первое прилагательное согласовано не с существительным, а с сочетанием существительного с прилагательным, например *авиахимический – авиационный химический (продукт)*, *бензоотбойный – бензиновый отбойный (молоток)*, *бальнеотерапевтическая – бальнеологическая терапевтическая (процедура)*: *Бальнеотерапевтическая морская соль для ванн с ламинарией* (<https://milanita.ru/professionalnaia-kosmetika-dlia-tela/kosmetika-dlia-vanny-i-dusha/balneoterapevticheskaya-morskaya-sol-dlya-vann-s-laminariy/>). *Нилова Пустынь, бальнеологическая терапевтическая область в Бурятской АССР, в 170 км от станции Слюдянка и в 100 км от С-3. комплекса Аршан* (<https://lapusiludobo.cf/01afe30f9e64d02-chto-takoe-pustyn-vikipediya-3a0a766fdf9a52>).

2. Согласованными однородными определениями, соединенными с помощью сочинительного союза, например *автомотоциклетный – автомобильный и мотоциклетный (автомотодвигатель – автомобильный и мотоциклетный двигатель)*, *админхозяйственные – административные и хозяйственные (админуслуги – административные и хозяйственные услуги)*: *Ответственность за нарушение в сфере персональных данных – это скорее хозяйственная ответственность, за которую возможны админхоз штрафы по ХКУ и админ штрафы по КоАПУ* (<https://minfin.com.ua/company/mihailovskiy/review/109194/>). *Поэтому в тылу были сосредоточены административные и хозяйственные учреждения, склады, учебные и опытные части, предназначенные для приема поколений из Англии, после того, как широкая программа боевой подготовки, вступившая в действие в начале войны, начнет наконец приносить плоды* (<https://www.litmir.me/br/?b=584180&p=1>).

2. Композитные: *агитпропагандистская – агитационно-пропагандистская (бригада)*, *военморской – военно-морской (флот)*, *общеполитическое – общественно-политическое (действие)*: *Должно быть восстановлено общеполитическое пространство, к этому должны стремиться обе стороны* (<https://gordonua.com/news/>).

war/putin-mezhdu-ukrainoy-i-donbassom-dolzhno-byt-vosstanovleno-obshchepoliticheskoe-prostranstvo-56738.html).

Общественно-политическая и экономическая **ситуация** в ГДР в 1970-х – начале 1980-х годов внешне выглядела довольно благоприятной на фоне явных кризисных явлений в ряде восточноевропейских стран (<https://ria.ru/spravka/20141018/1028627504.html>).

3. Частичная дискретная эквивалентность, при которой дублет одного аббреоконструкта эквивалентен традиционному презентативу, а второй аббреоконструкт сохраняет аббреоконструктный статус: *авиахимическое оборудование – авиационное химоборудование, авиаметеорологическая станция (авиаметеостанция) – авиационная метеостанция.*

4. Усечённый тип – сохраняется только часть аббревиатуры (чаще всего – первый аббреоконструкт). Например, *авиахимическая – авиахимическая часть – авиачасть – авиационная часть, армобетонная – армостойка – арматурная стойка, агропромышленный – агропромышленный кластер – агрокластер – аграрный кластер.*

Возможна комбинация всех типов эквивалентов в пределах гнезда одной аббревиатуры, например: *госалкогольинспекция – государственная алкогольная инспекция; государственная и алкогольная инспекция; государственно-алкогольная инспекция; государственная алкогольинспекция (алкоинспекция); алкогольная инспекция).*

Адъективная аббревиатура может существовать параллельно номинативной аббревиатуре: *Пребывание на **бальнеокурортах** неизменно оказывает благотворное влияние на общее самочувствие человека, так как водные процедуры доступны, безопасны и очень эффективны* (<http://udoktora.net/chto-soboy-predstavlyayut-balneokurortyi-74940/>). В одном из самых экологически чистых горных мест России, в сердце Северного Кавказа, располагается небольшой **бальнеокурортный город** Ессентуки, где добывается одноименная минеральная вода (<http://polvr.ru/p/essentuki-polza.html>).

Номинативные аббревиатуры (*авиатехника*) формально завершены, адъективные – вступают в атрибутивные связи; способствуют дальнейшему образованию сложносокращённых слов: *авиатехнический – авиатехническая база – авиабаза; авиатехнический институт – авиаинститут* и т.п.

Таким образом, адъективной аббревиатурой является имя прилагательное, которое имеет эквивалентное словосочетанием вторичного (синхронного) характера. В пределах текста оно выступает в роли определения, вне – участвует в словообразовании аббревиатур-существительных.

Вывод. В современном русском языке можно выделить адъективную аббревиацию. Возникшие в её результате аббревиатуры вступают в атрибутивные отношения с главным словом словосочетания и указывают на свойства предмета. Аббревиатурная трактовка таких прилагательных возможна только при синхронном подходе к аббревиации. Она опирается на констатацию наличия в эквивалентных текстах синтаксических эквивалентов аббревиатур данного типа. Нами обнаружено четыре типа синтаксических эквивалентов адъективных сложносокращённых слов. Подробное изучение структурных и ономаσιологических особенностей аббревиатур-прилагательных является **перспективой дальнейших исследований.**

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина и др.; Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – М. : Рус. яз., 1989. – 639 с.
2. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Моск. ун-та. Серия 9 : Филология. – 2017. – №6. – С. 73–97.
3. Тихонов А. Н. Современный русский язык (Морфемика. Словообразование. Морфология). – М. : Цитадель-трейд, 2002. – 464 с.

SUMMARY

Valeriya Khaitul. Adjectable abbreviature: on the problem statement

The work substantiates the existence of adjective abbreviations on a synchronous section of the language. The definition of adjective abbreviations is formed, the structural types of equivalence are considered.

Keywords: abbreviation, diachrony, synchrony, adjectable abbreviature, text equivalency.

Царанова Д.

*Науч. рук. – к. филол. н., ст. преп. Дмитриева Ю. Л.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МИКРООБРАЗА БАЙРАКА

В статье рассматриваются основные средства объективации микрообраза Байрака, входящего в языковой образ Горловки, определяются основные черты микрообраза,

зафиксированные в онимах, а также предпринимается попытка классификации топонимов по лексико-семантическим классам и словообразовательным моделям.

Ключевые слова: языковой образ, микрообраз, семантический потенциал, топоним, годоним, гидроним.

Одним из актуальных направлений развития современных интегративных исследований является лингвокраеведение. Изучение родного края привлекает внимание историков, социологов, маркетологов, культурологов, языковедов и др. Обращение к лингвистическому рассмотрению образа города позволяет выявить его сущностные черты, сделать вывод об универсальных и национально-специфичных особенностях восприятия и концептуализации рассматриваемого фрагмента действительности. Кроме того, образ города – одна из основ территориальной и культурной идентификации индивидуума, которая помогает формировать духовную взаимосвязь личности с родным краем.

Языковой образ города – это сложный ментальный феномен, присущий языковому сознанию как индивидуума, так и социума. Как и любой образ, он может быть представлен рядом микрообразов.

Вслед за Н. А. Илюхиной под микрообразом понимаем вербализованное отражение базовой реальности, входящей в структуру образа, в её ситуативных связях. Так, по отношению к образу Горловки образ Байрака как структурная составляющая города квалифицируется нами как микрообраз, который объективируется в языковом сознании индивидуума и социума, прежде всего, ключевым словом, т.е. топонимом *Байрак*, а также названиями улиц, переулков, географических и ландшафтных объектов, учреждений.

Цель настоящей работы – выявление и описание средств вербализации микрообраза Байрака.

В языковом сознании индивидуума микрообраз Байрака объективирован топонимом *Байрак*. В толковых словарях за данной лексемой закреплено значение «сухой овраг, изрытая местность» [3]. Следовательно, в основе рассматриваемого микрообраза лежит представление об ассимилированном человеком природном ландшафте. На эту черту указывают и данные, полученные при исследовании топонимии Донбасса Е. С. Отиным. Учёный отметил, что первоначально рассматриваемый оним состоял из двух компонентов: *Государев Байрак*, т.е. эксплицировал не просто представление о местности, в которой жили люди, но и о её принадлежности определённому лицу (государю). Кроме того, по данным Е. С. Отина, этот населённый пункт был назван так ещё запорожскими казаками и считался «запорожской маестностью» [7, 48], а также долгое время был пограничным поселением

девятой роты полка Прерадовича. «Позднее составной топоним *Государев Байрак*, – отмечает учёный, – сократился до одного слова уже в названии железнодорожной станции в Горловке» [7, 48]. Следовательно, сегодня в языковом сознании индивидуума и социума топоним *Байрак* эксплицирует как часть города Горловки, так и железнодорожную станцию.

Рассматриваемый микрообраз эксплицирован также годонимами, ойкодонимами и гидронимом *Лугань*. Последний репрезентирует, согласно Е. С. Отину, представление о заливной долине, которая могла использоваться жителями под пастбище или сенокос.

Годонимы, вербализующие анализируемый микрообраз, были классифицированы нами по следующим лексико-семантическим классам:

1) от имён людей и их прозвищ: *Дунаевского, Межлаука, Маршала Астахова, Маркина, Севергина, Академика Павловского, Твардовского, Рубинштейна, Дехтярева, Тайшетская* и т.д.;

2) по ландшафту: *Кривой переулок* и др.

Кроме того, данные наименования улиц можно классифицировать по следующим словообразовательным моделям:

1) корень + суффикс -ск- со значение «отношения, свойственности или типической принадлежности тому, что названо мотивирующим словом» [4]: *Дунаевского, Орская, Твардовского, Тайшетская* и др.;

2) сложение основ + суффиксация: *Северодонецкая* и т. п.;

3) существительное + существительное: *Академика Павловского, Маршала Астахова*;

4) существительное + прилагательное: *Кривой переулок*.

Установив «биографии» данных годонимов, мы смогли расширить описание микрообраза Байрака. Однако уже на данном этапе исследования можно определить некоторые черты, эксплицированные приведёнными выше годонимами. Так, составной оним *Кривой переулок* отображает ландшафт данного переулка, что наглядно представлено на карте (см. [6]), а названия *Академика Павловского* и *Маршала Астахова* указывают на значимые для социума имена в определённый период развития (Советский Союз). Так, годоним *Маршал Астахов* квалифицируем как указание на значимый этап в истории страны – образование Советского Союза. Маршал Астахов А. Ф. – участник гражданской войны, который участвовал в боевых действиях на Восточном фронте в составе 1-й Тульской и 1-й Калужской авиагрупп 5-й армии Восточного фронта. С начала Великой Отечественной войны Астахов А. Ф. командовал ВВС Юго-Западного фронта [1].

Еще одно значимое имя в истории, зафиксированное в названии улицы *Академика Павловского* – Евгений Никанорович Павловский, который после образования Советского Союза участвовал в

ликвидации эпидемий сыпного тифа, поразивших воинские части. Во время Великой Отечественной войны Е. Н. Павловский осуществил три экспедиции в Иран. Учёные имеет более 1500 публикаций по различным темам зоологии и биологии [8].

Кроме того, на карте посёлка обозначена и улица, названная в честь знаменитого литератора А. Т. Твардовского.

Следовательно, в проанализированных лексических средствах отображена система представлений о микрообразе Байрака как о территории, характеризующейся особыми ландшафтными чертами и принадлежностью определённого лицу, как о железнодорожном узле, а также репрезентированы данные о значимых именах в истории населённого пункта как части огромной страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авиационная энциклопедия в лицах. – Барс, 2007. – Режим доступа к ресурсу : <http://www.migavia.com/voenkom/astahov.html> (дата обращения : 08.11.2018 г.)
2. Бондалетов В. Д. Русская ономастика : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1981. – Режим доступа к словарю : <http://v-dal.ru/> (дата обращения 08.11.2018 г.)
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – Режим доступа к словарю : <http://www.efremova.info> (дата обращения – 08.11.2018 г.)
5. Илюхина Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации : монография / Н. А. Илюхина. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 320 с.
6. Карта Горловки. Посёлок Байрак [Электронный ресурс]. – Режим доступа к карте: https://yandex.ua/maps/21774/horlivka/?source=serp_navig&mode=search&ll=38.132226%2C48.316440 (дата обращения – 08.11.2018 г.)
7. Отин Е. С. Происхождение географических названий Донбасса / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2014. – 199 с.
8. Энциклопедия Белгородской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа к энциклопедии : <https://beluezd.ru/pavlovski.html>

SUMMARY

Daria Tsaranova. The means of objectification microimage of Bayrak

The article deals with the main means of objectification of the microimage of Bayrak, which is included in the language image of

Gorlovka, defines the main features of the microimage recorded in the onyms, and attempts to classify godonyms by lexical-semantic classes and word-formation models.

Keywords: language image, microbars, semantic potential, toponym, hodonym, hydronym.

Цыбарева А.

Науч. рук. – к. филол. н., доц. Царегородцева С. С.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

им. В. И. Вернадского»,

г. Ялта, РФ

ИНДА, КАЛУШАТА, ПОБИРИМ ОБ АБВ! ОБУЧАЮЩИЙ МОТИВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СКАЗОК (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА СКАЗОК Л. С. ПЕТРУШЕВСКОЙ «ПУСЬКИ БЯТЫЕ»)

Лингвистические сказки – важный инструмент в изучении языка, как детьми, так и взрослыми. Эти сказки отражают основные грамматические нормы языка, помогая обучающимся понять основные принципы словообразования и построения предложений. Нельзя оставить без упоминания и феномен языковой игры.

Ключевые слова: лингвистическая сказка, языковая игра, обучение, язык.

Сказка – прозаическое народнопоэтическое устное произведение волшебного, авантюрного или бытового характера, с установкой на вымысел, имеющее целью развлечение слушателей и отображающее национальное своеобразие народа.

Лингвистическая сказка актуальна для изучения как новый жанр в современной литературе, объединяющий в себе поэзию и науку, применяющийся для развития и обучения грамматическим категориям языка. Главной целью лингвистической сказки является обучение грамматике языка и развитие научного мышления на основе полученных знаний.

Именно анализ лингвистических сказок как феномена, а также их обучающих возможностей является целью данной статьи.

Мы поставили перед собой следующие задачи: рассмотреть цикл «Пуськи Бятые» с точки зрения его обучающих возможностей, проанализировать сказки на предмет языковой игры.

Цикл лингвистических сказок «Пуськи Бятые» Л.С. Петрушевской создавался на протяжении длительного времени

для детей, которые не понимали сути обычных сказок, что говорит о различных видах мышления детей. Язык данных сказок построен по ранее смоделированной фразе Л.В. Щербы: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка» [1]. Особенность фразы заключается в том, что она состоит из произвольно сформулированных корней, к которым добавлены привычные нашему слуху суффиксы, позволяющие предположить семантику слова, поскольку опираются на словообразование и грамматику русского языка. Аналогичным способом строятся предложения и в сказках Л.С. Петрушевской. То же проделал нобелевский лауреат Ричард Фейнман на детском утреннике, прочитав «стихотворение» из набора слов. Когда потом преподаватель спросил его, была ли это латынь или итальянский, тот ответил: «Спросите у детей! Они вам точно скажут» [4].

Л.С. Петрушевская подтверждает это высказывание своим примером из жизни: «Слону Наташе был годик, и она никаких сказок не понимала. Пела ей мама на ночь, пела, а однажды (Слон Наташа стойма торчала в кровати) мама подумала и решила рассказать ей сказку на ее же языке. И начала: „Сяпала Калуша по напушке. И увазила бутявку“. И Слон Наташа поняла, засмеялась и уселась слушать» [3, 4].

Проанализировав некоторые лингвистические сказки Л.С. Петрушевской, мы пришли к выводу, что не только их язык и игровое начало имеют обучающий характер, но и содержание некоторых из них. К примеру, в своей сказке «АБВУКА» писательница показывает процесс обучения «калушаточек» «абвук»: «Инда, калушата, побирим об АБВ! Яете АБВ? <...> Яйте, калушаточки, – волит Калуша. – АБВ – кузявая абвука! Без АБВ калушата не высыпают в калуши» [2].

Сюжет явно повествует о процессе изучения букв детьми Калуши, а также их явном нежелании учиться: «А! Б! В! Бирьте: «Ааа...». А калушата бирят: «Оу... Ня... Пся...Кгг...». «Ни! – волит Калуша – Ааа! Бээ! Вээ!»». Но калушата как тырснут в бурдысья! (Не уявиш аб-)» [2].

Эта сказка не просто набор узнаваемых грамматических форм, а поучительная история для детей, показывающая необходимость учебы в жизни каждого ребенка. Петрушевская не только изображает непослушных «калушат», но и результат их непослушания: «А бутявка за напушкой волит: «Калушата не яют АБВ! Зюмо некузявые! Пуськи бятые!» [2].

Из других произведений этого цикла («Не псни!», «Антибутявка», «Пуськи Бятые» и др.) явственно видно, что Калуши и Бутявки находятся в плохих отношениях. Именно поэтому финальное высказывание бутявки должно служить своеобразным примером,

что над невежеством всегда будут смеяться. Понимание этого должно подтолкнуть детей к осознанию необходимости обучения, ведь они не хотят быть как «некузявые калушата».

Не менее поучительной является сказка «Про глокую куздру и бокренка», где Л.С. Петрушевская изображает, как Калуша рассказывает калушатам поучительную историю, делая отсылки на Л.В. Щербу: «Инда побирим про Щербу.<...> А Щерба, – бирит Калуша, – огдысь-егдысь нацирикал: «Глокая куздра кудланула бокра и курдячит бокренка»[2]. Логически размышляя, мы можем понять, что Калуша не одобряет действия куздры, и далее в сказке заставляет своих детей задуматься над правильностью обозначенной ситуации: «Ну и бирьте: кузяво ли, егды Канна, Манна и Гуранна курдячат Кукусю? А? Кудланули и курдячат? А?» [2]. Она ставит своих детей на место «некузявой куздры» и «бокра», таким образом, на их личном примере показывая, что нельзя кого-либо «курдячить», кроме «бутявчонка» (плохие отношения между семьями не остаются без внимания).

Используя метод языковой игры, в своих сказках Л.С. Петрушевская делает обучение интересным. Ее произведения увлекают детей необычностью и большим простором для фантазии, а для филологов являются важным предметом изучения, показывая нестандартные подходы к использованию возможностей языка.

Данная статья показывает, что лингвистические сказки являются перспективным инструментом в обучении, дают материал для исследования таких понятий как язык, языковая игра, жанровое своеобразие лингвистических сказок. Такие произведения интересны и полезны не только детям, но и взрослым (для ознакомления или в качестве дополнения к обучающему материалу для иностранцев, изучающих русский язык).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларин Б. А. Памяти академика Льва Владимировича Щербы, 1880-1944 : сборник статей / Б. А. Ларин, Л. Р. Зиндер и др. // Изд-во Ленинградского гос. университета, 1951. – 320 с.
2. Петрушевская Л. Лингвистические сказки [Электронный ресурс] / Режим доступа : <https://www.liveinternet.ru/users/vsesama/post153712996/> (дата обращения: 12.06.2018).
3. Петрушевская Л. С. Дикие животные сказки. Морские помойные рассказы. Пуськи Бятые / Л. С. Петрушевская. – М. : Эксмо, 2003. – 272 с.
4. Фейнман Р. Ф. Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман! [Электронный ресурс] / Режим доступа : http://lib.ru/ANEKDOTY/FEINMAN/feinman.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 12.11.2018)

SUMMARY

Linguistic fairy tales are an important tool in language learning for both children and adults. These tales reflect the basic grammatical norms of the language, helping students to understand the basic principles of word formation and sentence construction. It is impossible to leave without mentioning the phenomenon of language game.

Keywords: linguistic fairy tale, language game, teaching, language.

Чернецкая А.

*Науч. рук. – к. филол. н., доц. Шишкина И. Е.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ТРАДИЦИИ СЯТОЧНОГО РАССКАЗА В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЕЛКЕ»

Новый год и Рождество широко представлены в мировой литературе. Художественные тексты, в которых описаны события, происходящие в период святок, относятся к жанру святочного рассказа. В нашей статье рассматриваются традиции русской святочной литературы на примере произведения Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке».

Ключевые слова: святочная литература, святочный рассказ, жанр, Рождество, чудо.

Во второй половине XIX века многие русские писатели создают произведения в русле святочной литературы. Святочная литература – это разновидность православной религиозной календарной праздничной литературы, в которой главным сюжетным (фабульным) событием становится праздник, отмечаемый во время Святок (с 25 декабря по 6 января по старому стилю или с 7 по 19 января по новому стилю).

Одним из жанров святочной литературы является святочный рассказ. Вот что писал об этом жанре Н. С. Лесков – создатель многих святочных рассказов: «От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера – от Рождества до Крещения, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль... и, наконец, – чтобы он оканчивался непременно весело. В жизни таких событий бывает немного, и поэтому автор неволит себя выдумывать и сочинять фабулу, подходящую к программе» (цит. по: [2, 94]).

Святочный рассказ – вариация жанра, берущего свое начало в мистерии, где художественное пространство трехмерно, трехуровнево: мир земной, реальный; мир горний, небеса и последний – преисподняя, ад. Помимо этого, важнейшими элементами произведений святочной литературы являются приуроченность времени действия к зимнему праздничному циклу и набор постоянных мотивов. Зимние праздники включали в себя и языческие святки, и церковный праздник Рождества, и мирской праздник Нового года. Постепенно святочный рассказ притягивает к себе весь «мир чудесного» [5, 92]. Е.В. Душечкина отмечает, что «литературный жанр святочного рассказа живет по законам фольклорной и ритуальной “эстетики тождества”, ориентируясь на канон и штамп – устойчивый комплекс стилистических, сюжетных и тематических элементов» [3]. К постоянным мотивам святочного рассказа относятся: мотив «божественного дитя» – младенца, посланного на землю Богом для спасения человечества, мотив рождественского чуда и мотив «нравственного перерождения».

Эти мотивы мы встречаем в рассказе Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке». Цель нашей статьи – показать, что это произведение русского писателя можно отнести к жанру святочного рассказа.

«Мальчик у Христа на елке» был опубликован наряду с другими материалами о «русских теперешних детях» в 1876 году в январском выпуске «Дневника писателя». Тема голодного и нищего ребёнка появляется уже в первых произведениях Ф.М. Достоевского («Бедные люди», «Ёлка и свадьба»), и писатель не отступал от неё в течение всей жизни. Но особенно пронзительно она звучит в рассказе «Мальчик у Христа на елке».

Традиционно главными героями святочных рассказов являются дети, как символ чистого, доброго рождественского чуда. Сошествие на землю Бога положило начало спасению человечества от греха – в святочном рассказе образ Божественного Младенца многократно отражается в образе ребенка, который тоже постоянно спасает людей от отчаяния, от дурных желаний и чувств. Герой повести Ф.М. Достоевского – маленький мальчик «лет шести или даже менее, одетый в какой-то халатик». В этом же халатике он потом отправится бродить по огромному городу, напоминая образ рожденного Христа. Мальчик живет в подвале, ему холодно, страшно, хочется есть, но некому его покормить, он одинок, рядом – только мертвое тело матери, единственное развлечение – пускать пар изо рта и забавляться тем, как он вылетает. Писатель не дает имя мальчику, желая заострить внимание на том, что события, описываемые в рассказе, могли произойти с любым брошенным и забытым ребенком.

Главное, что характеризует произведение «Мальчик у Христа на елке» как святочный рассказ – это календарная приуроченность. Уже по названию рассказа мы понимаем, что события, в нем описанные, происходят во время святого праздника – Рождества Христова. Писатель обозначает время, описываемое в повести – «в самую елку перед Рождеством», то есть в период святок. Вот как описывает писатель праздник в одном из домов, мимо которого проходит герой произведения: *«какое большое стекло, а за стеклом комната, а в комнате дерево до потолка; это елка, а на елке сколько огней, сколько золотых бумажек и яблоков, а кругом тут же куколки, маленькие лошадки; а по комнате бегают дети, наряженные, чистенькие, смеются и играют, и едят, и пьют что-то»*. А маленькому мальчику, заглядывающему в чужие окна, одетому по-летнему, холодно, *«хочется поесть, хоть бы кусочек какой-нибудь»*, *«у него болят уже пальчики на ножках, а на руках стали совсем красные, уж не сгибаются и больно пошевелить»*. В данном эпизоде используется классический для святочного рассказа прием – контрастное изображение жизни богатых и бедных, сытых и голодных, счастливых и несчастных людей, которые, несмотря на различия в материальном и душевном состоянии, находятся в одном пространстве, в данном случае на одной улице. Такой мир страшен, в нем нет равных между собой, кому-то хорошо и радостно, а кто-то изнывает от невыносимой боли.

Как и большинство святочных рассказов, произведение «Мальчик у Христа на елке» начинается с описания жизненной несправедливости, крайней бедности, несчастья главного героя: *«я все встречал на улице, одного мальчишку, никак не более как лет семи. В страшный мороз он был одет почти по-летнему, но шея у него была обвязана каким-то старьем... Он ходил «с ручкой»; это технический термин, значит – просить милостыню»*. Автор не называет место действий, говоря *«в каком-то огромном городе и в ужасный мороз»*, акцентируя таким образом внимание на типичности ситуации в реальной жизни, но мы догадываемся, что это Петербург – город, в котором происходят события многих произведений Ф.М. Достоевского. Так писатель, с одной стороны, создает образ Петербурга, с другой – выделяя слово «какой-то» курсивом, желает подчеркнуть универсальный характер происходящего: дети гибнут от холода и голода в любом российском городе.

В первой части рассказа, которая называется «Мальчик с ручкой» дается описание жизни несчастных детей, просящих милостыню для своих неблагополучных родителей, которых писатель неоднократно встречал на улицах: *«их высылают «с ручкой» хотя бы в самый страшный мороз, и если ничего не наберут, то наверно их ждут побои. Набрав копеек, мальчик возвращается с красными,*

окоченевшими руками в какой-нибудь подвал, где пьянствует какая-нибудь шайка халатников» и где *«пьянствуют с ними их голодные и битые жены, тут же пищат голодные грудные их дети. Водка, и грязь, и разврат, а главное, водка»*. И это типичная ситуация: *«Это дикое существо не понимает иногда ничего, ни где он живет, ни какой он нации, есть ли Бог, есть ли государь; даже такие передают об них вещи, что невероятно слышат, и, однако же, всё факты»*.

Наличие автора-рассказчика, который обрамляет повествование, еще одна особенность литературного святочного рассказа. В начале рассказа автор описывает реальное событие, факт из действительности, во второй части Ф.М. Достоевский домысливает увиденное, пытается «дорисовать» скрытые стороны жизни маленького мальчика. Так повествование о судьбе беспризорных детей вытекает в историю одного мальчика, вынужденного замерзнуть на людных петербургских улицах, голодного, брошенного на произвол судьбы, давно не евшего досыта и не видевшего ничего, кроме пьянства, нищеты, грубости, разврата и равнодушия. В этом рассказе мы оказываемся свидетелями того, как из одной маленькой реальной подробности – случайно встреченный ребенок на улице – фантазия писателя создает целостную живую картину, реальную и фантастическую одновременно.

Казалось бы, только чудо может спасти несчастного мальчика от страшных мучений. И чудо произошло: наконец мальчик избавился от той физической боли, которую он испытывал от холода и голода, и почувствовал невероятное тепло. Ему хорошо, он счастлив. Но последняя черта жанра – мотив чудесного – в рассказе решается неоднозначно. В святочных рассказах чудесное связано с изменением жизни героев в лучшую сторону, например, со спасением от смерти. В рассказе же Ф.М. Достоевского развязка трагична: герой погибает. В реальной жизни чудо не происходит. Оно совершается в ином, небесном плане, где чудесное, как указывает Н.М. Копытцева, «связано с событием сверхъестественным – с явлением Самого Господа» [4, 36]. Открыв глаза, мальчик увидел яркий свет, а затем праздник, большую елку и свою маму. Ребенок приходит на празднество, где так много детей, все улыбаются и танцуют, радуются Рождеству. Мальчик не понимает, как он там оказался, ведь еще совсем недавно всё это было так далеко и недоступно. Тогда ему объясняют, что здесь находятся *«такие же, как он, дети, но они замерзли в своих корзинках..., другие задохлись у чухонки..., третьи умерли у иссохшей груди своих матерей..., четвертые задохлись в вагонах третьего класса от смрада, все они теперь как ангелы»*, а дарит это всё своим детям спаситель Иисус Христос.

Как мы уже говорили выше, художественное пространство святочного рассказа трехуровнево: в нем присутствует, в том

или ином виде, мир земной, мир небесный и мир подземный. К реальному, земному миру в «Мальчике у Христа на елке» относится описание большого города и описание городка, откуда приехал мальчик со своей матерью: *«Там, откуда он приехал, по ночам такой черный мрак, один фонарь на всю улицу. Деревянные низенькие домишки запираются ставнями; на улице, чуть смеркнется – никого, все затворяется по домам, и только завывают целые стаи собак...»* Описание холодного и сырого подвала, в котором ребенок находится весь день, где темно и страшно, можно ассоциировать с преисподней. Третий мир – мир горний, небеса присутствует в описании елки у Христа, там мальчик попадает в атмосферу любви и участия, обретая то, чего у него не было на земле, – семью, дом, где его любят: *«... о, какой свет! О, какая елка! Да и не елка это, он и не видал еще таких деревьев! Где это он теперь: все блестит, все сияет и кругом все куколки, – но нет, это все мальчики и девочки, только такие светлые, все они кружатся около него, летают, все они целуют его...»*.

Здесь изображается тот волшебный мир, на который заслуживает каждый ребёнок; происходит встреча с представителем мира чудесного, дети избавляются от мучений в реальной жизни и отправляются в другую, нереальную, но новую и счастливую. Такой конец, несомненно, является традиционным для святочного рассказа.

Таким образом, рассказу «Мальчик у Христа на елке» присущи все жанровые признаки святочного рассказа. События, описанные Ф.М. Достоевским, происходят в канун Рождества, главный герой произведения – ребенок, действие разворачивается в двух временных пластах: в реальном и в фантастическом. Реальность происходящего подчеркивает, с одной стороны, образ автора-рассказчика, обрамляющий все повествование, а с другой – воссозданный образ Петербурга. Чудо здесь представлено явлением Иисуса Христа. Мотив реальности тесно связан с фантастическими элементами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф. М. Мальчик у Христа на ёлке. – Полное собрание сочинений в 30 томах. – Л. : Наука, 1981. – Т. 22. – С. 13-17.
2. Душечкина Е. В. «От святочного рассказа непременно требуется...» (Н. С. Лесков и традиция русского святочного рассказа) // Русская литература и культура нового времени. – СПб., 1994. – С. 94-108.
3. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра / Е. В. Душечкина. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1995. – 258 с.

4. Копытцева Н. М. Святочный рассказ Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» // Литература в школе. – 2003. – № 5. – С. 35-36.
5. Шишкина И. Е. «Черная курица, или Подземные жители» Антония Погорельского как произведение святочной литературы / И. Е. Шишкина // Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / Горловский ин-т иностр. языков ; Редкол. : С. А. Кочетова и др. – Вып. 4(28). Литературоведение. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2017. – С. 91-99.

SUMMARY

Alina Chernetskaya. The traditions of Christmas story on the example of F.M. Dostoevsky's story «The Boy with Christ at the Christmas Tree»

New Year and Christmas are widely represented in the world literature. The artistic texts which describe events occurring during the Christmas time belong to the genre of the Christmas story. The traditions of Russian Christmas story on the example of F.M. Dostoevsky's story "The Boy with Christ at the Christmas Tree" are observed in our article.

Keywords: Christmas literature, Christmas story, genre, Christmas, miracle.

Шапков И.

Науч. рук. – д. филол. н., проф. Теркулов В. И.
ОО ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР

ПОЛИЖАНРОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

В статье рассматриваются когнитивно-прагматические особенности полижанровой организации как конституирующего свойства религиозного интернет-дискурса через применение определенных стратегий и тактик, способных воздействовать на языковую личность реципиента в выборе жанрового пространства.

Ключевые слова: полижанровая организация, жанры религиозного интернет-дискурса, гипержанровое и субжанровое пространство.

Современные исследования в области интернет-дискурсологии характеризуются повышенным вниманием к жанровым формам, функционирующим на ресурсах Глобальной сети. **Актуальность**

исследования объясняется, во-первых, возрастающим интересом к исследованию жанровой природы интернет-дискурсивных образований, во-вторых, предположением о том, что сетевые возможности предопределяют модификацию форм дистрибуции, подчас информационного материала и в совокупности с гипертекстовой организацией обеспечивают реализацию когнитивно-прагматического потенциала религиозного интернет-дискурса (РИД).

Цель данной работы заключается в исследовании полижанровой организации пространства РИД через когнитивно-прагматическую специфику реализации социокоммуникативных интенций и иллюкутивных установок его участников. Достижение цели связано с решением следующих задач:

- 1) определением *жанров* как структурирующих компонентов РИД;
- 2) рассмотрением разноуровневой полижанровой организации как конституирующего свойства РИД;
- 3) анализом применения ряда когнитивно-прагматических стратегий в гипертекстовом оформлении РИД.

Объект исследования данной работы представлен системой жанров разного уровня, способствующих реализации когнитивно-прагматических стратегий и тактик в отношении языковой личности реципиента в пространстве РИД.

Вопросы функционирования языка в социокоммуникативном пространстве, выбор форматов информационно-дистрибутивных практик определяют рамки исследования *полижанровой организации РИД*. Так называемая «теория виртуального / цифрового жанроведения» упоминается в работах Е.Н. Вавиловой, Е.И. Горошко, Л.Ф. Компанцевой, О.В. Лутовиновой, Е.А. Пономаренко, А.Н. Тарасовой, М.А. Ульяновой, М.Д. Юрьевой, D. Crystal и ряда других исследователей. Изучение жанрового разнообразия Сети, предполагающее наличие нового поколения информационных носителей / источников, невозможно без введения ряда дополнительных терминов. Согласимся с мнением О.В. Лутовиновой, считающей, что «изменение материального источника носителя информации с бумажного на электронный привело к новому способу организации текстового пространства» [3, 136]. Данные изменения стали одной из причин возникновения понятия «гипертекст», которому присущи следующие характеристики: а) отсутствие линейности, последовательности и непрерывности представления информационного материала; б) выполнение функции сетевого источника, «к которому обращаются за той или иной конкретной информацией, а не читают последовательно от начала до конца» [3, 137]; в) мгновенные

запросы и представление текстового фрагмента благодаря техническим особенностям сетевого функционала; г) возможность осуществления браузеринга и навигации посредством гиперссылок и т.д. Названные характеристики гипертекста являются одним из условий организации полижанрового пространства РИД.

Классическое определение речевого жанра, предложенное М.М. Бахтиным («устойчивый тип текста, объединенный единой коммуникативной функцией, а также сходными композиционными и стилистическими признаками» [цит. по А.Н. Тарасова]), лишь частично охватывает все пространство жанрового многообразия, репрезентирующего интернет-дискурсивные образования. Основываясь на положениях теории речевого жанра М.М. Бахтина, исследователь Н.Г. Асмус определяет речевой жанр как «типичную модель речевого поведения в повторяющихся коммуникативных ситуациях, характерных для определенных сфер человеческой деятельности» [1, 34]. И.В. Силантьев предлагает рассматривать жанры как «определенные типы высказываний в рамках определенного дискурса» [цит. по О.В. Лутовинова, 165]. М.А. Ульянова в статье «Классификация жанров интернет-дискурса» рассматривает жанр как «устойчивую модель речевой деятельности в определенной сфере общения в зависимости от факторов коммуникативной ситуации» [5].

Учитывая многообразие определений в отношении жанрового инструментария, считаем возможным определить жанры религиозного интернет-дискурса как способы распространения информации через формы представления текстового материала, обладающие свойством гипертекстуальности, обусловленные конкретной социокоммуникативной ситуацией и особенностями когнитивно-прагматического воздействия на языковую личность участника РИД.

Говоря об осуществлении информационной дистрибуции посредством гипертекстового материала в рамках РИД, следует учесть фактор языковых личностей продуцента (ЯЛПр) и реципиента (ЯЛР) как основных структурирующих элементов исследуемого пространственно-сетевого временного явления, от коммуникативных интенций и иллюкутивных установок которых зависит выбор гипержанровой, жанровой и субжанровой форм, что в совокупности и организует полижанровое пространство РИД. На наш взгляд, полижанровая организация религиозного интернет-дискурса имеет право на статус свойства, наделяющего дискурсивное пространство когнитивно-прагматическим потенциалом, что позволяет нам представить объект исследования как особую систему реализации языковых личностей участников РИД, обусловленную экстралингвистическими факторами использования гипертекстового

материала в соответствии с выбранным жанром, отвечающим социокоммуникативным потребностям продуцента и реципиента.

Считаем, что стратегии реализации социокоммуникативных интенций и иллюкативных установок языковых личностей участников можно наблюдать на различных уровнях полижанровой организации РИД. Для доказательства нашего предположения рассмотрим основные жанровые уровни на примере полижанровой организации портала «Православное Христианство.Ру».

С целью конкретизации *жанровых уровней*, репрезентируемых фрагментарным гипертекстовым оформлением, в данной работе мы вводим термин «переходный этап» (ПЭ). Жанры РИД не состоят в зависимой друг от друга связи, но могут представлять множество маршрутов последовательной навигации пользователя Сети с целью поиска информации. Например, определим предполагаемый маршрут навигации от *гипержанрового пространства* портала «Православное Христианство.Ру» (*гипержанр первого ПЭ*) → пространство гипержанра «Портал Православие.Ру» (*гипержанр второго ПЭ*) → «Рубрики портала» (*гипержанр третьего ПЭ*, который распадается на множество жанров первого переходного этапа) → «Публикации», «Основы Православия», «Молитвослов» и т.д. (*жанры первого ПЭ*, распад которых на *жанры второго, третьего и т.д. ПЭ* наблюдается в ходе дальнейшей навигации). Итак, *исходное гипержанровое пространство (гипержанр первого ПЭ)* включает в себя разнообразное множество религиозных порталов и сетевых ресурсов (*гипержанры второго ПЭ*), состоящих между собой в нелинейной связи, репрезентирующих в свою очередь определенный спектр жанров. Многофункциональные и гипертекстовые возможности портала как *гипержанра* способствуют реализации стратегии первичного вовлечения языковой личности пользователя в процесс тематического поиска и восприятия информационного материала. Например, *религиозный портал «Православное Христианство.Ру» (гипержанр первого ПЭ)* (URL:<http://www.hristianstvo.ru/internet/portals>), представляет собой каталог множества вебсайтов религиозных порталов (*гипержанры второго ПЭ*) («Православный портал» (URL:<http://www.pravoslavie.ru>), «Научный богословский портал» (URL:<http://www.bogoslov.ru>), «Мультимедийный портал о Православии и жизни общества» (URL:<http://www.pravmir.ru>) и т.д.). Конститутивная природа портала как гипержанра предполагает возможность мгновенного нелинейного перехода от одного веб-ресурса к другому, что способствует реализации социокоммуникативной интенции языковой личности продуцента (ЯЛПр) через стратегии: а) создания эффекта привлекательности сетевого контента и б) удержания внимания языковой личности реципиента (ЯЛР).

Пространство второго уровня *гипержанра* «Православный портал» представлено рядом субжанров по отношению к гипержанру как источнику гипертекстового материала (*гипержанры третьего ПЭ*), среди которых можно назвать «Рубрики портала», «Встреча с православием», «Интернет-журнал», «Вопросы священнику», «Новости», «Медиа» (URL:<http://www.pravoslavie.ru/1098/>). Считаем, что через тактики а) анонсирования жанрового разнообразия; б) вызова заинтересованности в дальнейшем получении информационного материала; в) создания комфортного взаимоотношения в информационно-интерпретативном процессе; г) обеспечения комфортного восприятия сетевого контента реализуются стратегии вторичного вовлечения ЯЛР в участие в информационно-дистрибутивном процессе в пространстве РИД и сохранения достигнутого уровня ретрансляции информационного материала.

Разветвление, например, *субжанровых пространств* «Рубрики портала», «Встреча с Православием», «Интернет-журнал» и др. на более частные жанры первого ПЭ способствует реализации ряда когнитивно-прагматических стратегий: 1) стратегия самоидентификации языковой личности продуцента через тактику презентации социокоммуникативного статуса: «Колонка главного редактора», «Жизнь церкви», «Святые и святыни», «Подвижники благочестия», «Идеи и концепции»; 2) стратегия акцентирования внимания на проблемах личностно-ориентированного характера, посредством тактики презентации ценностно-тематического направления «Семья», в пространстве которого наблюдается тактика презентации осведомленности ЯЛПр и его опытности в решении определенных проблем, представляемых заголовками гипертекстовых фрагментов: «Кризис семьи – кризис любви», «Встреча. Мужчина и женщина», «Накорми ребенка вдоволь своей любовью и добротой», «Секрет, который придумал для брака Бог», «Средства от подросткового эгоизма» и т.д. (URL:<http://www.pravoslavie.ru/41/>); 3) стратегия анонсирования проблем общественно-ориентированного характера: «Общество», «История», «Культура» «Идеи и концепции» и т.д.

Результаты проведенного исследования доказывают правомерность предположения о том, что: а) религиозный интернет-дискурс представляет собой глобальное сетевое когнитивно-прагматическое образование, функционирование которого обеспечивается рядом конститутивных свойств, к числу которых относится и полижанровая организация РИД; б) разноуровневая полижанровая организация, опосредуемая гипертекстовыми возможностями сетевого пространства,

способствует эффективному вовлечению языковой личности пользователя сети в участие в информационно-интерпретативном процессе, что впоследствии благоприятно сказывается на реализации когнитивно-прагматического воздействия на ЯЛР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : дис. ... к. филол. наук / Н. Г. Асмус. – Челябинск, 2005.
2. Дементьев В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.
3. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : монография / О. В. Лутовинова. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 477 с.
4. Тарасова А. Н. Жанровое разнообразие сетевых текстов / А. Н. Тарасова // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19. – № 4. – Режим доступа к статье : URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovoe-raznoobrazie-setevykh-tekstov>.
5. Ульянова М. А. Классификация жанров интернет-дискурса / М. А. Ульянова // Lingua mobilis. – 2014. – № 3 (49). – Режим доступа к статье : URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-zhanrov-internet-diskursa.pdf>.

SUMMARY

Igor Shashkov. Polygenre organization of the religious internet-discourse

The article deals with cognitive pragmatic particularities of polygenre organization as a constituting feature of the religious internet-discourse through the use of definite strategies and tactics influencing the recipient's linguistic identity choice of a genre space.

Keywords: polygenre organization, genres of the religious internet-discourse, hypergenre and subgenre spaces.

Артамонов Д.

Науч. рук. – к. филол. н., доц. Юрьева Е. В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
технический университет»,
г. Донецк, ДНР

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОГАНОВ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ)

В данной статье рассмотрены некоторые коммуникативные стратегии и тактики, которые использует адресант слогана социальной рекламы для воздействия на адресата.

Ключевые слова: адресат, адресант, слоган социальной рекламы, коммуникативная стратегия, тактика.

Успех в коммуникации напрямую зависит от умения эффективно владеть тремя определяющими категориями: логикой, психологией и речью. Последняя особенно важна, поскольку вся информация доносится до адресата посредством языка (речи). Языковая коммуникация является упорядоченным явлением, которое основывается на планировании речевых действий и выборе оптимального способа достижения целей коммуникантов. Каждое высказывание выполняет множество функций и преследует множество целей, в связи с которыми адресант выбирает языковые средства, оптимально соответствующие задачам общения.

Сообщая что-то, адресант, прежде всего, думает о результативности высказывания, то есть о его эффективности, однако в то же время учитывает различные подходы, которые в большей или меньшей степени соответствуют конкретной ситуации общения. Это дает нам возможность рассматривать речевую коммуникацию в аспекте общей стратегии (с точки зрения цели) и конкретной тактики (учитывая ее достижения). А.Иссерс утверждает, что речевая коммуникация – это стратегический процесс, базисом для которого является выбор оптимальных языковых средств [5, 10].

Первоначально термин «стратегия» не являлся лингвистическим, а был заимствован из военной науки и означал «область военного искусства, включающая теорию и практику ведения войны, военных кампаний и крупных боевых операций». В широком смысле – это «искусство планирования руководства, основанное на правильных далеко идущих прогнозах» [7].

Несмотря на то, что коммуникативные стратегии являются предметом многих лингвистических исследований, однозначного определения этого понятия до сих пор не существует. В результате каждый исследователь предлагает свое понимание термина «стратегия». И.Н. Борисова утверждает, что коммуникативная стратегия – это способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенций коммуникантов. В широком смысле коммуникативная стратегия понимается как сверхзадача речи, диктуемая практическими целями говорящего. По мнению И. Н. Борисовой, коммуникативная стратегия – это способ реализации замысла адресанта, она предполагает отбор фактов и их подачу в определенном освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата [2, 85].

Иногда под стратегией понимают ряд решений говорящего, коммуникативный выбор тех или иных речевых действий и языковых средств. С другой точки зрения, стратегию связывают с реализацией набора целей в процессе общения. Эти два подхода не противоречат друг другу, а наоборот, дополняют друг друга, они в совокупности глубже раскрывают многоуровневую и полифункциональную природу речевого общения и его построение [6, 193].

По мнению О.С. Иссерс, «речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Другими словами, речевая стратегия – комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей».

Коммуникативные стратегии отличаются гибкостью и динамикой, так как в процессе общения они испытывают постоянные корректировки, непосредственно зависят от речевых действий оппонента и от контекста дискурса, которые постоянно дополняются и изменяются [6, 194].

Как правило, в случае кооперативного (неконфликтного) общения его стратегию определяют поиски «общего языка», то есть диалогического сотрудничества: отбор языковых средств, выбор тональности общения, формирование благоприятной атмосферы взаимодействия всех участников коммуникации и тому подобное. По мнению Ф.С. Бацевича, стратегия речевого общения, или коммуникативная стратегия – это оптимальная реализация интенций говорящего в отношении достижения конкретной цели, то есть контроль и выбор действенных ходов общения и гибкого их видоизменения в конкретной ситуации [1, 133].

Современная лингвистика не обладает и однозначной классификацией коммуникативных стратегий. Рассмотрим несколько подходов к типологии стратегий. Под углом зрения

функционального подхода О.С. Иссерс предлагает выделять основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии. Основной можно назвать стратегию, которая на определенном этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. В большинстве случаев к основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, на его модель окружающего мира, на систему ценностей, на его поведение (как физическое, так и интеллектуальное). Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата. Вспомогательные стратегии включают: прагматические (коммуникативно-ситуативные) стратегии, диалоговые и риторические.

В лингвистической литературе выделяют кооперативные и некооперативные стратегии речевого общения. Кооперативные стратегии воплощаются в информативные и интерпретативные диалоги – советы, обмен мнениями, рассказы, сообщения и тому подобное. Некооперативные находят свое воплощение в конфликтах, спорах, претензиях, угрозах и т.д.

Ввиду модели порождения и понимания дискурса, Т.А. ван Дейк и В.Кинч выделяют пропозициональные стратегии, стратегии локальной когерентности (связности), макростратегии, а также схематические, продукционные, стилистические, риторические, невербальные, разговорные стратегии [4, 163].

Проанализировав теоретический и фактический материал, приходим к выводу, что коммуникативная стратегия – это модель общения, направленная на планирование процесса коммуникации, результатом которого является достижение определенных задач; комплекс речевых действий, направленных на достижение интенций адресанта.

В каждой коммуникативной ситуации используется своя коммуникативная стратегия, которая способствует достижению целей общения. Стратегия рассматривается как осознание ситуации в целом, определение направления развития и организации воздействия в интересах достижения основных задач общения. Стратегия общения реализуется в речевых тактиках, под которыми понимают речевые приемы, позволяющие достичь поставленных задач в конкретной ситуации. В коммуникативных ситуациях бытового общения действенными являются одни речевые тактики, в дискурсе социальной рекламы – другие. При речевом воздействии на различные социальные группы следует также выбирать соответствующие речевые тактики, помня при этом, что ни одна из тактик не является универсальной и эффективной во всех ситуациях [3, 163]. В данной статье мы попытались рассмотреть некоторые речевые ходы и тактики, которые

использует адресант слогана социальной рекламы для воздействия на адресата. Например: **аллюзия** «*Читать не вредно, вредно не читать*» (http://alldayplus.narod.ru/2011/4_29/49.jpg), **метафора** «*Если вы курите, по статистике ваша история закончится на 15% раньше положенного срока*» (<https://ru.fishki.net/picsw/122011/07/post/reklama/4.jpg>), **олицетворение** «*Ожирение убивает больше людей, чем ДТП*» (http://www.2social.info/wp-content/uploads/2015/09/chocolate_2social-973x648.jpg), **сравнение** «*Ваша скорость = количеству дней в больнице*» (<https://ru.fishki.net/picsw/122011/07/post/reklama/5.jpg>), **фонетический и ритмический повтор** «*Циник, нигилист, цени книги лист*» (<http://lib-rarium.blogspot.com/2015/12/blog-post.html>), **употребление эпитетов** «*Хорошие книги поднимают тебя до небывалых высот*» (<https://www.mann-ivanov-ferber.ru>), **попытка афоризма** «*Не выше, не сильнее, а умнее*», – полуафоризм **ФК «Химки» Андрей Тихонов** (<http://www.sostav.ru/blogs/56013/6562/>), «*Если во всем облом, сдавайся и иди в библиотеку*», – **Стивен Кинг** (<http://kyl.guru/index.php?newsid=36>), «**игра слов**» «*Каждая жизнь дорога. Трезвая реакция на дороге спасает жизни*» (<http://kamzkh.ru/7763-sotsialnaia-reklama-pro-dorogi-petropavlovsk-pobedila-na-rossiiskom-konkurse.html>), **постпозиционные определения (эффект края)** «*Мой муж самый лучший. Надежный, верный, трезвый*» (<http://trезвый-город.рф/>) и др.

Следовательно, изучение коммуникативных стратегий и тактик занимает важное место в современной коммуникативной лингвистике, однако эти понятия не имеют однозначной дефиниции и типологии. Проанализировав подходы исследователей к определению речевых тактик и стратегий, можно сделать вывод, что коммуникативные тактики и стратегии – это комплекс речевых действий, направленных на достижение целей адресанта.

В зависимости от интенций, в частности, а также коммуникативной ситуации в целом, адресант слогана социальной рекламы выберет те языковые средства, благодаря которым наиболее эффективно будут выполняться поставленные задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бацевич Ф.С. Основы коммуникативной лингвистики: учебник / Флорий Сергеевич Бацевич. – 2-е изд., доп. – К.: ВЦ «Академия», 2009. – 376 с.
2. Борисова И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа / И.Н. Борисова // Жанры речи. Вып. 2. – Саратов: Колледж, 1999. – С. 81–85.
3. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: Учебник / Под ред. проф. О.Я. Гойхмана. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 272 с.

4. Дейк ван Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 153–211.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 2000. – 940 с.
8. Юрьева Е.В. Специфика использования речевых актов в дискурсе социальной рекламы / Е.В. Юрьева // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 2015. – № 4. – С. 325–329.
9. Юр'єва О.В. Специфіка комунікативних стратегій і ходів у слогані соціальної реклами / О.В. Юр'єва // Лінгвістичний вісник: зб. наук. пр.; [наук. ред. І. А. Герасименко]. – Горлівка: Вид-во ГПМ ДВНЗ «ДДПУ», 2013. – Вип. 2. – С. 62–68.

SUMMARY

Denis Artamonov. Communicative strategies and tactics in modern advertising discourse (on the material of social advertising slogans)

This article discusses some of the communication strategies and tactics that the addresser of a social advertising slogan uses to influence the addressee.

Keywords: addresser, addressee, social advertising slogan, communication strategy, tactics.

Саркісова Я.

Науч. рук. – к. филол. н., доц. Ярошенко Н. А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ОДНОКОМПОНЕНТНЫХ ФИЛЬМОНИМОВ – НОМИНАЦИЙ ЛИЦА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале названий отечественных фильмов и сериалов 2000–2015 гг.)

Статья посвящена изучению структурных особенностей фильмонимов в современном русском языке. На материале названий отечественных фильмов и сериалов 2000–2015 гг.

однокомпонентные фильмонимы – номинации лица классифицируются на основе морфологического и синтаксического параметров.

Ключевые слова: оним, идеоним, фильмоним, структура фильмонима, типология, номинация лица.

Характерной особенностью современной ономастики в числе прочего является пристальное внимание исследователей к периферийным разрядам проприальной лексики. Так, к малоизученным ономастическим разрядам относятся названия фильмов, или *фильмонимы*, которые представляют собой подкласс поля *идеонимов*, т. е. собственных названий объектов, связанных с духовной сферой деятельности человека. Как известно, в родовой класс идеонимов в качестве видовых разновидностей входят такие подтипы онимов, как *библионимы*, *артионимы*, *фильмонимы*, *гемеронимы*, *позтонимы*, *артифрагментонимы* и *хрононимы*. Среди идеонимов лучше всего изучены заглавия литературных произведений – библионимы. Что касается фильмонимов – названий фильмов, то они долгое время оставались вне поля зрения ономастов.

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы проанализировать структурные особенности однокомпонентных фильмонимов в современном русском языке.

Объектом проводимого нами исследования в целом являются фильмонимы – номинации лица, в то время как **объект анализа** настоящей статьи – это однокомпонентные фильмонимы – номинации лица, представляющие собой названия отечественных фильмов и сериалов 2000-2015 гг. **Предмет исследования** составляют структурные параметры рассматриваемых фильмонимов в синтаксическом и морфологическом аспектах.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки фильмонимов – номинаций лица с сайта www.kinopoisk.ru, который является одним из самых популярных русскоязычных кинопорталов, представляющих информацию о фильмах, сериалах, актёрах, режиссёрах и т. п. **Авторская картотека** включает более 500 фильмонимов – номинаций лица.

Отметим, что возможна классификация таких фильмонимов как по сугубо структурному, морфологическому критерию, так и по синтаксическому.

Так, в нашем материале среди однокомпонентных фильмонимов – номинаций лица прежде всего в зависимости от лексической природы производящих основ выделяются следующие разновидности: 1) фильмонимы, восходящие к именам собственным (например, «Азazelь», «Алька», «Ванечка», «Варенька», «Захар», «Иуда», «Дубровский», «Маша», «Шоповалов» и др.); 2) фильмонимы,

восходящие к именам нарицательным (например, «Адвокат», «Агент», «Гость», «Грешник», «Главный», «Домработница», «Знахарка», «Музыкант», «Невидимки», «Участковый», «Цыганки», «Чудотворец» и др.).

Как видим, среди анализируемых фильмонимов представлена модель нераспространенного номинативного предложения, при этом позицию главного члена заполняют как аппеллятивные, так и онимные единицы.

Среди фильмонимов, образованных на базе онимов, представлены следующие разновидности: а) фильмонимы, образованные на базе личного имени в И. п. единственного числа (например, «Азazelь», «Алька», «Ванечка», «Варенька», «Виктор», «Захар», «Иуда», «Маша», «Юрочка» и др.); б) фильмонимы, образованные на базе фамилии в И. п. единственного числа (например, «Дубровский», «Фаворский», «Фурцева», «Хмуров», «Шоповалов» и др.); в) фильмонимы, образованные на базе личного имени, сочетающегося с фамилией/прозвищем в И. п. единственного числа (например, «Александр Македонский», «Ванька Грозный», «Григорий Козинцев», «Динара Асанова» и др.). Такие фильмонимы, как «Барс и Лялька», «Тульский Токарев», «Чехов и КО», «Яна + Янко» могут быть рассмотрены как коллективные номинации лица, представленные в названии фильма, а фильмонимы типа «Дочь Якудзы», «Иван сын Амира», в состав которых, помимо онима, входит ещё тот или иной термин родства, являются по своей функциональной природе уточняющими номинациями лица.

В свою очередь среди фильмонимов, образованных на базе аппеллятивов, выделяются такие разновидности с учётом морфологической природы производящей базы: а) имена существительные мужского рода в И. п. единственного числа (например, «Адвокат», «Агент», «Богатырь», «Викинг», «Воин», «Волчок», «Лейтенант», «Меченосец», «Хуторянин», «Чемпион» и др.); б) имена существительные женского рода в И. п. единственного числа (например, «Авантюристка», «Актриса», «Акушерка», «Ведьма», «Домработница», «Знахарка», «Мыра», «Пленница» и др.); в) имена существительные в И. п. множественно числа (например, «Авантюристы», «Адвокатессы», «Альпинисты», «Амазонки», «Артисты», «Бабоньки», «Беглецы», «Бездельники», «Жмурки», «Залётчики», «Заложники», «Защитники», «Ктуши», «Невидимки», «Цыганки», «Чемпионки», «Чемпионы» и др.); г) субстантивированные прилагательные мужского и женского рода в И. п. единственного числа (например, «Главный», «Участковый», «Великая», «Чокнутая», «Чужая» и др.); д) местоимения (например, «Я»).

Среди однокомпонентных фильмонимов – номинаций лица, которые по своей синтаксической природе являются

распространенными/осложненными номинативными предложениями, частотны следующие разновидности: а) фильмонимы с существительным в И. п. единственного числа в сочетании с прилагательным-определением (например, «Августейший посол», «Бедная LIZ», «Бледнолицый лжец», «Брат Дзян», «Военный корреспондент», «Золотая невеста», «Новая жена», «Плохая соседка», «Тамбовская волчица», «Уральская кружевница», «Чужая дочь», «Чужая женищина» и др.); б) фильмонимы с существительным в И. п. множественного числа в сочетании с прилагательным-определением или существительным в функции приложения (например, «Братья Ч», «Гадкие лебеди», «Неадекватные люди», «Родные люди» и др.)

Фильмоним типа «Две женищины» представляет собой синтаксически неделимое словосочетание «числительное + имя существительное в форме И. п. множественного числа». В структуре фильмонима «Весёлые ребята», как видим, в числе прочих компонентов представлен эмотикон. В то время как такие фильмонимы, как «Александр Наумович и его дети», «Алла в поисках Аллы», «Валерий Гергиев и Мариинский театр» и подобные с точки зрения структуры представляют собой сочетания либо онимов и апеллативов, либо разных разрядов онимов, при этом часть из компонентов в структуре таких фильмонимов являются номинациями лица.

Рассмотреть структурные типы фильмонимов, которые образованы по модели простого двусоставного предложения и содержат номинации лица, – следующий шаг в логике нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кныш Е. В. Наименование кинофильмов как объект ономастики / Е. В. Кныш // Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. тр. – Киев, 1988. – С. 106–111.
2. Кузнецова Т. Б. Принципы номинации в сфере имён собственных-идеонимов (на материале названий фильмов, сериалов) / Т. Б. Кузнецова // Язык. Текст. Дискурс. 2011. – Вып. 9. – С. 207–212.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 198 с.
4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
5. Подымова Ю. Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах / Ю. Н. Подымова. – Майкоп, 2006. – 26 с.

6. Фролова Н. А. Фильмонимы как особый тип имён собственных в современном русском языке / Н. А. Фролова // Доклады XLV научной студенческой конференции по топонимике Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2010. – С. 34–39.

SUMMARY

Yana Sarkisova. The structural types of single component filmonims the nominations of person in Modern Russian (on the material of domestic films and TV series nominations of 2000-2015 year)

The article deals with the structural peculiarities of the filmonims in Modern Russian. On the material of domestic films and TV series nominations of 2000-2015 year the single component filmonims the nominations of person had been categorized according to their syntactic and morphological parameters.

Keywords: onym, ideonim, filmonim, the structure of filmonim, typology, nomination of person.

Кривуля В.

*Науч. рук. – к. филол. н., доц. Ярошенко Н. А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ГОДОНИМОВ КАЛИНИНСКОГО РАЙОНА ГОРОДА ДОНЕЦКА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В статье представлена структурно-типологическая классификация годонимов Калининского района города Донецка, проанализирована продуктивность основных словообразовательных типов. Выявлены наиболее распространенные модели наименований линейных объектов.

Ключевые слова: *топоним, урбаноним, годоним, улица, структурный тип.*

Развитие современной ономастики в числе прочего характеризуется активизацией исследований в области региональной ономастики, что привело в частности к возрастанию интереса учёных к проблемам номинации внутригородских объектов. Одним из подразделов топонимики, как известно, является урбанонимика (от лат. *urbanus* 'городской'), которая занимается изучением собственного имени любого внутригородского топографического объекта, в том числе годонима, агоронима, хоронима, экклезионима,

ойкодонимом [7, 139]. Именно в рамках урбанонимики принято рассматривать названия улиц, площадей, переулков и т. д.

В работе следом за Н. В. Подольской, Т. В. Шмелёвой, А. Ю. Асановым, Ю. Г. Пушкарёвой и др. под годонимом понимаем вид урбанонима, т. е. годоним – это имя улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной, в то время как агороним – это имя площади [6, 5051, 27]. Т. В. Шмелёва, характеризуя хоронимы и годонимы как имена пространств в структуре городского ономастикона, отмечает, что в перечень внутригородских пространственных объектов можно добавить такие, как проспект, набережная, бульвар, тупик, шоссе в его городской протяженности [9, 7]. Таким образом, годоним – это название линейного объекта (улицы, проспекта, бульвара, переулка, линии, шоссе). Годонимы являются достаточно поздним разрядом имён собственных, необходимость в которых возникла по мере разграничения и уточнения реалий материального мира [1, 187].

В. А. Никонов выделяет следующие основные функции топонима: 1) адресная (номинативная); 2) дескриптивная (описательная); 3) идеологическая [5, 62]. Данные функции присущи и годонимам как разновидности топонимов. При этом, как справедливо отмечает Л. В. Егорова, важнейшим условием осуществления топонимических исследований является структурно-типологическая классификация [2, 231].

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы определить и проанализировать структурные типы годонимов Калининского района города Донецка, а также обозначить модели образования годонимов и установить степень их продуктивности. Следует отметить, что названия улиц, проспектов, переулков, бульваров Калининского района города Донецка специально не изучались.

Объектом исследования выступает структура рассматриваемых годонимов Калининского района города Донецка, в то время как предмет анализа составляют морфемные и словообразовательные особенности рассматриваемых годонимов, продуктивность моделей, по которым они образуются.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки годонимов из различных реестров наименований улиц Калининского района города Донецка, а также при подборе фактического материала использовались справочники и карты города. Авторская картотека включает 183 годонима, при этом на территории Калининского района представлены годонимы с такими классификаторами, как улица, переулок, проспект, бульвар и шоссе.

При рассмотрении структурных параметров годонимов Калининского района города Донецка опираемся на классификацию Н. Ю. Забелина, которая создана на основе московской городской

топонимии [3], и на классификацию Л. В. Егоровой, осуществлённую на материале годонимов Чувашской Республики [2].

Как свидетельствует анализ, среди годонимов Калининского района города Донецка в первую очередь можно выделить следующие структурные типы:

1. Односоставные/однословные годонимы, которые наиболее многочисленны (164 единицы, или 89,6 %). Например: ул. Владычанского, ул. Восточная, ул. Высотная, ул. Гагарина, ул. Герцена, ул. Гипрошахтная, ул. Декоративная, пер. Донбасский, просп. Ильича, ул. Казахстанская, ул. Краснодарская, ул. Лазо, ул. Моцарта, ул. Овнатаняна, ул. Профсоюзная, ул. Проходчиков, ул. Рылеева, ул. Таврическая, ул. Юбилейная, ул. Юзовская и др. При этом следует иметь в виду тот факт, что по отношению к годонимам использование таких терминов, как односоставный/однословный условно, так как в состав годонима в обязательном порядке входят такие термины-классификаторы, как улица, переулок, проспект и под.

2. Двухсоставные/двухсловные (16 единиц, или 8,7 %): ул. Всеволода Вишневого, ул. Дружбы народов, ул. Евгения Орлова, ул. Капитана Ратникова, ул. Комсомольской Правды, ул. Любы Шевцовой, Макеевское шоссе, ул. Марии Ульяновой, ул. Матроса Кошки, ул. Павла Тычины, просп. Павших Коммунаров, ул. Партизан Харичковых, ул. Шахтерской дивизии, ул. Юрия Долгорукого, ул. Ярослава Галана, ул. *8-го Марта*.

3. Трёхсоставные/трёхсловные (1 единица, или 0,5 %): ул. *50-й Гвардейской Дивизии*. Как видим, в нашем материале к трёхсоставным годонимом относится название улицы *50-й Гвардейской Дивизии*, одним из компонентов которого является порядковое числительное, а два других – это относительное имя прилагательное и имя существительное в форме Р. п. ед. числа. В целом же данный годоним, как и годоним ул. Шахтерской дивизии, образован на базе номинации одной из дивизий, освобождавших города Донбасса от фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.

4. Четырёхсоставные/четырёхсловные (2 единицы, или 1,1 %): ул. им. Ю. А. Гуляева и ул. им. Ф. И. Толбухина, которые реализуют развёрнутую мемориально-персональную генитивную субстантивную модель, построенную на основе сочетания компонента имени и полной антропонимической формулы именования «инициалы + фамилия в форме Р. п. ед. числа того, в честь которого названа улица».

Систематизация и анализ фактического материал свидетельствуют о том, что двухсоставные/двухсловные названия отличаются большим разнообразием моделей:

1. «Существительное форме Р. п. ед. или мн. числа + существительное Р. п. ед. или мн. числа»:

а) первый компонент – официальное мужское личное имя в форме Р. п. ед. числа, а второй компонент – мужская фамилия в форме Р. п. ед. числа (ул. Всеволода Вишневого, ул. Евгения Орлова, ул. Павла Тычины, ул. Юрия Долгорукого, ул. Ярослава Галана);

б) первый компонент – женское личное имя в форме Р. п. ед. числа, а второй компонент – женская фамилия в форме Р. п. ед. числа (ул. Любы Шевцовой, ул. Марии Ульяновой).

в) первый компонент указывает на профессию или звание, а второй компонент называет фамилию лица (или лиц), в честь которого (которых) названа улица (ул. Капитана Ратникова, ул. Партизан Харичковых, ул. Матроса Кошки);

г) первый компонент представляет собой абстрактное существительное в форме Р. п. ед. числа, а второй – обозначение совокупности людей в форме Р. п. мн. числа (ул. Дружбы народов).

2. «Прилагательное + существительное»:

а) первый компонент – относительное прилагательное в форме Им. п. ед. числа, а второй компонент – существительное в форме Им. п. ед. числа (ул. Комсомольской Правды, ул. Шахтерской дивизии). Как видим, в качестве первого компонента в таких случаях может использоваться, например, оттопонимное прилагательное (топоним Шахтерск > шахтерская), а вторым компонентом может служить номинация воинского подразделения: ул. Шахтерской дивизии. Годоним ул. Комсомольской Правды может быть в целом охарактеризован также как результат трансонимизации идеонима «Комсомольская правда»: название газеты «Комсомольская правда» > годоним ул. Комсомольской Правды;

б) первый компонент – прилагательное в форме Р. п. мн. числа, а второй компонент – существительное в форме Р. п. мн. числа, указывающее на социальный статус группы лиц, в честь которых назван годоним (просп. Павших Коммунаров);

в) первый компонент – оттопонимное прилагательное в форме И. п. ед. числа (топоним Макеевка > макеевское), а второй компонент – номенклатурный термин шоссе: годоним Макеевское шоссе.

3. «Числительное + существительное: ул. 8-го Марта.

Преобладание в исследуемом годонимиконе односоставных/однословных единиц свидетельствует о проявлении такой универсальной тенденции номинации, как экономия языковых средств, о желании носителей языка как можно более лаконично передать информацию в процессе коммуникации.

Что касается односоставных/однословных годонимов, то среди них представлены, как годонимы, образованные на базе

имён собственных (ул. Абхазская, ул. Антипова, ул. Архимеда, ул. Барнаульская, ул. Гомелевская, ул. Кабардинская, ул. Карпатская, ул. Патона, ул. Симферопольская, ул. Фадеева, ул. Ходаковского, ул. Харитонов, ул. Ярошенко и др.), так и отопеллятивные годонимы (ул. Автотранспортников, ул. Березовая, ул. Водная, ул. Восточная, ул. Декоративная, ул. Демократическая, ул. Жемчужная, ул. Каштановая, ул. Профсоюзная, ул. Рассвета, ул. Стволовая, ул. Учительская и др.).

Односоставные/однословные годонимы Калининского района города Донецка представлены двумя основными разновидностями:

1. Адъективные однословные годонимы, состоящие из имени прилагательного в сочетании с номенклатурным термином (89 единиц, или 48,6 % от общего числа анализируемых годонимов и 54,3 % от числа односоставных/однословных годонимов). Например: ул. Абхазская, ул. Ботаническая, ул. Вузовская, ул. Демократическая, ул. Московская, ул. Угледарская, ул. Юзовская, ул. Водная, ул. Левобережная, ул. Профсоюзная, ул. Смежная, ул. Каштановая, пер. Набережный и др.

2. Субстантивные однословные годонимы, включающие имя существительное (оним или апеллатив) в сочетании с номенклатурным термином (75 единиц, или 40,9 % от общего числа анализируемых годонимов и 45,7 % от числа односоставных/однословных годонимов). Например: ул. Герцена, пер. Ботева, ул. Бутлерова, ул. Володарского, ул. Карпинского, ул. Котовского, просп. Дзержинского, ул. Лазо, ул. Моцарта, бульв. Шевченко, бульв. Шахтостроителей, ул. Проходчиков, ул. Мира и др.

Даже предварительный анализ структурных типов годонимов Калининского района города Донецка позволяет сделать вывод о структурном разнообразии рассматриваемого годонимикона. На структурном уровне годонимы Калининского района города Донецка демонстрируют ономастическую универсалию, присущую годонимикону российских промышленных городов (см. [2]), – преобладание однословных годонимов. В свою очередь внутри структурного типа односоставных/однословных годонимов в анализируемом материале первое место по количественному критерию занимают адъективные однословные годонимы, которым по степени представленности уступают субстантивные номинации линейных объектов. Годонимикон Калининского района города Донецка имеет сложную системно-структурную организацию, демонстрирующую взаимодействие различных моделей, по которым образуются годонимы. Осуществить детальную классификацию моделей адъективных и субстантивных однословных годонимов – следующий шаг в логике нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гузикова В. В. Лингвокультурологический аспект урбанонимов как отражение национальной картины мира / В. В. Гузикова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2012. – № 1. – С. 183–190.
2. Егорова Л. В. Структурные типы топонимов Чувашской Республики / Л. В. Егорова // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 4. – С. 231–235.
3. Забелин Н. Ю. Московская городская топонимия. Структурно-семантический анализ топонимической системы : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Забелин Николай Юрьевич. – М., 2007. – 23 с.
4. Мезенко А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко. – Минск : Университетское изд-во, 1991. – 167 с.
5. Никонов В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – 2-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2011. – 184 с.
6. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 198 с.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
8. Пушкарева Ю. Г. Принципы классификации названий внутригородских объектов / Ю. Г. Пушкарева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 10. – С. 116–121.
9. Шмелёва Т. В. Ономастикон российского города / Т. В. Шмелёва. – Saarbrücken : LarLambert Academic Publishing, 2014. – 137 с.

SUMMARY

Varvara Krivulya. Structural types of toponyms of Kalininsky district of Donetsk: general characteristics

The article puts up the structural-typological classification of the Kalininskiy district of Donetsk toponyms. The productivity of basic world-building types had been analyzed. The most frequency models of street names had been established.

Keywords: toponym, urbanonim, toponim, structural type, street.

Содержание

Арапова В. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНА СВОЄРІДНІСТЬ МОВИ СУЧАСНИХ УКРАЇНСЬКИХ КАЗОК.....	3
Барбунова М. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ И ЕГО ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ	6
Бляшкіна А. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИСКУРСА В. В. ПУТИНА	9
Борозенец Д. СЛОВАРНЫЕ ЕДИНИЦЫ САКРАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ В СОСТАВЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЗНАНИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА С ВЕРШИНОЙ ВЪДАТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI–XVII ВВ.)	14
Бровец А. СЛОВАРЬ ДЕШИФРОВАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ АББРЕВИАТУР РУССКОГО ЯЗЫКА	18
Буряченко А. СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА.....	23
Гожа В. «АВТОРСЬКА МАСКА» ЯК ПОСТМОДЕРНІСТИЧНИЙ ЗАСІБ У ЛІТЕРАТУРІ.....	27
Головань Е. ЭРГОНИМЫ СОВРЕМЕННОЙ ГОРЛОВКИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	31
Горбачева К. СТИХИЯ ВЕТРА В ЛИРИКЕ Н. РУБЦОВА: СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ	34
Гореславская О. ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ОЧЕРКЕ «НАЧИНАЙ ИСКАТЬ СВЕТ!» ЕГОРА ВОРОНОВА.....	37
Дмитрова Е. ГОДОНИМЫ БУДЕННОВСКОГО РАЙОНА ГОРОДА ДОНЕЦКА КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛОКАЛЬНО- ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ	41
Довбыш С. СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС».....	46
Емельянова К. ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ	51

<i>Елисеева Я.</i>	
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛИЗМОВ.....	55
<i>Жихарева Ю.</i>	
ТИПОЛОГИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУРСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МУЛЬТИПЛИКАЦИИ).....	60
<i>Загорнюк А.</i>	
«СНИЖЕННЫЙ РЕГИСТР» РУССКОЙ РЕЧИ.....	63
<i>Зуенчик Е.</i>	
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМОВ.....	67
<i>Извекова И. Ю.</i>	
РОМАН Е. ЧУДИНОВОЙ «МЕЧЕТЬ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ» КАК ЯРКИЙ ПРИМЕР ПРОВИДЧЕСКОЙ АНТИУТОПИИ.....	70
<i>Кочетова К.</i>	
ОРГАНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ М. ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ...».....	73
<i>Кравченко А.</i>	
РЕАЛІЗАЦІЯ МЕТАПРЕДМЕТНОГО ПІДХОДУ ПІД ЧАС ВИВЧЕННЯ МОРФОЛОГІЇ.....	76
<i>Лучинская Т.</i>	
АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ГЛАГОЛОВ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ <i>ЛЮБИТЬ, ПРОЯВЛЯТЬ, ЗНАКОМИТЬСЯ</i> И <i>ПРИРУЧАТЬ</i> (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ НАПРАВЛЕННОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА).....	81
<i>Мамедова Ю.</i>	
РЕЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАК СРЕДСТВО ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРАМЫ А. Н. ОСТРОВСКОГО «ГРОЗА»)	89
<i>Мысягина С.</i>	
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА (НА ПРИМЕРЕ МИНИАТЮРЫ «ЗАПЛЕЧНЫЙ МАСТЕР» ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ «ВЗВИХРЕННАЯ РУСЬ»).....	93
<i>Пивень А.</i>	
ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ТЕКСТ КАК КОМПОНЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ ИЗВЕСТНОЙ ЛИЧНОСТИ.....	104
<i>Полухина А.</i>	
ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ А. ЧЕХОВА.....	108

<i>Решетарова А.</i>	
К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ СТЕНДАП-КОМИКА.....	113
<i>Решетько Е.</i>	
ЗВ'ЯЗОК СУБСТАНТИВІВ SINGULARIA TANTUM З КАТЕГОРІЄЮ ЧИСЛА	116
<i>Рязанова В.</i>	
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ГИБРИДНЫХ ГРУППАХ СЛОЖНЫХ СЛОВ.....	120
<i>Саенко А., Блюмина О. В.</i>	
ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДОНЕЦКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.....	124
<i>Седова А.</i>	
КИНОНИМЫ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОЙ ИНТЕНЦИИ	130
<i>Соловцова Е.</i>	
ПОЛИСЕМАНТИЗМ ИЛЛОКУТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ	136
<i>Талалаенко Д.</i>	
КРОС-КУЛЬТУРНИЙ ПІДХІД У НАВЧАННІ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ В УМОВАХ ДВОМОВНОСТІ.....	141
<i>Ткач О.</i>	
МОНОДРАМА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФАКТ	146
<i>Устинова И.</i>	
ДЕШИФРОВАЛЬНАЯ МАТРИЦА ГНЕЗДА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ «АВТОМАГАЗИН»	150
<i>Хайтул В.</i>	
АДЪЕКТИВНАЯ АББРЕВИАТУРА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	155
<i>Царанова Д.</i>	
СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МИКРООБРАЗА БАЙРАКА.....	159
<i>Цыбарева А.</i>	
ИНДА, КАЛУШАТА, ПОБИРИМ ОБ АБВ! ОБУЧАЮЩИЙ МОТИВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СКАЗОК (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА СКАЗОК Л. С. ПЕТРУШЕВСКОЙ «ПУСЬКИ БЯТЫЕ»).....	163
<i>Чернецкая А.</i>	
ТРАДИЦИИ СВЯТОЧНОГО РАССКАЗА В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЕЛКЕ»	166
<i>Шапков И.</i>	
ПОЛИЖАНРОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА	171

<i>Артамонов Д.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОГАНОВ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ)	177
<i>Саркисова Я.</i> СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ОДНОКОМПОНЕНТНЫХ ФИЛЬМОНИМОВ – НОМИНАЦИЙ ЛИЦА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ И СЕРИАЛОВ 2000–2015 ГГ.).....	181
<i>Кривуля В.</i> СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ГОДОНИМОВ КАЛИНИНСКОГО РАЙОНА ГОРОДА ДОНЕЦКА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	185

Научное издание

СЛАВИСТИКА: НОВЫЕ ИМЕНА
В НАУКЕ

Сборник научных трудов участников II Республиканской
очно-заочной научно-практической конференции
студентов и молодых учёных

Главный редактор *И. А. Герасименко*

Технический редактор *А. М. Калашиников*
Компьютерная вёрстка и макетирование *Е. С. Шалыгиной*
Корректоры *Н. В. Лешкова, Л. М. Бражник, О. В. Блюмина,*
Ю. Л. Дмитриева, О. В. Сырова, Л. А. Штакина, О. Т. Захарова

*За содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных
и других сведений ответственность несут авторы*

Подписано к изданию 29.11.2018.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 11,13. Уч.-изд. л. – 12,25.
Усл.-изд. л. – 11,39.
Тираж 100 экз. Зак. № 114.

Издательство ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Свидетельство о государственной регистрации субъекта издательского дела
ДК № 1342 от 29.04.2003
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25